

А.Н. СЕВАСТЬЯНОВ

АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА

**РУССКАЯ ЭЛИТА
В КАТАСТРОФАХ
XX ВЕКА**

Александр Севастьянов

АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА

«Издательские решения»

Севастьянов А. Н.

Апология дворянства / А. Н. Севастьянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555759-9

Национальные отношения сегодня повсеместно вышли на передний план событий, определяя историю, в конечном счете, всей антропосферы. Чтобы быть готовым к участию в судьбах мира, надо правильно понимать новую реальность, а для этого ее надо в первую очередь изучать. Наука этнополитика ни в СССР, ни в государствах, возникших на его месте, никогда не изучалась и не преподавалась. В результате во внешней и внутренней политике России провал следует за провалом, ошибка за ошибкой...

ISBN 978-5-00-555759-9

© Севастьянов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ	6
АПОЛОГИИ	7
АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА	8
АПОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	9
МОСКВА	10
2021	11
АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА	11
ОГЛАВЛЕНИЕ	12
АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА. ПРОЛОГ	13
ГЛАВА I. РУССКИЙ БУНТ И ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	14
ОБВИНЯЕТСЯ ДВОРЯНСТВО	15
ЭПИЛОГ. ДВОРЯНОФОБИЯ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО	16
АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА. ПРОЛОГ	17
ОБЕЗЬЯНА И КОРОЛИ	19
МЛАДОБОЛЬШЕВИКИ	22
РУССКИЙ БУНТ И ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	30
Кричащие противоречия Соловья	35
Октябрь, большевики и пси-фактор	41
По ложному следу	55
ОБВИНЯЕТСЯ ДВОРЯНСТВО	58
О «тотальной франкофонии» дворян	65
Русский быт русских дворян	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Апология дворянства

Александр Никитич Севастьянов

© Александр Никитич Севастьянов, 2021

ISBN 978-5-0055-5759-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

АПОЛОГИИ

АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА

АПОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

МОСКВА

2021

АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА. ПРОЛОГ

*Обезьяна и короли
Младобольшевики*

ГЛАВА I. РУССКИЙ БУНТ И ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Главный тезис Соловья: «Русское восстание против Империи»

**Дворянство под прицелом. Почему?
Кричащие противоречия Соловья
Quasi una fantasia на тему эксплуатации
Октябрь, большевики и пси-фактор
Почему победил Октябрь
Оправдание большевиков
Пси-фактор**

**«Русская» революция?
По ложному следу**

ОБВИНЯЕТСЯ ДВОРЯНСТВО

**Культурный разрыв с народом и культурная дискриминация крестьян
О «тотальной франкофонии» дворян
Был ли религиозный «разрыв»?
Русский быт русских дворян**

**Стол
Одежда
Праздники
В чем были едины крестьяне и дворяне
Дискриминация и эксплуатация крестьян
Крестьянофобия, социальный расизм**

«Русским было хуже, чем всем прочим»

**«Вольность дворянства лишила крепостничество моральной основы»
«У англичан нация, а у нас шиш»
«Образовательные барьеры»
«Недостаточность социальных лифтов»
О патриархальной семье дворянина и крепостных гаремах
Бесправные, зато сытые
Классовый антагонизм**

«НЕРУССКОЕ РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО»

**Миф об «этническом отчуждении» русских дворян
Миф о нерусском происхождении дворянства
От мифа – к мифу
Национальные элиты России в борьбе за власть
М. О. Меньшиков о национальных фракциях российской элиты.**

**Миф о «еврейском дворянстве»
В блаженном неведении
Еврейский припек к польскому пирогу
«Потемкинские евреи»
Вода и масло
Немецкий сюжет
Дворянство и немцы до 1825 г.
Дворянство и немцы после 1825 года: немецкое засилие
Польский сюжет
Ксенофобия русских и итоги Гражданской войны
Антинемецкие и антипольские настроения
Антиеврейские настроения**

Дворяне спровоцировали или даже сделали революцию?

ЭПИЛОГ. ДВОРЯНОФОБИЯ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Песнь антикупца Калашникова

Идейное заблуждение – корень дворянофобии Сергеева

АПОЛОГИЯ ДВОРЯНСТВА. ПРОЛОГ

*«Отношение к благородному сословию России —
та лакмусовая бумажка, по которой легко проверить,
чего в сущности желает стране тот или иной автор».*

О. И. Елисеева

*Сим молитву деет, Яфет власть имеет,
Хам пшеницу сеет, Смерть всеми владеет.*

Древнерусский духовный стих

Нуждается ли русское дворянство в апологии? Ведь это сословие практически уже исчезло с лица земли. Большею частью русские дворяне были истреблены или изгнаны после Октября 1917 года, а те что уцелели и не эмигрировали – постепенно вымирали, не оставляя потомства, или мешались с простонародьем и инородцами всех мастей, растворялись без следа в населении. Как, впрочем, и те, что покинули Россию и разбрелись по свету; с той только разницей, что в России дворянские гены обогащали свой собственный народ, а за рубежом – чужие народы.

В отличие от Английской смуты, обезглавившей короля, но не затронувшей нобилитет, в отличие от Французской революции, после которой аристократическая эмиграция массово вернулась на родину и восстановила свой статус¹, Октябрьская революция резко, радикально и навсегда уничтожила лучшую часть русского генофонда, лишила нас нашей биосоциальной элиты, нанесла нации в целом непоправимый ущерб.

Когда нас призывают чтить свою «родную» Октябрьскую революцию, ссылаясь на пример французов, празднующих Великую Французскую революцию, или англичан, прославляющих торжество Кромвеля и Парламента над абсолютизмом, забывают именно об этом роковом обстоятельстве, не оставляющем нам места для веселья и оптимизма.

Сегодня в Союзе потомков российского дворянства (Российском дворянском собрании) состоит около двух тысяч семей – ровно один процент от дореволюционной численности сословия. Пройдет еще сто лет, глядишь – и вовсе не останется в нашей стране, да и в мире, представителей особой породы человеческой, русских дворян. Кому и зачем тогда понадобится некая правда в отношении нее? Кому будет дело до исторической вины или, наоборот, исторических заслуг дворянства? Стоит ли сегодня тратить усилия на выяснение подобных обстоятельств?

Я, берясь за данное эссе, исхожу из простой презумпции: правда истории нужна всем и всегда. А долг историка ее находить и преподносить людям.

Но есть, помимо этого общего соображения, еще немаловажный мотив, заставляющий меня браться за апологию дворянства. Он связан уже не с прошлым и его оценкой, а с животрепещущим текущим днем и, в меньшей степени, с надеждами на лучшее будущее, которым не сбыться, если фундамент при его закладке окажется гнилым.

Дело в том, что писаной истории русского народа (если не считать опыта Н. А. Полевого, которому уж почти полтора столетия, да написанной по заказу Сталина небольшой книжки Н. М. Дружинина) до сих пор не существует. Ни в виде учебника, ни монографии, ни как-либо еще. Ни на академическом, ни на частном уровне. Историй «Государства Российского» (под разными наименованиями, вплоть до истории СССР) – сколько угодно. А истории нашего народа – нет как нет. Понятно, что без такой истории говорить о полноценном наци-

¹ В ходе революции было уничтожено, по подсчетам историков, всего примерно 3% французского дворянства; еще примерно 30–40 тыс. дворян эмигрировало, из них большая часть возвратилась в Реставрацию.

ональном русском самосознании не приходится, и ее создание поставлено самим временем в повестку дня.

Несколько лет тому назад автор этих строк, собрав весьма представительный оргкомитет и жюри, а также назначив вполне приличную премию, эквивалентную 10 тыс. долларов, объявил всероссийский конкурс на создание вузовского учебника «История русского народа». Было проведено широкое оповещение по вузам и НИИ, располагающим историческими факультетами, кафедрами и отделами. Однако научная общественность России оказалась не готова к такой работе и ничем не порадовала конкурсную комиссию. Создание подобного рода истории остается заданием на будущее.

Уже и сейчас можно утверждать, что эта история отнюдь не будет гладкой. И самая тягостная, трагическая и спорная страница в ней – это, конечно, первая четверть XX века, когда готовилась, а потом и производилась в революциях гибель исторической России, переламывалась судьба русского народа. Эта первая ступень предопределила с неизбежностью вторую: революцию 1991—1993 гг., явственно обозначившую дальнейший путь вниз, нисхождение русских с исторической арены. Центральный эпизод той эпохи – Октябрьская революция, от правильной оценки которой зависит верный взгляд на всю историческую перспективу, на наш сегодняшний и, что гораздо важнее, завтрашний день.

В последние годы среди серьезных исторических работ появились и такие, которые можно считать установочными для подготовки будущей «Истории русского народа». Естественно, они по причине своего первопрородческого статуса блещут как открытиями и достижениями, так и досадными умолчаниями и искажениями, нуждающимися в исправлении. Или, по крайней мере, в критическом осмыслении.

Одним из центральных моментов такого рода как раз является оценка русского дворянства, поскольку от нее радикально зависит оценка Октябрьской революции, а от сей последней – и всей русской истории, как прошлой, так и будущей. Осудить русское дворянство в целом – значит оправдать Октябрь; защитить дворянство от несправедливых обвинений – значит, во многом, осудить Октябрь. Или, во всяком случае, способствовать его объективной оценке, к чему просто обязывает историческая дистанция с лишком в сто лет.

Таковы причины, заставившие меня взяться за перо.

ОБЕЗЬЯНА И КОРОЛИ

*Когда в джунглях умирает лев, то царем становится обезьяна.
Индийская мудрость*

Начну обзор не с трудов серьезных историков, а с безапелляционной стряпни профана, бесконечно далекого от реального знания русской истории, но одно время пользовавшегося немалой популярностью у еще менее, чем он сам, просвещенных лиц. Его простенькие идеи выросли, однако, не на пустом месте.

Кандидат геолого-минералогических и доктор технических наук, профессор Петр Михайлович Хомяков, известный в русских политических кругах как создатель концепции НОРНА и неформальный руководитель «Северного братства», признанного затем экстремистским², не раз пытался выступать в амплу самодеятельного историка. Обладая своеобразным даром упрощать и схематизировать плохо познанный им предмет, он создал, однако, целую школу русского национал-анархизма. Ученики профессора, характеризуя себя как симбиоз кулаков и власовцев, проклинают на все лады историческую Россию (не только в обличье СССР или РФ), ратуют за ее расчленение, прикрываясь лозунгом конфедерализации, мечтают о новой революции и т. п.

Сам гуру Хомяков исчерпывающе высказался на этот счет на сайте ИА «Ичкерия-Инфо», которому дал интервью, руководствуясь тут же заявленным принципом: «Если человека, слышущего „русским националистом“ поддержит чеченский ресурс – это гораздо сильнее, чем сто аналогичных материалов на русских ресурсах».

Его спросил чеченский корреспондент: **«Как Вы относитесь к процессу развала России?.. Что он принесет русскому народу, благо или потери?»**.

«В перспективе этот развал, несомненно, неизбежен, – с готовностью провещал профессор. – Я считаю, что к 2015 году Россия развалится со стопроцентной вероятностью. Но она может развалиться и раньше. Есть не нулевая вероятность, что процесс развала начнется уже в этом 2010 году. Как я к этому отношусь? Как к благу для русского народа, который этим государством уничтожается со скоростью более миллиона человек в год. Думаю, что и другие народы России не будут возражать против развала России. При этом, чем раньше это произойдет, тем лучше для всех нас»³.

Свою ненависть к исторической России Хомяков декларирует всегда, везде и по любому поводу, ничего хорошего не видит в ней в принципе. Поэтому я не удивился, увидев его поразительную по своей нелепости и несоответствию исторической правде сентенцию:

«Несчастлива в России доля не только казака, но и коренного великоросса, украинца, белоруса. Поразительно, но именно в России «привилегия» быть крепостными рабами предоставлялась как раз в первую очередь представителям государствообразующего триединого русского народа (великороссам, украинцам, белорусам).

В то время как дворянство, владеющее этими рабами, было по большей части нерусским (здесь и далее выделено мною. – А.С.). Напомним ставший известным в начале 1990-х годов факт. Т.н. «русское» дворянство к середине XIX века было едва ли наполовину православным. При этом «в зачет» шли «не совсем православные» грузины, армяне, греки, сербы, румыны.

² Сам профессор в 2010 году выехал на Украину, где попросил политического убежища, но затем опрометчиво вернулся в Россию, был арестован, судим и умер на зоне в 2014 г. в возрасте 64 лет. В середине 1990-х мы исповедовали схожие политические взгляды и даже написали совместно «Национал-капиталистический манифест», но в дальнейшем идейно разошлись из-за уклона профессора в национал-анархизм.

³ http://anvictory.org/blog/2010/05/16/intervyu_redaktsii_iaichkeriya-info_s_professorom_petrom_homyakovyim/

А кроме них вообще все крещенные инородцы. То есть даже среди «православных» дворян этническими русскими были далеко не все.

Но около половины дворян не были даже православными! Следовательно, этнических русских среди российского дворянства было, дай Бог, 1/3. Между тем подавляющее число крепостных были именно русскими.

В итоге, несколько огрубляя численные оценки, можно утверждать, что *российское государство отдало в крепостное рабство русских людей на 2/3 этнически нерусскому дворянству.*

Для убежденного русского националиста этой характеристики российского государства вполне достаточно. Другие характеристики излишни»⁴.

Несмотря на то, что в то время Хомяков, как следует из интервью, уже причислял себя не к националистам, а просто к демократам, в те дни, когда писался данный текст, профессор адресовался именно к молодым русским националистам, среди которых вел – и небезуспешно! – свою пропаганду. И кое-кто в очередной раз поверил его злостным бредням, клевете на Родину.

Нехитрый трюк с подтасовкой статистических данных очевиден каждому мало-мальски осведомленному и мыслящему человеку: ведь территориально, географически, нерусское дворянство и русские крепостные крестьяне проживали в совершенно разных местах. Там, где правили баи, беки, грузинские князья, остзейские бароны и польские паны, вошедшие действительно немалым числом в статистику российского дворянства, русские крепостные крестьяне не водились вовсе (за некоторым исключением отдельных частей Белоруссии и Малороссии). А в губерниях, где находились основные массы русских православных крепостных крестьян, там и дворянство было соответствующим: русским и православным. Конечно, не обходилось без исключений, но они на то и существуют, чтобы подтвердить правило.

Такое вот «некоторое огрубление» позволил себе профессор, чтобы хоть как-то мотивировать свою безмерную ненависть к любым формам российской государственности. Но, если не считать того, что в основание всей его логической цепочки положено откровенное вранье, в целом цепочка выглядит вполне последовательно. Среди прочего, она ведет к полному обелению Октябрьского переворота, позволяет представить его как «русскую национально-освободительную революцию», совершенную русским народом против угнетавших его нерусских дворян (даром что крепостного права уже более полувека не было в России).

Непонятным остается, правда, почему, освободившись от такого якобы инородческого гнета, русский народ тут же попал в еще худшую кабалу – и на сей раз уж точно инородческую...

Формулировки Хомякова отчетливы, лапидарны, почти афористичны, они рассчитаны на легкое усвоение широкой аудиторией (на то он и профессор). Но... не оригинальны. При ближайшем рассмотрении оказывается, что автор сумел не только уловить заказ антирусских сил, но и выловить в потоке современной информации материалы, не им разработанные, но обосновывающие его концепцию. Заявляя ее на публику, он лишь играет роль придворной обезьянки, своей утрированной мимикой копирующей поведение королевских персон.

Неприятно сознавать и сознаваться, что шутовской и лживый абсурд, весьма профессионально продвигаемый в массы невежественным демагогом, эпигонски связан, однако, с некоторыми современными утонченнейшими и высокопрофессиональными научными исследованиями. Они принадлежат перу историков, прямо-таки одержимых странным, возможно неосознанным, стремлением к реабилитации Октября и стоящих за ним антирусских сил. Станным, ибо исходит оно не от либералов диссидентской закваски, потомков и наследников «пламенных революционеров», а от людей, причисляющих себя к лагерю русских национали-

⁴ Хомяков П. М. Русский национализм и единство русского народа. 24.08.2007. <http://www.velesova-sloboda.org/right/homyakov-russian-nationalism.html>

стов. Более того: этими людьми проведена огромная и ценная работа, реально сдвигающая сознание высших кругов российской интеллигенции к приятию русской националистической парадигмы. Смею думать, эти люди, с которыми я имел честь сотрудничать (все мы состояли некогда в редсовете журнала «Вопросы национализма»), составляют заметную часть той небольшой группы, которую можно характеризовать как цвет сегодняшней исторической науки.

Однако: Платон – друг, но истина дороже. По этой важной причине я не могу не взять на себя ответственность возразить в меру своих скромных сил на их концепцию российского дворянства.

Речь идет о книгах Валерия Дмитриевича Соловья и Сергея Михайловича Сергеева. Написанные на разные темы и на разном материале, они, увы, сходятся в одном: в искажении, очернении наших представлений о русском дворянстве и – как следствие – всей эпохи от Раскола и Петра вплоть до Октября и Ленина. Мне приходилось, и не раз, публиковать положительные отзывы по поводу того ценного, важного, нужного для русского читателя, что в этих книгах содержится. Но не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду скажет, поэтому я с чистой совестью берусь оспорить ту часть их работы, с которой невозможно согласиться.

МЛАДОБОЛЬШЕВИКИ

*Для нравственного поколения это постоянное сознание долга
перед предками и долга перед потомством служит как бы двумя
благословениями, двумя светлыми крыльями гения – хранителя рода.
Для поколения безнравственного нарушение долга перед предками
и перед потомством служит двумя проклятиями,
двумя черными крыльями дьявола, истребляющего жизнь.
Михаил Меньшиков*

Вначале необходимо напомнить, что вообще-то для российской историографии не новость антидворянский пафос ни историков новейшего националистического склада, ни их обезьяны – профессора Хомякова. У истоков дворянофобской традиции (если не считать невербальную критику топором и «красным петухом») стоит, пожалуй, еще Александр Радищев. Напомню только одну из его выразительных инвектив, отбросившую длинную тень на русскую историю: «О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярься в отчаянье своем, разбили железом, препятствующим их вольности, главы наши, главы бесчеловечных господ своих и кровью нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство?»⁵. Эти слова, принятые близко к сердцу поколениями революционеров, развернулись после 1917 года в тотальное избиение и изгнание русской элиты.

Острые стрелы посылали в собственное сословие также Новиков и Фонвизин, Сумароков и Княжнин, декабристы и Пушкин. Немалое количество критики по адресу русского дворянства можно найти как у дореволюционных историков и политиков славянофильского, революционно-демократического, народническо-эсеровского⁶, евразийского, марксистского и анархистского толка, так и у авторов советской, особенно ранне-большевистской формации. Больше всех усердствовали в обличениях, естественно, последние.

Небольшой обзор наиболее характерных высказываний послереволюционных обличителей дворянства приводит профессор истфака МГУ А. И. Вдовин в монографии «Подлинная история русских. XX век» (2010). Главная особенность их в том, что критика дворянства предстает лишь поводом и обоснованием, а основной мишенью является традиционный патриотизм, чувство любви к вечной России, почитания исторической Родины, преданности ей. Эта связь с тех пор стала неотъемлемым кодом всего дискурса.

Для большевиков, осуществлявших тотальную ревизию всего российского прошлого и утверждавших собственную «правду» на его руинах, это было совершенно неизбежной необходимостью. Логика Гражданской войны, временно (и далеко не вполне) перешедшей из вооруженной фазы в словесную, подсказывала: нельзя обосновать концепцию Советской России, не разрушив «до основания» все обаяние тысячелетней русской державы, не напоминая ежедневно об антагонизме «двух наций внутри каждой нации» (Ленин) и о необходимости решительно покончить с одной из этих «наций». Что и выполнялось на деле. Со стороны может показаться, что таким образом выковывалась единая и нераздельная нация. Но на самом деле, как мы помним, большевики мечтали распрощаться вообще с нациями как таковыми, надеясь построить всемирный коммунизм, в коем не будет ни классов, ни наций. И для начала взяли искоренять русскую нацию под прикрытием классовой борьбы.

И вот, как пишет Вдовин: «Считалось, что время героического понимания истории безвозвратно ушло. У всех героев (начиная с былинных богатырей) и творцов культуры прошлого

⁵ Князь М. Щербатов и А. Радищев. С предисловием Искандера. – London, Trubner & Co., 1858. – С. 299.

⁶ За образец в этом плане можно считать труды В. О. Ключевского, ревностно создававшего себе репутацию «прогрессивного» профессора и недаром переиздававшегося в Советской России, в отличие, скажем, от Д. И. Иловайского и мн. др.

всегда находили одни и те же изъяны: они или представляли эксплуататорские классы, или служили им»⁷. Это, конечно, совершеннейшая правда, но взятая под низким углом зрения, взглядом Терсита, но не Одиссея; с высоты птичьего... нет, не полета, а помета. И вела эта низкая правда к подлым выводам, решительно отказаться от которых в недалеком будущем заставила большевиков только Великая Отечественная война.

Именно в таком контексте вел пропаганду, к примеру, нарком просвещения Анатолий Луначарский: «Конечно, идея патриотизма – идея насквозь лживая... Задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к „родине“, заставить его любить свои хищников»⁸. Мысль, как видим, вполне современная, созвучная Хомякову со товарищи и его протагонистам, духовным отцам – Соловью и Сергееву, в творчестве которых воскрес Анатолий Васильевич⁹ с присными.

Кстати, о присных. Вдовин, продолжая, обобщает:

«Образчиком такого понимания дореволюционной культуры и ее творцов может служить выступление Вс. Вишневого на одной из армейских партконференций в июле 1921 года. „Старая культура, – внушал он красноармейцам, – была фактически насквозь пропитана буржуазным духом“. И пояснил это на конкретных примерах. Взять Пушкина. Он был камерюнкером его величества царя и гордился своим дворянством. Не признавал никаких революций – следовательно, был контрреволюционером. Лермонтов был аристократом в полном смысле этого слова. Некрасов – из помещиков. Лев Толстой – граф. Писать-то он писал хорошо, но народ в „Войне и мире“ является лишь фоном, а главное разыгрывается между немногими аристократами, для которых слово „мужик“ было бранным, почти неприличным. Чехов – происхождением из мещан и, безусловно, также один из последних представителей упадочничества. Его герои бесятся от жира в провинции, скучают от безделья, ноют без конца. Кольцов считался народным поэтом, но на самом деле это типичный представитель кулачества. Горький, правда, в значительной степени близок к народу, но и у него встречается немало высказываний далеко не пролетарской идеологии. В музыке – то же самое. Глинка – помещик; достаточно сказать, что у его отца был собственный оркестр из крепостных. Римский-Корсаков – придворный капельмейстер, писал лженародные оперы, непонятные крестьянину. Музыка Чайковского – яркий образец безысходного упадочничества и пессимизма, чуждого рабочему классу. Все эти симфонии, сонаты, балеты совершенно непонятны народу. Что касается балерин, певиц в опере, оперетте, то все или почти все они фактически работали в роли привилегированных проституток и зарабатывали неплохо. Трамплином же у них, конечно, была кровать дирижера или какого-нибудь князя» (Литературная Россия. 1995. 7 июля)¹⁰.

В словах Луначарского или Вишневого мы, пусть в утрированном до шаржа виде, отчетливо видим то же принципиальное отношение к дворянству и вообще верхним классам, которым сегодня как некоей новостью шеголяют отдельные мыслители, причисляющие себя к лагерю русских националистов. На деле они – именно *младобольшевики*, только без их веры в безнациональное будущее человечества. Их ничем не мотивированная убежденность в том, что нация есть непременно нечто социально однородное (в то время, как она есть органическое единство богатых и бедных, знатных и простолюдинов, связанных общим этническим происхождением), сталкиваясь с реальной картиной «двух наций» (Ленин), невольно делает из них защитников революции. Якобы уничтожившей социальные и культурные различия в соответ-

⁷ Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. – М., Алгоритм, 2010. – С. 28.

⁸ Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век... – С. 23—24.

⁹ Интересно происхождение наркома: «Луначарский» – анаграмма фамилии Чарнолуцкий, доставшейся ему от отчима, прикрывшего своим именем грех матери А.В., зачавшей его, находясь еще в первом законном браке, от любовника, еврейского коммерсанта Мандельштама из города Риги.

¹⁰ Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век... – С. 56.

ствии с представлением большевиков о благе общества и тем самым, наконец-то, создавшей из русских единую нацию.

Я мысленно представляю себе огромных размеров надпись, в 1920-е годы «украшавшую» стену монастыря, возведенного на Бородинском поле на месте гибели героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора А. А. Тучкова: «Довольно хранить остатки рабского прошлого»¹¹. Мне не хочется думать, что Валерий Соловей или Сергей Сергеев, вдумчивые и тонкие, глубоко эрудированные историки, могли бы поставить свою подпись под нею. Но написанное ими объективно приводит рядового читателя, мыслящего просто и прямолинейно (типа профессора Хомякова и его аудитории), именно к такому заключению.

В чем корень их ошибочных представлений?

Общества без эксплуатации не бывает (за исключением утопии или первобытной общины, которую кое-кто на этом основании относит к золотому веку человечества, не предлагая, однако, в него вернуться). Эксплуатация, с тех пор как появилась возможность давать минимальное содержание рабам и проводить в жизнь разделение труда, была, есть и будет всегда. Даже, как мы знаем и помним по собственному опыту, при социализме. Соответственно, в обществе всегда будут эксплуатируемые и эксплуататоры. Именно в этом, кстати, коренится главный фактор прогресса: за последние примерно семь тысяч лет те народы, которые научились эксплуатации человека человеком, продвинулись до космических высот, а те, что не научились, остались в каменном веке.

Но нация – и в этом все дело! – не может состоять только из эксплуатируемых классов, как и ни одна биологическая популяция не может состоять только из омега-особей, а непременно включает в себя и альфа-, и бета-, и гамма-особей. Взгляд, согласно которому нация-де должна быть социально и культурно гомогенна, не выдерживает критики: ведь под этот критерий в действительности не подходил даже разрекламированный в таком качестве советский народ, имевший свой господствующий класс – номенклатуру¹². А других примеров мир и вовсе не знает: никто такой гомогенной нации никогда не видел, разве что в мечтах.

Точно так же фальшиво и ничем не обосновано утверждение, будто низшие общественные классы – это и есть золотой фонд (и генофонд) нации и ее основа, ее лучший цвет, как нам твердила советская пропаганда. Можно подумать, рабочие и крестьяне – только это и есть народ, нация в целом.

Однако никакая, даже предположительно лучшая и большая, часть не может претендовать на звание целого. Разумеется, нация не сводится, не может сводиться только к ее высшим классам, но и без них она тоже – не нация. Нация – это все вместе, бедные и богатые, сильные и слабые, знатные и простые.

Пример культурных героев любой нации, как правило, принадлежащих к классу эксплуататоров или примыкающей к нему части интеллигенции, ярко это подтверждает. История искусства вплоть до XX века – эпохи «восстания масс», по Ортеге-и Гассету, – есть история вкусов верхнего, эксплуататорского слоя общества, и только. Однако, разве может быть полноценная нация без национальной культуры в ее высших проявлениях? Таким образом, конституирующая роль верхних классов в процессе нациеобразования совершенно неоспорима.

Тем более в принципе несостоятельно представление о нации как о некоем этноклассе (это какой-то «слонопотам» политологии), заимствованное в новейшей отечественной традиции с Запада. В авторитете, как обычно, т.н. марксисты и лично Эрнст Геллнер, поставивший на поток производство популярных, но предельно сомнительных, а то и прямо нелепых тезисов: «Только когда классу удастся в той или иной степени стать нацией, он превращается из „класса в себе“ в „класс для себя“ или „нацию для себя“». Ни классы, ни нации не являются

¹¹ Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век... – С. 29.

¹² Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., Советская Россия, 1991.

политическими катализаторами, ими являются лишь „нации-классы“ или „классы-нации“»¹³. Эти вполне бессмысленные, высосанные из пальца вариации английского еврея-псевдомарксиста не только отчасти обнаруживаются в трудах экзотического «англичанина» Теодора Шанина¹⁴, но проросли, увы, и на отечественной почве в трудах Валерия Соловья¹⁵.

Теория Соловья о русских как эксплуатируемом этноклассе наиболее своеобразно интерпретирует эту точку зрения. Бестрепетно вычеркнув из состава народа верхние слои (не эксплуатируемые, а эксплуатирующие или к эксплуататорам примыкающие), можно, конечно, ставить вопрос и так. Но если нация, как полагают очень многие и я в том числе, – это весь разросшийся и обретший свое государство этнос, с богатыми и бедными, культурными и некультурными, эксплуататорами и эксплуатируемыми, тогда никаким «этноклассом» она не может быть по определению. Слонопотамы в природе не встречаются, а только в детских книжках.

Столь же несостоятельно и представление об утопическом обществе, в котором вообще исключена эксплуатация человека человеком, как о некоей противоположности «одноклассовой нации». Нам, жившим в «государстве рабочих и крестьян», нам, которых всячески пытались превратить в «советский народ – общество социальной однородности», нам, которым, вопреки суровой очевидности, внушали мысль об отсутствии эксплуатации в социалистическом государстве, не нужно объяснять искусственность и нежизнеспособность такой модели «нации». Ведь мы знаем об этом непосредственно, из трудного опыта нашей Родины, где главный производитель прибавочной стоимости и двигатель прогресса – интеллигенция – был полностью лишен справедливой доли в произведенном богатстве. А крестьянство на несколько десятилетий было повторно прикреплено к земле, закрепощено в колхозах.

И Соловей, и Сергеев смело проводят открытую апологию большевизма и Октября. Хотя при этом избегают опираться на труды или высказывания Покровского, Луначарского, Вишневского и иже с ними идейных большевиков (имя им легион). Возможно, стесняются такого духовного родства. Тяга к респектабельности, понимаемой в наши дни не так, как еще только треть века тому назад, определяет для них иные предпочтения в традиции мысли, как отечественной, так и зарубежной. В частности, среди своих предшественников они числят славянофилов и западных советологов/русологов.

Например, Соловей, ссылаясь на труд Веры Тольц¹⁶, отмечает: «С подачи славянофилов крестьянство стало представляться квинтэссенцией русскости. В национальном литературоцентричном дискурсе эта позиция окончательно возобладала усилиями великой русской литературы, в которой со второй половины 40-х годов XIX в. важное место заняли фигуры олицетворявших „народ“ крестьянина и „маленького человека“, противопоставленных вестернизированной элите»¹⁷.

Что касается Сергеева, то он посвятил свою кандидатскую диссертацию, выполненную с блеском, именно славянофилам.

¹³ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., Прогресс, 1991. – С. 252. Критику таких столпов конструктивизма, как Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон см. в ст.: Александр Севастьянов. Идолы конструктивизма. – Вопросы национализма, №10—11, 2012.

¹⁴ Теодор Шанин (1930—2020), еврей, в 1948 году бежавший из социалистической Польши в Палестину, где добровольцем воевал в составе командос, создававших на крови арабов (и не только) государство Израиль. Впоследствии сделал научную карьеру в Англии. Выдвинул концепцию этнокласса, понимая под этим представителей одного этноса, занявших определенную социальную нишу (например, купеческое сословие в Сингапуре, состоящее почти из одних китайцев).

¹⁵ Соловей В. Д. Русские как этнокласс. – Вопросы национализма, №, 2010. Валерий Дмитриевич, оттолкнувшись от Шанина, далеко вышагнул за рамки первоначального, «шанинского» понимания термина, смело записав в этнокласс всю русскую нацию в целом. Смело, но безосновательно.

¹⁶ Tolz Vera. Rusia. – L., 2001. Pp. 85—87. Вера Сергеевна Зилитинкевич (Тольц, Горлицкая), внучка академика Д. С. Лихачева – профессор Манчестерского университета.

¹⁷ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. – М., АИРО-XXI, 2005. – С. 124—125.

Правомерно предположить, что как Соловей, так и Сергеев попали в плен характерных славянофильских представлений, заразились ими. Рассуждения Соловья о русских как этноклассе, антиэлитаризм и эгалитаризм Сергеева об этом ярко свидетельствуют. Их выводы и оценки – развитие именно славянофильской концепции народолюбия, доведение ее до закономерного, заложенного в ней абсурда.

При этом Сергееву свойственно ссылаться на Соловья как на прямого идейного предшественника, на авторитет. В своей книге «Пришествие нации?» он сочувственно пересказывает концепцию В.Д., чтобы далее исходить из нее:

«Соловей дает краткий очерк русской истории... Главной причиной кризиса 1917 года явилось культурное и этническое отчуждение элиты от народа, начавшееся с петровских реформ. Большевики сумели использовать в своих интересах „национально-освободительную борьбу русского народа“ и оседлали „качели русской истории“, „культивируя на стадии прихода к власти анархические настроения масс... В фазисе удержания и упрочения власти они обратились к не менее мощному государственническому началу русского народа“»¹⁸.

Сам же Соловей, хоть и ссылается порой на того же Сергеева, предпочитает опираться на западных ученых: Уолтера Лакера, Доминика Ливена, Люсьена Пая, Веру Тольц, Ричарда Уортмана, Лию Гринфельд или Джеффри Хоскинга. Он особенно выделяет мысль последнего о том, например, что в России «противостояли друг другу групповые идентичности: элита воплощала имперскую идентичность, а крестьянство – русскую этническую. „Для дворянства Россия определялась прежде всего империей, элитными школами, гвардейскими полками и царским двором“»¹⁹.

Здесь уместно небольшое отступление о наших методических расхождениях.

По ходу изложения я не раз подчеркну зависимость наших авторов от иностранных толкователей русской истории. В былые времена не избежать бы им упрека в низкопоклонстве перед Западом, но в наши дни приходится лишь констатировать, что такой избыточный пиетет перед рассудочными схемами западных русологов приводит к серьезным деформациям смыслов и роковым концептуальным абберрациям.

Как пример можно привести опорную для Соловья и Сергеева мысль Д. Ливена: «Низкий уровень грамотности углублял культурную пропасть между элитой и массами: он являлся дополнительной причиной, по которой в 1914 году русское общество было сильнее разделено и меньше походило на нацию, чем в 1550-м»²⁰. Но тут уж, как говорится, Ливен соврал – недорого взял; его идея о том, что культурная пропасть между сословно-классовыми фракциями нации якобы уничтожает нацию как феномен, – глубоко ложна. К чему же подобный избыточный пиетет перед западным исследователем? Что за рецидив низкопоклонства? Не следовало допускать его по ряду причин.

Во-первых, никем и никогда не был обоснован тезис, что нация обязательно должна отличаться еще и культурной однородностью. Возможно, при коммунизме (если он когда-либо состоится) крестьянин и городской интеллигент потеряют всякие различия в образованности и менталитете. Но ожидать этого от русского общества начала XX века, 86% населения в котором было занято крестьянством, несколько странно.

Во-вторых, начало XX века как раз отличалось тем, что культурный уровень низов российского общества неуклонно повышался, к моменту революций 1917 года грамотным было уже примерно 30% населения и процесс шел по нарастающей. Да, в 1550 г. сословно-культурного различия в русском обществе было мало, но такое положение держалось не на высоком

¹⁸ Сергеев С. М. Пришествие нации? – М., Скимень, 2010. – С. 150.

¹⁹ Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории» (М., 2008). – С. 127—128.

²⁰ Я сознательно цитирую здесь не первоисточник, а книгу С. М. Сергеева «Пришествие нации?» (М., Скимень, 2010. – С. 174), чтобы подчеркнуть зависимость автора от западного авторитета.

общем культурном уровне, коего не было и в помине, а на низком культурном развитии дворянства, которое было едва ли не наиболее серым слоем населения. Но в конце XIX века, по сравнению с его началом, «культурная пропасть» быстро и решительно уменьшалась, а не «углублялась», и видеть в этом катализатор классово-враждебных революций нет никаких оснований.

В-третьих, если бы от Петра Первого и далее дворянство не приняло бы на себя роль локомотива российской модернизации, не стало руководящей и направляющей силой нашего культурного развития, тогда Россия была бы обречена на безнадежное отставание, никогда не смогла бы подняться до роли сверхдержавы, а скорее всего, ее уже давно просто не было бы.

На что же сетует Сергеев? Совершенно не зная истории российской образовательной системы XVIII в., он полагает, что российское правительство – читай: дворянская империя – специально препятствовало росту образованности народных масс. Он обвиняет: «Здесь именно не недосмотр, а сознательная политика формирования огромного человеческого массива, предназначенного для того, чтобы безропотно обслуживать романовский династически-имперский проект и его непосредственного исполнителя – дворянство, быть его пушечным мясом... Ни о какой „большой“ общенародной нации при такой постановке вопроса, конечно, не могло быть и речи, и вся крестьянская политика самодержавия решительно ясна и понятна: не допустить крестьянство (а впрочем, и купечество, и духовенство тоже) на арену общественной жизни как самостоятельного субъекта»²¹.

В этой короткой инвективе манифестированы как минимум сразу три заблуждения:

1) никем не доказано и ниоткуда не следует, что условием формирования «общенародной нации» является общий средний уровень образованности. Послушать Сергеева, так все нации мира появились не раньше Французской революции, впервые установившей обязательность образования для всех;

2) как будет показано ниже, «пушечным мясом» всей России (крестьян в том числе) было как раз-таки дворянство, а не крестьянство;

3) правительство, начиная с Анны Иоанновны, установившей всероссийскую систему семинарского образования для детей священников, и Екатерины Второй, проводившей образовательную реформу для свободных низших сословий, в том числе черносошных крестьян, посадских и дворовых людей, разночинцев и бедного дворянства, предпринимало посильные программы народного образования, а вовсе не вело «сознательной политики» отстранения народа от начатков просвещения. Не говорю уж про реформы в сфере образования при Александре Втором.

Наконец, нельзя не заметить, что именно массовое допущение крестьянства на арену общественной жизни как самостоятельного субъекта (через его преобразование в рабочий класс и интеллигенцию) ничем хорошим не кончилось. Так что правительство, если допустить, что Сергеев обвиняет его не облыжно, было не так уж неправо.

Нужно быть очень необъективным, зашоренным или малосведущим человеком, чтобы утверждать, что в России имела место политика нарочитого недопущения народа к грамоте и просвещению, а образование использовалось как рычаг осознанной социальной стратификации (такая точка зрения была свойственна марксистам и т.н. анархистам-махаевцам, считавшим образование инструментом эксплуатации и причислявшим интеллигенцию к классовым врагам пролетариата, но нам-то сегодня зачем ее реплицировать?). Просто в России всегда приходилось туговато с ресурсами, вот где-то и не хватало земских учителей, школ и проч. А планомерное централизованное образование крепостных крестьян не входило – и это совершенно разумно – в число государственных приоритетов. Изображать это обстоятельство как некий антинародный заговор верхов – наивно, чтобы не сказать хуже.

²¹ Там же.

Настоящая беда была совсем в другом, противоположном: уже во времена Александра Третьего образованных людей оказалось произведено больше, чем могла переварить российская экономика. Если уж искать причину революционизации общества, то скорее в этом, а не в культурном разрыве между странами. Циркуляр о «кухаркиных детях», ограничивший доступ простонародья к широкому, универсальному и гуманитарному гимназическому образованию (на фоне роста и расширения профтехобразования) был совершенно необходимой и разумной мерой. О том, каким грандиозным разрушительным эффектом для СССР обернулось неосторожное введение всеобщего обязательного десятилетнего образования при Брежневеве, к какому тлетворному кризису перепроизводства интеллигенции это привело, мне не раз приходилось писать. (Подобный кризис в мировой истории возникал многократно и всегда приводил к сокрушительным для общества последствиям.) Пусть это покажется кому-то парадоксальным, но к катастрофе 1917 года Россию привела не недостаточная, а избыточная грамотность и образованность, обогнавшая реальные потребности страны и режима, не справившегося со стремительным и бурным раскрестьяниванием и урбанизацией.

Идея Ливена о том, что культурная пропасть между сословно-классовыми фракциями нации якобы уничтожает нацию как феномен, – глубоко ложна. Но ее ядовитое воздействие на наши лучшие умы уже произошло, и противодействовать ему теперь нелегко, не задевая коллег, которые не так уж и виноваты.

Или взять, к примеру, весьма сочувственную цитируемую Сергеевым мысль Георгия Мейера о нерусскости (если не антирусскости) Российской империи: «Кем же преимущественно строилась она? Коренным русским племенем? Нет! Превознесшая до небес русское имя и создавшая русскую славу и русское величие, старая Империя... считала себя призванной, и действительно была призвана, это племя оевропейть. Во многих отношениях она была прямым отрицанием племенных великорусских черт, была борьбой с ними. Вообще она была живым отрицанием темного этнизма и ветхого московского терема. Для нее принадлежность к русскому племени сама по себе не означала ничего. Мерилом была лишь служба Империи»²².

Тут немец явно заврался. Со времен летописных племен именно предки современных русских вели колонизацию будущих земель Империи²³. А кто затем осваивал Поморье, Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток? Разве не коренное русское племя? Кем были терские, гребенские, кубанские, яицкие, гурьевские, семиреченские (и т.д.) казаки? Кто брал штыком, а после колонизировал Кубань, Новороссию, Крым (и т.д.)? А разве не живое национальное чувство русских дворян заставило их свергнуть Брауншвейгскую династию и свергнуть шею двум императорам-германофилам, Петру Третьему и Павлу Первому? Как минимум с 1741 по 1825 гг. Россия была именно русской (и никакой другой) дворянской империей. Между тем, вот на такого рода резких, эпатажных суждениях иностранцев и инородцев основывают наши уважаемые русские историки ошибочный взгляд на противоречие между российской империей и русской этничностью.

По сложившемуся за мою жизнь убеждению, западный историк России, за редчайшим исключением, – плохой специалист и сомнительный источник, порой владеющий некоторой фактурой, изучивший отдельный аспект, но не обладающий полнотой понимания нас. Судить о русской жизни в принципе нельзя, обладая английским или французским взглядом на жизнь, менталитетом, кругозором. Мы росли на разных книжках, на разных идейно-нравственных постулатах, на разных традициях, в том числе научных и нравственно-религиозных, мы поразному смотрим на вещи, у нас другая шкала ценностей, лестница приоритетов. Адекватнее

²² Сергеев С. М. Пришествие нации?... – С. 174—175

²³ См. об этом: Егоров В. Л. Сложение полиэтничного древнерусского государства. – Археологический сборник. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск III. – М., 1999. – С. 82—91.

воспринимают нас немецкие ученые (например, Андреас Каппелер), но и тут надо соблюдать осторожность, не слишком ими увлекаться, фильтровать их послылки и выводы.

Подход напрашивается один. Нельзя доверять безоглядно иностранцам, пишущим о России. Будь они хоть семи пядей во лбу, но ни знать как следует, ни понимать как следует, интегрально, нашу страну и наш народ им просто не дано. Пользоваться их наработками, их фактурой можно и нужно, а вот их «размышлизмы» следует воспринимать крайне осторожно и критически. Оба наших историка пишут вполне содержательно и интересно, но перекокс в сторону иностранных авторитетов не украшает, а портит впечатление от их книг, снижает их достоверность.

Но сколь бы авторитетными ни представлялись в трудах Соловья и Сергеева идеологи славянофильства или зарубежные специалисты по русской истории, а прямая преемственность просматривается у наших авторов, конечно же, прежде всего – с большевиками, чья апология Октября и всех последующих социальных инженерий так близка обоим. Тезис о национально-освободительной борьбе русских против нерусской власти и, следовательно, о «справедливой», «правомерной», а главное – национально «русской» революции близок и Соловью, и Сергееву. Соловей пропел его чуть раньше, Сергеев чуть позже. Есть и иные нюансы, но это не меняет сути дела.

Оставляя пока в стороне подробности, констатирую: в их лице мы имеем дело с весьма своеобразным и неожиданным явлением в постсоветской России: младобольшевизмом.

РУССКИЙ БУНТ И ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*Иногда побеждает не лучшая часть человечества, а бóльшая.
Эразм Роттердамский*

К сожалению, приходится констатировать: тлетворное влияние западной историографии и социологии последнего полувека, в частности, различные измышления т.н. конструктивистов, отразившиеся в кривом зеркале отечественной науки, дурно сказались на творчестве даже лучших российских ученых. В нашем случае это, в первую очередь, касается оценки Октябрьской революции и Гражданской войны.

«Есть определенная доля истины в националистической самооценке, когда народ управляется чиновниками другой, чужой высокой культуры, гнету которой должно быть противопоставлено прежде всего культурное возрождение и в конечном счете война за национальное освобождение»²⁴. Вот из этой фразы весьма, на мой взгляд, недалекого философа-марксиста Эрнста Геллнера, оброненной в 1991 году, и выросла вся концепция Соловья—Сергеева.

В чем она состоит? Огрубляя, скажу: она представляет Октябрьскую революцию и Гражданскую войну именно как национальное освобождение русского народа от гнета чиновников «чужой высокой культуры», прямо по Геллнеру. Даром что никакого культурного возрождения она не принесла, ведь у русских именно с тех пор – ни своего государства, ни своих политических лидеров, ни своей столицы; они стремительно потеряли и донныне не вернули ни свою веру, ни свою национальную культуру, а теперь еще так же стремительно теряют свой язык. Прямым результатом революции было поражение русских в правах, утрата ими своего государства и превращение их в бесправного и безответного донора для других народов советской империи. Таковы были как ближайшие, так и отдаленные результаты того самого Октября, который авторы возвышенно именуют «русской революцией». Спрашивается: если революция была «русской», то почему же ее результаты оказались столь вопиюще антирусскими?

Первоцветом этой ложной концепции в постсоветской России смело можно назвать книгу Валерия Соловья «Русская история: новое прочтение»²⁵, представляющую собой его докторскую диссертацию по истории. Затем Соловей закрепил и доразвил эту концепцию в вышедших следом книгах, в том числе в соавторстве с сестрой, Т. Д. Соловей²⁶. Продукт высокого интеллекта, обремененного немалыми познаниями, книги Соловья интересны и ценны как своими откровениями, так и своими заблуждениями.

Сергей Сергеев, работающий над докторской диссертацией, посвященной декабристам, параллельно двигался своим курсом. Но сегодня он – младший партнер Соловья в развитии антидворянской концепции. Взгляды Соловья оказали на него сильное воздействие, сказавшееся концептуально в его работах постольку, поскольку они неизбежно выводят нас на тему революционных преобразований России (Ленин недаром периодизацию революционного движения в нашей стране начинал именно с декабристов). Обвиняя дворянство в срыве русского нациестроительства²⁷ в России, Сергеев вполне естественно связывает «исправление положения» с антидворянским вектором Октября, в чем ему неопределимую услугу оказывают утвер-

²⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., Прогресс, 1991. – С. 130.

²⁵ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. – М., АИРО-XXI, 2005.

²⁶ Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. – М., Русский мир, 2008; Соловей В. Д., Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – М., Феория, 2009.

²⁷ Я приношу извинения Сергею Сергееву за повсеместное изменение орфографии его термина с «нациОстроительства» на «нациЕстроительство», что филологически более правильно, поскольку в сложных словах соединительная гласная «е» используется, когда первое слово оканчивается на йотированную гласную («е», «ё», «ю», «я»), как в слове «нация».

ждения Соловья. В итоге, в более поздних публикациях, теперь уже Соловей ссылается на Сергеева, происходит, так сказать, перекрестное оплодотворение их работ взаимными ссылками.

Мне уже приходилось полемизировать и с первым, и со вторым автором по отдельности насчет некоторых аспектов их теории²⁸. Но поскольку среди современных историков, исследующих русскую тему и притом открыто исповедующих русский национализм, единомыслием с названными коллегами никто пока не отличился, их взгляды имеет смысл рассматривать совместно, соблюдая хронологию и размечая приоритет. Вначале – слово авторам.

Главный тезис Соловья: «Русское восстание против Империи»

Как сказано выше, Соловей конкретизировал вполне голословный, что для этого автора обычно, тезис Геллнера на русском материале. Он сделал это так:

«В нашем представлении фундаментальной причиной бифуркации начала XX в. послужило не социальное и политическое напряжение: современная историография, в общем, не склонна считать этот фактор решающим для крутого изменения исторической траектории страны²⁹ – а социокультурное, экзистенциальное и этническое отчуждение между верхами и низами общества, обрушившее их бессознательное взаимодействие и придавшее объективно не столь уж серьезным конфликтам неразрешимый характер.

Революционная динамика начала XX в. фактически была национально-освободительной борьбой русского народа против чуждого ему (в социальном, культурном и этническом смыслах) правящего слоя и угнетающей империи. Эту глубинную психологическую подоплеку красной Смуты очень точно уловили евразийцы, назвавшие ее «подсознательным мятежом русских масс против доминирования европеизированного верхнего класса ренегатов»³⁰. Симптоматично, что и в советском пропагандистском языке большевистская революция поначалу называлась именно «(Великой) русской революцией», вызывая неизбежные коннотации с русской этничностью»³¹.

Сказано, на мой взгляд, предельно отчетливо и откровенно. Симптоматично – воспользуюсь и я этим словом – что Соловей открыто называет своих прямых предтеч в трактовке революционных событий: от евразийцев до советских пропагандистов ранне-большевистского периода, всячески маскировавших антирусскую суть революции по той же причине, по какой наиболее видные революционеры брали себе русские псевдонимы. Факт несомненной политической ангажированности тех и других требует привлечения корректирующих фильтров для трактовки их бездоказательных высказываний, но Соловей этого не делает, увы.

²⁸ Александр Севастьянов. Соловей русского национализма. Триумф биодетерминизма и актуальное переопределение природы этничности в постсоветской социологии. – Политический класс, №2, 2007; Александр Севастьянов. Русские: жить или умереть? Размышления над книгой В.Д. и Т. Д. Соловьев «Несостоявшаяся революция». – Вопросы национализма, №1, 2010; Александр Севастьянов. Новые мехи для нового вина. Размышления над книгой Сергея Сергеева «Пришествие нации? Книга статей». – Вопросы национализма, №4, 2010; полемика А. Севастьянова с С. Сергеевым о русском дворянстве на сайте АПН, 2010.

²⁹ Заявление решительное, но оно не убеждает: с каких это пор революция (даже переименованная зачем-то в «бифуркацию», что в переводе означает «раздвоение») не определяется социально-политическими причинами? – *Прим. А.С.*

³⁰ Высказывание Н. С. Трубецкого цит. по: Уткин А. И. Запад и Россия: История цивилизаций. Учебн. пособие. – М., 2000. – С. 324 (*прим. В.С.*). Не говоря уж о том, что ссылка на чужое мнение не может служить доводом, но непонятно, почему нужно верить на слово евразийцам, завиравшимся буквально во всем, а в главном – особенно? Экзотика и эпатаж могут сойти за аргументацию лишь в обществе интеллектуальных извращенцев, к которым евразийцы, несомненно, принадлежали. Но нам-то это зачем?

³¹ Соловей В. Д., Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция... – С. 166—167. Это почти дословное повторение из книги Валерия Соловья «Русская история: новое прочтение», с. 110. Но уж чему-чему, а усиленному внушению, будто бы революция была «великой» и – особенно! – «русской», удивляться не приходится. Это диктовалось той же самой необходимостью, в силу которой Лейба Бронштейн представал перед публикой как Лев Троцкий, Апфельбаум – как Радомысльский, позднее Зиновьев, Розенфельд – как Каменев, Лурье – как Ларин, Нахамкис – как Стеклов и т. д. Подобная мимикрия была неизбежна в силу именно того, что революция была, конечно же, нерусской как по целям и задачам, так и по основным движущим силам. А главное – по результатам.

Говоря прямо, причинно-следственная связь указанного отчуждения верхов и низов с «красной Смутой» никем, и Соловьем в том числе, не доказана. И с любой другой Смутой – тоже. Как известно, никакого отчуждения русских верхов от русских низов вообще не существовало до Раскола, русская нация была совершенно едина в культурном и бытовом отношении³². И оставалась – в целом – такой до конца царствования Петра Первого. Что не помешало первой в нашей истории жесточайшей Смуте случиться именно при этом замечательном полном единстве, да и другим «бифуркациям» типа восстаний Разина, Булавина или Болотникова, самосожжений раскольников – тоже.

Может быть, имеется какое-то принципиальное отличие «красной Смуты» от «просто Смуты», требующее объяснения через пресловутое «отчуждение»? Но Соловей его не показал. Почему же принцип культурно-бытового отчуждения, явно не применимый к эпохе Смуты, к русским смутам вообще, вдруг стал применим к Октябрю? Это нелогично.

Поэтому не вызывает никакого доверия цитированное выше излишне категоричное заявление автора: «Революционная динамика начала XX в. фактически была национально-освободительной борьбой русского народа против чуждого ему в социальном, культурном и этническом смыслах правящего слоя и угнетающей империи».

Между тем, это главная идея и главная неправда концепции Соловья.

Он всячески усугубляет, заостряет эту идею, эту неправду:

«Основную линию противостояния, путеводную нить революции составил конфликт русского народа с государством и правящими классами, который я предлагаю рассматривать не в социополитическом, а в этническом аспекте. Несколько упрощая, противостояли не классы, не общество и институты, а два народа: с одной стороны, русские, с другой – этнически, культурно и экзистенциально чуждая русским элита»³³.

Налицо парадокс и логическое противоречие. Значительная часть докторской диссертации Соловья посвящена тому, что этнос есть, прежде всего, биологическая, а не социокультурная категория. При этом автор остроумно и едко высмеивает традиционные для этнологии, но совершенно алогичные попытки определять феномен – через эпифеномены: этничность – через культуру, язык, религию и т. п. Получается, что теперь Соловей резко противоречит сам себе. Если этнос – это биологическая общность, как он сам утверждает (и как оно безусловно есть на самом деле), то при чем тут вообще социокультурные различия отдельных фракций единой нации? Они не могут быть существенны.

Но вот важный нюанс. Соловей почему-то говорит о правящем слое, об элите, якобы чуждых русским не только культурно и экзистенциально (термин очень приблизительный, подразумевающий все что угодно), но и *этнически*! Эта странная мысль об этнической чужеродности верхов и низов русского общества повторяется, переходит из одной книги в другую: «Социополитическое и культурное отчуждение между верхами и низами наложилось на этническое размежевание, придав вызревавшему конфликту дополнительный драматизм и, главное, характер национально-освободительной борьбы русского народа против чуждого ему (в социальном, культурном и этническом смыслах) правящего слоя»³⁴.

Иногда идея варьирует: «Перманентное противостояние государства и народа с полным основанием можно интерпретировать как конфликт идентичностей – имперской и русской этнической»³⁵. В данном случае «государство» есть лишь метафора правящего класса, так что этнизирующий акцент даже усиливается. В то время как имперский период характеризует, в первую очередь, именно русскую нацию в апогее ее могущества, объективирует ее высочай-

³² См. об этом: Филюшкин А. И. Василий III. – М., Молодая гвардия, 2010; Севастьянов А. Н. Золотой век русского искусства – от Ивана Грозного до Петра Великого. В поисках русской идентичности (М., Книжный мир, 2020).

³³ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 124.

³⁴ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 128.

³⁵ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 110.

ший этнодемографический потенциал, позволявший проводить успешную экспансию в отношении изначально нерусских территорий. И таким образом конфликт между имперскостью и русской этничностью – есть абсолютно надуманная коллизия, не имевшая места в действительности. Реникса (научообразная чепуха) в чистом виде, почему-то увлекшая серьезных историков.

Ложное утверждение об этнической чужести русского народа собственной элите (вариант: собственному государству, империи) – главный ключ к формуле «национально-освободительного» Октября, предлагаемой Соловьев. Не случайно именно данный тезис, предельно гипертрофированный, заостренный, лег в основу национал-анархической парадигмы, проповедуемой Хомяковым, Широпаевым, их учениками и эпигонами³⁶. Не могло быть добрых плодов от худого дерева.

Дворянство под прицелом. Почему?

Чем же все это обосновано у Соловья? Действительно ли элита России была этнически чужда русскому народу до степени «конфликта идентичностей»?

Сама по себе эта логика, как уже сказано выше, не нова, ею пользовались те же большевики: чтобы обелить Октябрь – необходимо очернить российскую элиту. Нов, но зато нов принципиально, лишь биологический, этнический, аспект, акцентированный Соловьев.

Чтобы обосновать свой главный тезис, Соловей, а за ним и Сергеев, радикально ограничивают наши представления об элите как таковой. В нее не попадают ни купцы и промышленники (в т.ч. сельские – зажиточные, богатые и предприимчивые крестьяне³⁷), ни священноначалие, ни вообще интеллигенция (в т.ч. второго порядка, обслуживающая преимущественно интеллигенцию же, – писатели, художники, композиторы, философы, ученые-обществоведы и т.д.). Наряду с этой социальной (уточню: биосоциальной) элитой русской нации можно было бы упомянуть и чисто биологическую – казачество, поморов. Словом, все лучшее в русском народе, что выросло из его среды за тысячу лет – в точном соответствии с понятием элиты. Но авторы этого не делают принципиально.

Для Соловья «элита», столь, якобы, радикально и даже этнически чуждая русскому народу, – это, по сути, лишь административный и офицерский корпус, непосредственно правящий класс, не без умысла отождествляемый со всем российским дворянством³⁸.

Надо признать, что большевики были в этом плане гораздо последовательнее Соловья, морально клеймя и физически уничтожая, целенаправленно и планомерно, все вышеназванные категории русского народа, записывая их всех в единую категорию «бывших людей». И упирали они при этом, конечно же, на чуждость вовсе не этническую (понимая, во-первых, что не им бы о ней вещать, а во-вторых, что это неправда), а исключительно социальную, классовую. Руководствуясь той самой диалектикой национального и социального, которую мне уже приходилось подробно разьяснять читателям³⁹.

Почему Соловей так избирателен в ограничении своего и нашего поля зрения? Это вполне понятно. Он вообразил, что тезис о чуждости русскому народу его элиты удастся

³⁶ О том, чем чревато для Русского движения малосмысленное следование этой разрушительной парадигме мне приходилось писать достаточно подробно в книге «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (М., 2011, глава «Что НОРНЕ норма, то норме смерть»).

³⁷ В отношении этого слоя крепких сельских хозяйственников, огулом зачисленных в разряд «кулаков», были осуществлены жестокие репрессии: за 1929—1933 гг. в «кулацкую ссылку» было направлено более 2,1 млн человек. Вероятно, среди них было какое-то количество настоящих кулаков-мироедов, деревенских ростовщиков, но в целом это был цвет трудового крестьянства, его элита.

³⁸ В действительности к началу XX века, как будет показано далее, уже произошла широчайшая диффузия русского дворянского сословия во все сферы деятельности, требующие образованности.

³⁹ Александр Севастьянов. Диалектика социального и национального. К постановке вопроса. – Вопросы национализма, №1, 2010.

доказать именно на материале российского дворянства. Обвинив его, во-первых, для начала, в нерусскости, а во-вторых – в антирусскости. На этом главном направлении он и сосредоточил свою оптику, чтобы нанести сокрушающий удар.

В этом ему полностью следует и посильно помогает фактурой младший идейный партнер – Сергей Сергеев. Впадая при этом в противоречие с собственным исследованием, неопровержимо доказывающим, что первым защитником народных прав в России и первым хозяином дискурса русского национализма выступило именно дворянство. Из этого противоречия он выходит, поименовав дворянство «идеологом и могильщиком русского нацистроительства». Некоторые уязвимые места этого парадокса я надеюсь показать ниже.

Сказанное выше отчасти объясняет зависимость Соловья (а за ним в какой-то мере и Сергеева) от западной традиции русоведения и советологии, о чем уже упоминалось ранее. Ибо, как легко понять, на ниве отечественной традиции собрать урожай, способствующий решению главной задачи, было бы проблематично. Но такой выбор авторитетов и источников априори ставит под сомнение ценность доводов и адекватность выводов.

Рассмотрим же вблизи эти выводы и доводы.

Кричащие противоречия Соловья

Прежде чем критиковать, надо отметить, что иногда наблюдения Соловья бывают замечательно метки и верны, так что под ними готов подписаться и я.

Например, он выделяет в ситуации начала XX века демографический фактор, который, конечно же, был решающим исторически, о чем мало кто у нас пишет. Вообще, обращение к биологическим аспектам проблемы – сильная сторона ученого, который прозорливо и точно указывает, например: «Биология бросила вызов стабильности не только в России или в Британии... Есть серьезные основания полагать, что демография послужила если не причиной, то основой Великой Французской революции, наполеоновских войн, а впоследствии – глобальных катаклизмов первой половины XX в. Резко ускорившийся со второй половины XVIII в. демографический рост в Европе сполна обеспечил жертвами Молоха войн и революций».

Соловей констатирует: «Русские же и в начале XX в. оставались мировым рекордсменом по части естественного прироста населения». Сказанное позволяет ему подчеркнуть, ссылаясь на отечественную статистику: «Начну с указания на чрезвычайную важность биологической подоплеку Великой русской революции начала XX в. Именно русский демографический рост послужил ее «мальтузианской» основой. Вкратце отмечу лишь некоторые из социальных и социокультурных последствий рекордной русской рождаемости. Во-первых, резкое обострение земельного голода в Европейской России. Переселение в Сибирь и на другие свободные земли не смогло решить этой проблемы, вызывавшей растущее социальное напряжение. Во-вторых, аграрное перенаселение, совпавшее со стремительным развитием железнодорожной сети в России, резко интенсифицировало миграционные процессы, создав новую ситуацию в селе и городе. Ее новизна, в частности, состояла в формировании больших групп городских и сельских маргиналов, накоплении модернизационных стрессов и психотизации общественной ситуации. В-третьих, значительный рост доли молодежи в стране в любом случае должен был иметь серьезное дестабилизирующее воздействие, ведь молодость, как известно, – состояние психической и социальной неустойчивости. Между тем в конце XIX – начале XX в. приблизительно половину населения европейской части России составляли люди в возрасте до 20 лет. Для будущей революции горючего материала было в избытке.

Пережитое Россией фактическое удвоение населения в течение 75 лет было грузом, способным переломить хребет любой государственной системе»⁴⁰.

Здесь все отмечено настолько верно и вывод настолько бесспорен, что остается только удивляться, почему Соловей не углубился в исследование этой действительно фундаментальной зависимости. И зачем ему, при таком верном понимании причин и следствий, понадобилось вдруг создание экзотической теории о нерусской элите русской нации. Для меня тут загадка.

Мало того. Порою у Соловья можно обнаружить идеи, вступающие в противоречие с основной концепцией. Например, он совершенно верно, на мой взгляд, отмечает, что между государством и народом «наряду с институциональными и культурными скрепами имелись еще и глубинные ментальные связи – не столь заметные, зато очень действенные, обнаруживающие себя в духе национальной истории».

Автор абсолютно правильно указывает на важнейшее для нашей темы обстоятельство: «Если не может устоять дом, разделившийся в себе самом, то каким образом в ситуации вечного противостояния власти и народа была создана огромная и довольно эффективная империя, а Россия стала успешной (в рамках Большого времени) страной? Эти исторические достижения нельзя объяснить давлением власти на народ, ведь русский народ был отнюдь не по-

⁴⁰ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 123—124.

христиански смирен, безропотен и покорен власти, а, наоборот – язычески буен, своенравен и мятежен. И все же Россия, природа и история которой в избытке предоставляли возможности для сепаратизма, никогда не сталкивалась с массовым, низовым великорусским сепаратизмом.

Вновь и вновь я подчеркиваю существование бессознательной этнической связи русских, объединявшей их поверх социальных и культурных различий, и обнаруживающейся в целом ряде основополагающих явлений отечественной истории»⁴¹.

Замечательно сказано! И сказано, в сущности, именно о том, что русская нация как единое целое, как организм, имела место быть в течение столетий и обеспечивала самим фактом своего существования успешное развитие и бытие всей России как Русского государства. Что и требовалось (на мой взгляд) доказать.

Если бы Соловей поставил на этом смысловую точку, мне бы и в голову не пришло братья за критическое перо. Почему, зачем он все свои книги в целом посвятил выдвижению и отстаиванию прямо противоположных тезисов, прямо противоположной концепции?! Загадка, воистину.

Но и это еще не все. Предваряя собственные (и Сергеева) сугубые lamentации по поводу ужасов крепостного угнетения русских русскими и нерусскими в нашей стране, и даже противореча им весьма радикально, Соловей взвешенно отмечает, ссылаясь при этом, что отрадно, на отечественный источник:

«Л. В. Милов обнаружил в крепостничестве не только жестокую форму эксплуатации, но и систему выживания российского общества в неблагоприятных условиях жизни. Крепостничество – беда и позор русской жизни – в то же время являлось функциональным институтом, сочетавшим интересы крестьянства, знати и российского государства в целях выживания общества и государства. Не будь у всех этих сторон, в первую очередь у крестьянства, глубинного, интуитивного ощущения общей заинтересованности, то вряд ли такой жестокий (хотя исторически необходимый) институт отечественного бытия мог состояться и функционировать. С точки зрения крестьянства, его моральное оправдание составляла идея служения всех слоев и классов российского общества: тягла не мог избежать ни мужик, ни дворянин – всяк служил на своем месте»⁴².

Опять-таки совершенно верно! И опять-таки в корне противоречит по смыслу всей книге (книгам) Соловья в целом! А заодно и Сергеева. Уму непостижимый парадокс!

Наконец, Соловей создает специальный текст, призванный разъяснить усомнившимся его «радикально иную» позицию:

«Фиксируя раскол власти и общества, имперского государства и русского народа, я не склонен его абсолютизировать. У русской истории была и другая сторона. За расколом обнаруживается глубинное единство той же власти и того же народа, их конструктивное и успешное взаимодействие. В этом-то и состояла диалектика русской истории – в странном, внешне нерациональном сочетании раскола и взаимодействия. Россия вибрировала от социального и политического напряжения между двумя этими полюсами, но ее не только не разорвало, а наоборот, она поступательно и успешно развивалась в течение сотен лет. Между тем как (повторю еще раз эту мысль) отстраненно-абстрактный взгляд на отечественную историю однозначно свидетельствует: по всем объективным условиям наша страна не имела шансов стать одним из ведущих государств современного ей мира, ее вообще не должно было возникнуть. И если она состоялась и оставалась, вплоть до последнего времени, успешной страной, значит, этому существует объяснение – но кроющееся не вовне, не во внешних обстоятельствах, а внутри нас, русских.

⁴¹ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 118

⁴² Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 118—119.

Удерживала корабль „Россия“ на плаву объединяющая русских бессознательная этническая связь...»⁴³.

Поразительно, как, понимая и даже манифестируя все это с безупречной логикой и оправданным пафосом (смущает разве что акцент на «бессознательной связи» – ведь она была и сознательной), Соловей весь остальной объем своих работ посвятил именно тому, что ниже будет мною критически анализироваться. Впечатление такое, что предвидя умственным взором появление на горизонте ужаснейшего зоила в моем лице, Соловей заранее мудро страховался и стелил соломку. Впрочем, у меня нет права судить об искренности автора, я лишь смею отметить противоречивость его позиции.

Увы, увы. Многие ли заметят эту премудрую самоохранительную оговорку Соловья в общем контексте его трудов? Вряд ли: слишком ярко, громко и определенно он заявил о роковом противопостоянии русской нации (которую он, раскрывая свои убеждения впоследствии до конца, даже редуцировал до этнокласса наших дней⁴⁴) и чужой, чуждой, отчужденной «нерусской русской элиты», а также о Российской империи, якобы экзистенциально чуждой, если не враждебной, «русской этничности».

Раскрывая существо данных парадоксальных формулировок, в равной мере и с равным упорством продвигаемых Соловьем и Сергеевым, я буду обращаться к трудам обоих. Аргументация авторами ведется по следующим основным линиям: культурный разрыв дворян с народом и культурная дискриминация; крестьянофобия, социальный расизм дворян; социальная дискриминация крестьян, отсутствие социальных лифтов; ужасная эксплуатация крестьян и вытекающий из нее классовый антагонизм; нерусское происхождение большинства дворян; дворяне спровоцировали революцию. Все это так или иначе можно объединить под одним заголовком: обвиняется дворянство.

Раздел моей критики, так и озаглавленный, расположен ниже. Прежде чем приступить к нему, необходимо сделать несколько отступлений.

Quasi una fantasia на тему эксплуатации

По ходу чтения у меня сложилось представление о непреклонном предубеждении авторов против такого естественно-исторического феномена, как эксплуатация человека человеком. Несмотря на признание его «исторически необходимым». Как всякое предубеждение, оно ничем, кроме скрытых сознательных установок и бессознательных табу не мотивировано. Чувствуется, что авторы не только никогда сами никого не эксплуатировали, но и не представляют, как и зачем это делается в мире последние лет этак тысяч семь. Они не бывали в шкуре рабовладельца, помещика, плантатора, кулака или владельца фабрики, и даже мысленно не примеряли эту шкуру на себя. (Недаром Сергеев любит подчеркнуть наличие у него крестьянских корней.) Что заметно обедняет их исследование в методике и выводах. Практически всегда, как только речь касается сюжетов, связанных с темой эксплуатации, авторы не обнаруживают взвешенного, диалектического подхода, уходят в сторону от глубокого понимания сути дела. Что влечет за собой вольное и невольное искажение исторических реалий.

Вот несколько особенно кричащих примеров.

Соловей: «Это явление – намеренное отчуждение от русскости – хорошо объясняется теорией социальной идентификации. Чтобы эксплуатировать русский народ, элите надо было порвать с ним культурно и экзистенциально; имперская власть в России должна была приобрести нерусский и даже антирусский облик»⁴⁵.

⁴³ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 132.

⁴⁴ Валерий Соловей. Русские как этнокласс. – Вопросы национализма, №2010.

⁴⁵ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 126—127.

Преувеличение слишком велико, чтобы не броситься в глаза. Во-первых, отлично эксплуатировали и до Петра, бытуя вполне по-народному и нисколько не смущаясь и не комплексуя. Да и после – подавляющее большинство русских дворян продолжало жить по своим деревням вполне по русским свычаям и обычаям, что отнюдь не мешало гонять крестьян на барщину и брать с них оброк, а посессионных работяг гробить на рудниках и мануфактурах. Во-вторых, уж как советская-то власть эксплуатировала! (О чем сам Соловей пишет великолепно.) Но притом с конца 1930-х и вплоть до конца 1980-х годов исполнители-проводники эксплуатационной политики были почти сплошь своей национальности, плоть от плоти народа своего, обликом в том числе. Грузины в Грузии, украинцы на Украине, узбеки в Узбекистане, туркмены в Туркмении, русские в РСФСР...

Никак не убеждают и другие пассажи на ту же тему: «Со времени петровских реформ этническое отчуждение от управляемого большинства составляло сознательную стратегию российского правящего сословия. Имперская элита идентифицировала себя с иностранцами и стремилась выглядеть как иностранцы, что стимулировалось большой долей нерусских в ее рядах»⁴⁶.

Возражения лежат на ладони.

Во-первых, к внешней вестернизации русская элита не сама стремилась, а ее принуждал к тому грубой силой Петр Первый: рубил бороды, резал ферязи и кафтаны, заставлял курить, посещать ассамблеи и пр. Уж это-то хорошо известно.

Во-вторых, никогда (!) русская элита не идентифицировала себя с иностранцами, напротив, всегда против них протестовала (см. дело царевича Алексея или кабинет-министра Артемия Волынского) и восставала, свергая или убивая мирволивших иностранцам монархов: и в 1741, и в 1762, и в 1801 (успешно), и в 1825 году (неуспешно). Каждый раз, как новое поколение русских дворян достигало зрелости, не в меру «вестернизированных» монархов, заигравшихся в антирусские игры, ждал безвременный конец. Сам Петр избегнул его только потому, что на тот момент дворянство и монархия выступали как союзники против мощных феодальных сословий уходящей эпохи: церкви и боярства. Но и при Петре размах дворянской оппозиции, не принимавшей вестернизацию, был таков, что сам Петр, столкнувшийся с этим в деле царевича Алексея, ужаснулся.

В-третьих, демонстрируя глубинное непонимание и недооценку всей целесообразности эксплуатации человека человеком, Соловей, как и Сергеев, глядит в прошлое взглядом человека XXI столетия, зашоренного либеральными предрассудками. И, естественно, гипотезирует: «Вестернизм был способом выделиться из русской „варварской“ массы и легитимацией колонизаторского отношения к ней»⁴⁷. Но вряд ли кто-то из русских дворян XVII—XIX вв. всерьез озабочивался проблемой «легитимации» своих прав на душевладение: они и так были в том с рожденья убеждены⁴⁸.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Правда, социокультурные различия верхов и низов русского народа накапливались уже с середины XVII века, а с начала следующего столетия этот процесс пошел крещендо, но легитимность душевладения тут не при чем (Севастьянов А. Н. Золотой век русского искусства – от Ивана Грозного до Петра Великого. В поисках русской идентичности. – М., Книжный мир, 2020). Культурное расслоение русского общества – сложный и глубинный процесс, вовсе не имеющий однозначной детерминированности крепостным правом. Как пишет Т. В. Черникова в книге «Европеизация России во второй половине XV – XVII веках» (М., Наука, 2004): «Создалась огромная социокультурная напряженность, которая была куда более глубокой, чем церковный раскол... У передового слоя российской элиты, это, в свою очередь, рождало отторжение народного невежества и косности, которое у младшего сына царя Алексея Михайловича – будущего императора Петра I переросло в желание сломать „варварство“ и насильно насадить „правильную культуру“. Вместо плодотворного влияния новых элементов элитарной культуры на массовую народную культуру... формировался их раскол. В XVIII – начале XX вв. он стал роковой чертой российской социокультурной системы, которая в немалой степени подготовила глубочайший системный кризис, проявившийся в годы Первой мировой войны и завершившийся революциями 1917 г.» (с. 578).

Да и русские крестьяне, между прочим, тоже. Характерный для западных крестьянских движений вопрос «кто был господином, когда Адам пахал, а Ева пряла?» никогда не звучал в русских бунтах. Русский раб хотел сам стать господином (Пугачев недаром прозывался царем и жаловал приближенным высокие титулы), идеал «мужицкого царя» стоял высоко – это дело другое, понятное, но как таковой институт господства и эксплуатации при этом переосмыслить никто не пытался. Русский народ, в отличие от, скажем, поляков или украинцев, – народ иерархический. Это результат тяжелейших испытаний, выпавших на его долю за четверть тысячелетия татарского ига, закрепившийся в виде архетипа. Навязчивое приписывание естественно-иерархическому мышлению русского человека эгалитаристских комплексов в феодальную эпоху – означает лишь демонстрацию авторами собственной нечаянной вестернизации, зашедшей черезчур далеко. Анахронизм чистейшей воды.

Соловей пытается расшифровать свой тезис, растолковать его более внятно, но лишь хуже запутывается в силках собственного модернизированного и вестернизированного воображения: «В этом случае элита могла смотреть на русских не просто свысока, но именно как на другой народ, причем стоящий значительно ниже по уровню развития и нуждающийся в руководстве и цивилизаторском воздействии»⁴⁹.

Но ведь это отчасти и вправду было так. Русская элита и простонародье были одной крови, принадлежали к единой нации. Но простой народ стоял-таки ниже по уровню развития и нуждался-таки в руководстве и цивилизаторстве. Усомнится в этом только тот, кто никогда с народом не сталкивался лично и воображает, что кухарка и впрямь может управлять государством. На деле перед нами – форма заботы дворян именно о своем (не о «другом»!) народе, а вовсе не противостояние ему и не «колониаторское отношение». Это как раз-таки показатель высокого уровня самосознания дворянства, последовательно и толково выполнявшего нелегкую миссию культурного локомотива России и исторического колонновожатого русского народа. Коль скоро такая миссия выпала на долю русских дворян по объективным причинам.

Сам «простой народ», кстати, прекрасно понимал свою цивилизационную мизерабельность. Попробовали бы вы вернуть дворового холопа, вкусившего начатков цивилизации, в деревню! Он воспринял бы это как наказание: сие было ясно и понятно любому дворянину. Но назовем ли мы из-за этого дворовых «вестернизированными крепостными»? Не стоит провозгласить абсурд, иначе он сам спровоцирует нас на неадекватное понимание истории.

Впрочем, в оправдание наших авторов следует вспомнить об их предшественниках, хотя бы потому, что они и сами о них вспоминают: «К слову, на колониаторство „русских европейцев“ в отношении собственного народа первыми обратили внимание славянофилы – дворяне и основоположники русского националистического дискурса»⁵⁰.

На данный источник чистейшего идеализма и христианского абстрактного гуманизма, напитавший (и отравивший) многих, мне уже приходилось указывать. Что именно славянофилы намудрили и напортили нам всем в деле умственного постижения народа и русской жизни вообще, преподали нам извращенный и предвзятый взгляд на вещи, заразив этим взглядом Соловья и Сергеева, – это все, увы, правда. И вот уже Соловей, проникнутый экзистенциальным отчаянием по поводу отношений верхнего и нижнего классов русского народа, вопрошает нас риторически: «Что же удивительного, если народ отвечал колониаторам взаимностью, то есть держал их за врагов и оккупантов?».

⁴⁹ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 126—127.

⁵⁰ О том, что основоположниками русского националистического дискурса являются вовсе не славянофилы, а декабристы, весьма убедительно поведал нам Сергей Сергеев, посвятивший первым – кандидатскую, а вторым – докторскую диссертацию. Если паче чаяния он задумает еще одну докторскую, по русскому XVIII веку, я гарантирую, что искомым основоположников он обнаружит именно в этом столетии; а коли сдвинется в XVII век – то именно там (что, кстати, уже предприняли брат и сестра Соловьи в отношении русских староверов), и так далее: чем глубже в лес (истории русской государственности), тем больше дров (основоположников русского национализма). Такая вот интересная закономерность...

Увы, перед нами вновь ужасное преувеличение плюс забвение постулатов исторического материализма. Но ведь классовую вражду и классовую борьбу не Маркс придумал – и не Соловьев с Сергеевым ее отменять. Классовая вражда была, есть и будет всегда, а по временам она обращается в классовую борьбу, это факт. Но при чем тут оккупация? Это слово всегда подразумевает инородческое вторжение, а им-то и не пахло.

Соловей пытается обосновать оккупационный момент. Ему для этого оказалась необходима ссылка на С. Лурье: «Именно так русская низовая масса воспринимала имперское государство: „Крестьяне старались избегать любых встреч с представителями государственной власти, как огня боялись попасть в суд, хотя бы в качестве свидетелей, государственным учреждениям не доверяли, в их легитимности сомневались, а при появлении представителя власти в деревне прятались по избам“»⁵¹.

Для каждого, кто когда-либо жил в нашей стране, это явление – не новость и не аргумент. И сейчас в России люди власть не любят и от нее прячутся, и всегда так было и, видимо, будет. А что, от чисто русских опричников не прятались при Иване Грозном, не убегали куда глаза глядят? Или от чисто русских колхозных и милицейских советских властей? Или и это все тоже была оккупация? Да нет, не нужно выдумывать: «своя же сигуранца проклятая», а никакие не оккупанты, не интервенты.

⁵¹ Там же, с. 127.

Октябрь, большевики и пси-фактор

*Русская революция антинациональна по своему характеру,
она превратила Россию в бездыханный труп.
Н. А. Бердяев*

За всеми этими натяжками и неубедительными домыслами о власти дворян над крестьянами как форме инородческой, якобы, оккупации (с выходом на главную идею Октября как национально-освободительной революции) мы не должны упускать из виду главное. Когда случился Октябрь, от крепостной зависимости оставались лишь бледные воспоминания, ведь прошло 56 лет с ее отмены. Сменилось два-три поколения. Крестьян, родившихся при крепостном праве, в живых оставалось немного. И революция была направлена вовсе не против этого давно не существующего права или этих бледных, искусственно разогреваемых воспоминаний.

Напомню: революция именovala себя социалистической, своей ведущей силой считала рабочих, а не крестьян, и была направлена в первую очередь не против давно отжившего дворянства и несуществующего крепостничества⁵², а против буржуазии, против капиталистического пути развития (в деревне в том числе), против «империализма как высшей стадии капитализма». А эти силы не случайно олицетворялись в работах Ленина не с немцами или евреями, не со штольцами и гинцбургамы, а с русскими колупаевыми и разуваевыми, иначе бы народные массы его просто не поняли. Никакой национально-освободительной (непременно в таком бы случае прорусской) нотки в эту борьбу никогда (!) социалистами не вносилось⁵³, совсем наоборот!

Революция порой принимала также и национально-освободительный характер: но исключительно на национальных окраинах, например, в Польше, Финляндии, Туркестане, Закавказье, а уж там-то она носила отнюдь не прорусский, а ярко выраженный антирусский характер⁵⁴. И расплачиваться после революции за роль «нации-угнетательницы», «великодержавного держиморды» предстояло вовсе не стинувшей якобы нерусской элите, а русским же рабочим, крестьянам и интеллигенции.

В свете сказанного построения Соловья об этнической чуждости элиты становятся ненужными, они ничего не могут объяснить нам в перипетиях Октябрьской революции и Гражданской войны.

А вот запутать, к сожалению, могут многое. И пустить по ложному следу – могут. Покажу, каким образом это происходит.

А происходит это при помощи всего двух приемов: 1) исторического оправдания российских социал-революционеров и социал-демократов (большевиков в частности) и 2) замалчивания национальной принадлежности их руководства. Ибо ничто так не препятствует апробации Октябрьской революции клеймом «русская», как конкретно-исторический, а не спекулятивно-умозрительный анализ ее акторов, целей, задач и результатов.

Но стоит только сотворить фигуру умолчания из происхождения революционных деятелей (особенно руководящего состава), да пройти молчанием катастрофически антирусские результаты Октября, да при этом отождествить цели и задачи большевиков с русскими «архе-

⁵² Остатки усадеб были доразгромлены, а остатки дворянского землевладения переделены, как и положено, после буржуазно-демократической революции: Февральской. После Октября громить и делить уже было практически нечего.

⁵³ Даже такого вождя контрреволюции, как Петр Николаевич Врангель, с его столь характерной фамилией, не принято было попрекать немецким происхождением. «Белая Армия, черный барон // Снова готовят нам царский трон!» – пелось на его счет в революционной песне, ставшей народной: Врангелю приписывали реставрационные, но вовсе не оккупационные мотивы!

⁵⁴ Обратим внимание: революция, собственно, и началась в 1916 году именно с национальной окраины, с т. н. Среднеазиатского восстания, охватившего десять губерний Туркестана.

типами», с глубинными потребностями «русской этничности» – и готово дело: перед нами «Великая русская революция». А в действительности – обычный интеллектуальный подлог.

С чем мы сталкиваемся в этом смысле в книгах Соловья и Сергеева? Приведу их наиболее капитальные идеи и выразительные цитаты.

* * *

Почему победил Октябрь. Основную причину победы Октября, а тем самым его историческое оправдание, Соловей ищет и находит в глубинах русской национальной психологии, вплоть до обращения к архетипам. Для Соловья вообще характерен постоянный уход в область иррационального, бессознательного. Что очень удобно, потому что доводы в одной области, как правило, неверифицируемы в принципе. В частности, он пишет:

«Стоит специально указать на два пункта, принципиально важных для понимания социальной динамики в имперской России. Первый: у массового русского антигосударственного протеста имелось мощное религиозно-мифологическое ядро, составлявшее ключевой элемент досоветской русской идентичности. И потенциальный успех любой политической силы в имперской России в решающей степени зависел от способности расщепить это ядро, высвободив таившиеся в нем энергии. Второй: в более широком плане можно предположить, что корни любых форм и проявлений русских антигосударственных выступлений в конечном счете восходят к русской этничности, хотя на внешнем, феноменологическом уровне эти связи не всегда прослеживаются»⁵⁵.

Проверить эти гипотезы, в которых теорема незаметно подменяется аксиомой, как понимает читатель, нет совершенно никакой возможности⁵⁶. Что же можно построить на таком фундаменте? Только новые гипотезы. И вот вполне в традициях русской религиозной философии вековой давности (Бердяев, Федотов, Ильин и др.) Соловей находит, что «в общем, социалистический мессианизм соединился с народным мессианизмом».

Русский мессианизм – признанное наукой явление, хотя и вызывающее споры, поскольку налицо как минимум два русских мессианских проекта: интровертный («Святая Русь») и экстравертный («Москва – Третий Рим»). Конфликт этих проектов составил для нашего народа основное содержание драматического XVII века, приведя к Расколу в результате предпочтения правящими кругами модернистского, по тем временам, экстравертного проекта. Который и торжествовал, в общем и целом, к началу XX века в массовом сознании (недаром пели «Наша Матушка-Россия всему свету голова»).

Однако из этого факта Соловей делает несколько странный вывод о том, что: «составлявшая мифологическое ядро марксизма мессианская идея избранничества пролетариата удачно корреспондировала с мощным и влиятельным религиозно-культурным мифом русского избранничества, русского мессианизма. Общая мифологическая матрица позволяла без труда транслировать марксистскую доктрину в толщу русского народа»; «русский случай начала XX в. выделяется тем, что обладавший огромной энергией, еще не выродившийся низовой, стихийный мессианизм русского народа срезонировал с кабинетными идеологическими формулами»⁵⁷. Соловей не прибегает здесь к доказательствам, полагая сказанное самоочевидным.

Но в этой формуле, на мой взгляд, далеко не все увязано верно. Во-первых, пролетариат накануне революции составлял небольшую часть населения России, страны крестьянской по преимуществу, для которой противостояние города и деревни не было пустым звуком,

⁵⁵ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 128—130.

⁵⁶ Не очень понятно, правда, как трактовать в свете теории Соловья беспрецедентную по массовости русскую атаку на это самое религиозно-мифологическое ядро, развернувшуюся еще до Октября, о чем с тревогой писал тот же Михаил Меньшиков, а уж после 1917 года и вовсе охватившую и поглотившую всю Россию. Суть этой атаки с беспощадной точностью выразил от лица народа Александр Блок в бессмертных строках: «Товарищ, винтовку держи, не трусь. Пальнем-ка пулей в Святую Русь! В кондовую, в избяную, толстозадую!».

⁵⁷ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 129—130.

а «избранничество пролетариата» по определению не могло быть стимулирующим началом и вызывать энтузиазм. Во-вторых, не может быть ничего более чуждого марксистской этике и футурологии, чем идея возвеличивания именно русского народа через мессианское служение человечеству. Наоборот, марксисты легко и бестрепетно готовы были пожертвовать без остатка русскими ради торжества мировой революции и в целом были настроены решительно русофобски⁵⁸.

Очевидно понимая это, Соловей кладет на чашу весов решающий аргумент в пользу «гармоничного созвучия большевизма русскому духу»: «Аутентичная марксистская идея разрушения старого государства и вообще отрицания института государства, его замены самоуправлением трудящихся слишком удачно совпала с радикальной русской крестьянской утопией „мужицкого царства“»⁵⁹.

В чем же это совпадение? Исторические проявления крестьянской утопии в русских бунтах или, говоря вообще, в Русской Смуте, традиционно вовсе не связаны с идеей разрушения государственности. Разве к разрушению царства звали Лжедмитрий или Пугачев – «царь Петр Федорович»? Нет, разрушать государство они вовсе не собирались и к этому не призывали, просто хотели сами править. Тот же Пугачев надеялся создать из России хоть и мужицкое, свое, но все же – царство! А вот большевики никакого «русского мужицкого царства» никому и никогда не обещали, даже в пылу самой оголтелой пропаганды. Мировая революция и всемирное царство – нет, не русского крестьянства, а всемирного же соединенного безнационального пролетариата-апатрида: вот чем они грезили, к чему звали, что обещали.

Так что волей-неволей, а приходится задумываться о менее идеальных, возвышенных и духовных, о более земных и материальных мотивах, по которым русские народные массы, ловко оболещенные большевиками, двинулись на слом старого порядка. И первое место тут, конечно, принадлежит ленинским формулам «экспроприация экспроприаторов» и «земля – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим, мир – народам, власть – трудящимся»... Ни одного из этих обещаний (кроме экспроприации) большевики, разумеется, не исполнили, но свое назначение они выполнили. Нельзя сказать, что революция вообще ничего не дала простому народу, вообще народам, в том числе и русскому. Дала, конечно. Но отобрала куда больше, на мой взгляд, и за все даденое потребовала непомерной платы. Если простонародье что-то и выиграло, то нация в целом – потеряла, проиграла. Плоды чего мы зрим сегодня.

Между тем Соловей делает из сказанного им весьма далеко идущий, хотя и неверифицируемый вывод, к сожалению, тоже из области психологии, а не истории:

«Уже двух таких совпадений было бы достаточно для вывода: тенденция, однако... Но эта тенденция массового сознания еще и выражала русский этнический архетип – тематизированность русской ментальности властью, государством, который большевики исключительно умело и эффективно, хотя скорее бессознательно и спонтанно, чем осознанно и целенаправленно, использовали сначала для разрушения «до основанья» старой власти, а «затем» для строительства новой – несравненно более сильной, чем разрушенная.

Большевики смогли оседлать «качели» русской истории – движение от покорности и обожествления государства к разрушительному беспощадному антигосударственному бунту и наоборот... Не большевики запустили эти «качели», но они оказались единственной политической силой, интуитивно уловившей их логику, что делает честь их интеллектуальным и волевым качествам, хотя не может не навлечь морального осуждения»⁶⁰.

⁵⁸ Этой проблеме во многом посвящена монография профессора МГУ А. И. Вдовина «Подлинная история русских. XX век» (М., Алгоритм, 2010). Да и сам Соловей довольно останавливается на этом факте в своих справедливых суждениях об «антирусской империи» – СССР.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 135. Не знаю, кому как, но на мой взгляд «качели русской истории» не отвечают критерию научности. Зачем нам мистика и провиденциализм в научной работе?

И затем следует главное, ради чего, собственно, и строилась вся система доводов: «При всей внешней чуждости большевизма и большевиков России они оказались наиболее созвучны русской ментальности, что и послужило главной предпосылкой их политического успеха»⁶¹.

Объяснять, почему победили победители – благодарное занятие (не зря говорят, что у победы сто отцов, а поражение всегда сирота). Тут всегда сойдет любое, даже самое экзотическое объяснение, ибо в глазах истинного детерминиста – а истинный историк всегда истинный детерминист – не бывает незначимых причин, все причины значимы, а их ранг способно установить только время.

Так что не приходится удивляться вполне ожидаемому тезису насчет глубокого внутреннего соответствия большевизма «русской душе», «русской ментальности», «русской этничности» (нужное подчеркнуть). Нельзя сказать, что такой причины не могло быть или не было вообще: вопрос только в том, какой ранг мы ей присвоим. Соловей склонен ставить ее на первое место, но тут я с ним согласиться не могу.

Данный тезис Соловья может убедить лишь тех, кто не знает или забыл, что большевики, дабы утвердиться на русском троне, всю использовали оголтелую ложь, ловкую спекуляцию на мечтах и надеждах, да и на архетипах народа, наглую бешеную пропаганду, не менее наглую мимикрию (этнически чуждые выдавали себя за социально близких), несбыточные обещания и лозунги, в том числе украденные у других партий, которые никто и не собирался выполнять. Еврейские «волки», возглавлявшие все без исключения левые партии России, предстали поначалу в «овечьей шкуре» – а обманутые русские «бараны» проголосовали за них на выборах в Учредительное собрание, после чего страна покатила в красную пропасть.

Отрезвление к русской массе пришло довольно быстро и выразилось в Кронштадтском мятеже, в Тамбовском и других крестьянских восстаниях по всей стране, в тотальном саботаже русской интеллигенции, в рабочих забастовках, в корниловском «Ледяном походе» и т. д. И тогда большевиками был пущен в ход их главный аргумент, *ultima ratio* – насилие, самое страшное, кровавое и масштабное в русской истории по жестокости, тотальности и длительности. Растянувшееся как минимум на двадцать лет. Которое без всякой натяжки можно приравнять к одной огромной общенациональной казни, этноциду и геноциду русских. Как заметил еще Бердяев, историческую Россию большевики убили. А ее биосоциальную элиту, как окончательно выяснилось уже после Бердяева, практически полностью сжили со свету.

В трактовке Соловья должно выходить, что перед нами – русский автогеноцид и национальное самоубийство во имя торжества русских национальных архетипов. В чем я позволю себе усомниться.

* * *

Оправдание большевиков. Вполне сознавая, что из триумфа Ленина и К^о «вовсе не следует, что большевики действовали в интересах русского народа и работали на его благо», Соловей не устает ими восхищаться, уверяя нас, что «им удалось оседлать и возглавить мощный русский (этнический в своей глубинном истоке, но проецировавшийся в социально-политическую сферу) протест против культурно и этнически чуждой русским власти, имперской элиты и, тем самым, против воплощавшейся ими империи»⁶².

Это, по сути, все тот же главный тезис автора, только в другой, этнической проекции. В чем, собственно, и состоит пресловутое «новое прочтение» нашей истории.

Откуда Соловей взял, что «мощный русский протест» был в своем «глубинном истоке» этническим? Об этом будет сказано ниже. Пока замечу только, что «новое прочтение» принадлежит Соловью не вполне, а зиждется на принципиальной новации очередного запад-

⁶¹ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 131.

⁶² Там же. Этот основополагающий вывод дословно переходит у Соловья из книги в книгу: «Кровь и почва...», с. 137, «Несостоявшаяся революция...», с. 170.

ного авторитета (Джеффри Хоскинга), изложенной нашим историком так: «Большевизм был результатом интеграции на русской почве рафинированного западного марксизма с автохтонной народнической традицией. Возник новаторский синтез – «марксистский по начальному импульсу, но позаимствовавший у народников идею о революционности крестьянства, о руководящей роли небольшой группы интеллигентов и о «перепрыгивании» буржуазной стадии исторического развития для перехода непосредственно к социалистической революции. Пожалуй, более разумно считать большевизм той формой революционного социализма, которая лучше всего приспособлена к российским условиям...». Большевизм был адаптирован к отечественной почве несравненно лучше любой другой заимствованной идеологии».

Апология большевиков – неперемнная оборотная сторона обвинения русского дворянства – ведется Соловьем настойчиво. Снова и снова вниманию читателя предлагаются достаточно однотипные формулировки, с упором на неясные, неуловимые, недоказуемые, гипотетические и – главное – в принципе неverifiedируемые психологические нюансы, как выявлять и учитывать которые, не знает пока никто:

– «При всей внешней чуждости большевизма и большевиков России они оказались наиболее созвучны русской ментальности, что и послужило главной предпосылкой их политического успеха... Марксизм был адекватен именно России, он создал „сцепку“ именно с русскими архетипами. Правда, сначала он пережил „национализацию“, превратился из западного марксизма в русский большевизм»⁶³;

– «Русский этнический бунт возглавила одна из наиболее вестернизированных по своей номинальной доктрине политических партий – большевистская, для которой любая национальная проблематика была третьестепенна по отношению к социальной, члены которой гордились своим интернационализмом, и доля нерусских в руководстве которой была, вероятно, наибольшей в сравнении с любой другой общероссийской политической партией. Однако это была лишь внешняя сторона. В действительности именно большевики оказались наиболее созвучны – причем в значительной мере произвольно, спонтанно, а не вследствие сознательного и целенаправленного подстраивания – глубинной, внутренней музыке русского духа»⁶⁴.

Здесь, в этом небольшом абзаце, по-моему, каждое положение в отдельности и все они вместе самым серьезным образом искажают действительность. И насчет, само собой, «русского этнического бунта». И насчет «вестернизированности» большевиков – это что, эффе-мизм такой? Самыми вестернизированными среди современников были, несомненно, кадеты-англоманы. А большевистская партия, если судить по руководящему составу, была отчетливо еврейской, но при этом Соловей ее относит к русским по некоей «музыке духа» (?). И насчет третьестепенности национальной проблематики для еврейских революционеров что-то сомнительно – то-то она вышла на первый план сразу после победы большевиков в Гражданской войне. А чего стоит изданный еще до той победы знаменитый ленинский декрет, по которому за антисемитизм полагалась смерть!

Вот насчет огромной доли нерусских в руководстве левых сил и особенно большевиков – это чистая правда, с нее бы и начинать. Но это привело бы Соловья к полностью противоположной концепции революции, чему он противится с отчаянием обреченного, пытаясь во что бы то ни стало представить ее «русской». И именно потому прибегает к эксперименту «нового прочтения» нашей истории глазами не историка, а психолога, зная, что тут поймать его за руку будет некому.

* * *

⁶³ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 136.

⁶⁴ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 129. Дословно то же: Соловей В. Д., Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция... – С. 167.

Пси-фактор. Активное включение Соловьев в аргументацию психологического фактора, который невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть традиционными методами, создает мощную защиту для всей его концепции. Поэтому неудивительно, что он вновь и вновь педалирует этот фактор. Вот наиболее выразительный пример:

«Россия действительно была готова к революции больше других стран, но готовность эту определяли в первую очередь не социально-экономические условия, а социокультурные факторы и состояние русской ментальности... Возможность революции в решающей степени определялась происходившим внутри „черного ящика“ русской ментальности, где обрабатывались сигналы внешнего мира и формировались реакции на них. А работа ментальности (насколько вообще можно разобраться в этой сверхсложной теме) шла по имманентным (и этнически дифференцированным) закономерностям психики»⁶⁵.

Списывать на действие загадочного «черного ящика русской ментальности» глобального значения социально-политический катаклизм – Октябрьскую революцию, на мой взгляд, есть капитуляция историка перед действительностью, не устраивающей его по каким-то причинам в обнаженном виде и требующей драпировки и вуалирования. Трудно вновь не усмотреть тут традицию западной русологии, испокон веку много чего списавшую на «загадочную русскую душу». Не могу сказать, чего в этом больше: мистики или мистификации...

Вновь хотелось бы тут напомнить, что классовая борьба есть, все же, мощнейший исторический фактор, притом явно «социальный», а не какой-либо еще. Отрицать ее роль – на мой взгляд, излишне смело. Отказываться ее рассматривать, анализировать в текстах, посвященных революции, – мягко говоря, странно. И уж совсем несерьезной кажется мне попытка представить социальную революцию в качестве национальной, поскольку эти два вектора несовместимы по определению, онтологически. Никакая революция в принципе не может быть одновременно социальной и национальной, не будучи направлена против инородцев-колонизаторов. Каковых в России не наблюдалось, если не пытаться притянуть к делу варягов Рюрика (да и те, стараниями поколений русских историков, оказались в итоге балтийскими славянами) или татар Батая.

То есть, Октябрьская революция была безусловно национальной – но лишь со стороны нерусских народов (еврейского в центре и разнообразных по составу инородцев на окраинах), стремившихся лишиться господства русскую господствующую нацию. Что вполне понятно и объяснимо. Вот с их стороны это была действительно национальная революция: антирусская. И эта цель была ими более чем успешно достигнута.

Со стороны же русских Октябрьская революция была чисто социальной, направленной против тех классов и сословий (а вовсе не этносов), в ком эксплуатируемые видели эксплуататоров и угнетателей – от офицеров до помещиков, а главное капиталистов всех мастей: предпринимателей, купцов, кулаков и даже земледельцев-индивидуалистов⁶⁶. Да и интеллигенции русской («прослойке» между классами эксплуатируемых и эксплуататоров, как утверждал Ленин) досталось крепко. Стремление видеть тут какую-то национально-освободительную борьбу, битву двух русских «этноклассов», при том, что самая успешная часть предпринимателей принадлежала к русскому старообрядчеству, а про сельскую буржуазию и говорить нечего (плоть от плоти русского народа!) – означает лишь одно: дефективность оптики историка. Это в лучшем случае, если не ставить под сомнение добросовестность ученого.

Кстати, жизнь показала, что ничего врожденно этнического (архетипического, как сказал бы Соловей) культурная дистанция российских верхов и низов в себе не содержала. При

⁶⁵ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 136.

⁶⁶ Красноречивый факт: немедленно после Февраля крестьяне начали не только захват последних помещичьих земель и разорение усадеб, но и – что самое главное! – дележку частновладельческих земель зажиточных, «обуржуазившихся» крестьян. К концу 1917 года большинство земель, ранее закрепленных в собственность, было переделено между крестьянами по уравнительному принципу.

советской власти вузы стали массово выпускать рабоче-крестьянскую интеллигенцию, которую готовили в т.ч. по вполне «дворянским» программам, включая знание языков и основ европейской культуры. Не находя в том ничего «этнически чуждого и враждебного». Что не позволяет принять тезис об «этнически дифференцированных» закономерностях психики верхних и нижних классов дореволюционной России. В душе весьма многих русских рабочих и крестьян, как выяснилось экспериментально, не содержалось ничего «имманентного», что не позволяло бы им адаптировать культуру «бывших». Ниже эта тема выговорена подробнее.

«Русская» революция?

Опровергая тезис о якобы «русской» революции, случившейся в Октябре 1917 года, я хотел бы прибегнуть для начала к тому аргументу, пользование которым составляет сильную сторону работ Соловья: биологическому, сиречь демографическому. Поскольку этнодемографический фактор – важнейший, едва ли не все объясняющий в истории человечества, ключевой для этнополитического метода. Динамика роста российского еврейства и порожденные ею последствия указывают на это очень ясно.

Считается, что демографический рост русских ставил их по этому показателю на второе место в мире после китайцев и на первое в Европе (за русскими шли немцы). Вот и Соловей упирает на данное обстоятельство. Но на самом деле это первенство мнимое: рост еврейского населения России дал бы фору всем прочим народам, включая и китайцев, просто на этот факт еще никто не обращал должного внимания. Пора об этом сказать.

Вообще, снятие табу с еврейской темы является важнейшим плюсом постсоветской научной жизни. Как отметила историк Т. Ю. Красовицкая: «сегодня общество крайне заинтересовано в анализе национальных проблем, особенно русско-еврейских отношений, как говорится, по гамбургскому счету»⁶⁷. С этим нельзя не согласиться.

Число «угнетаемых российским самодержавием» евреев росло непрерывно и чрезвычайно быстро. В эпоху первых разделов Речи Посполитой (1772—1795) их насчитывалось только в Литве, Волыни и Подолье около миллиона человек, еще не менее 200 тысяч жило в т. н. Царстве Польском, в общей сложности – примерно 1,3 млн. Но уже в 1850 г. на долю российских евреев приходилось 50% всего мирового еврейства⁶⁸, и это не считая караимов, раббанитов, грузинских, бухарских, молдавских и горских евреев. В 1897 г. в Империи было уже 5.060.000 евреев. А в 1917 г. – и вовсе 7.250.000⁶⁹.

Итого всего за 140 лет (1775—1917 гг.), если русские выросли числом примерно втрое, то у евреев – почти семикратный рост, даже несмотря на усиленную эмиграцию!! Еврейская община России была во всех отношениях главной в мире, определяла судьбы мирового еврейства.

Самые большие проблемы столь бурный рост евреев доставил, конечно же, самой России, где им были созданы тепличные условия. Последствия еврейской экспансии в экономику и систему образования России были колоссальны. Главное из них в том, что, поскольку правительство изначально видело угрозу данной экспансии для коренного населения страны, оно было вынуждено постоянно принимать определенные меры для ее сдерживания. Тем самым создавая из богатых и образованных евреев, стремящихся ко всей полноте могущества и влияния в России, самую настоящую контрэлиту, заинтересованную в смене строя и режима – со всем, что из этого вытекает. И не только из богатых и образованных, увы. Но и из бедных и темных евреев, всеми силами души стремящихся, однако, к образованию, богатству, поло-

⁶⁷ <https://cyberleninka.ru/article/n/chitaya-budnitskogo-retsenziya-na-knigu-budnitskiy-o-v-rossiyskie-evrei-mezhdu-krasnymi-i-belymi-1917-1920>

⁶⁸ Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. – С. 97—99; Россия // Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим, 1994. – Т. 7, стлб. 382.

⁶⁹ Народы России. Энциклопедия. – М., 1994. – С. 25.

жению в обществе, могуществу, влиянию, власти. А таких были многие сотни тысяч, особенно среди молодежи. Реальная и потенциальная контрэлита России: вот во что превратилось российское еврейство за сто лет проживания в теле России. Но контрэлита всегда стремится стать элитой и ради этого готова на все, даже на революцию.

Дело еще и в том, что в начале XX века 56% в тех же технических вузах уже составляли крестьянские дети. Получилась гремучая смесь. Главная движущая сила, пушечное мясо грядущей «социалистической» революции – русская крестьянская масса, предельно напуганная и раздраженная развитием капитализма в деревне, а потому заряженная на коммунизм и на анархизм (бунт, попросту) – посылала в города на учебу своих сыновей и дочерей. Но в России с 1880-х гг. наблюдался непрерывный кризис перепроизводства интеллигенции, карьерные возможности для которой были стеснены. Так что, по статистике, уже со второго курса свежий студент, не ожидавший в будущем для себя ничего хорошего, норовил идти не в мирную профессию, а в революцию, и же в российских условиях неизбежно оборачивалась тотальной крестьянской войной. И уже со студенческой скамьи русская революционная молодежь в городах получала себе еврейских вождей. Социальная война, таким образом, повседневно скрещивалась с войной этнической. Поначалу лишь в верхушечном своем слое (студенчество, интеллигенция), но с началом первой мировой дело дойдет и до низов, до масс.

В этом и была главная проблема, порожденная взрывным ростом количества евреев в России. Ибо все вышеназванное создавало предпосылки для той этнической войны (русско-еврейской), гипотезу которой, выдвинутую в свое время историком С. Н. Семановым, я разделяю.

Ради чего велась эта война? Ради того же, ради чего ведутся все войны: ради власти в стране, контроля над территорией со всеми ее ресурсами, от человеческих и ископаемых – до культурно-исторических. Важно постичь и признать, что вопрос «кто в доме хозяин?» со всей остротой поставили именно превратившиеся в контрэлиту евреи, а русскому народу и русскому правительству приходилось на него отвечать.

Отмечу еще немаловажное: исконный хозяин России – русское дворянство – был к 1917 году предельно ослаблен. Если Россию от Петра Первого до Александра Первого по справедливости считают русской дворянской империей, то в 1825 году этот исторический этап закончился. Русское дворянство, попавшее после разгрома декабристов под подозрение все в целом, было потеснено разночинцами и инородцами. Непрерывная демократизация – следствие Табели о рангах 1714 года – действовала в одном направлении: разрушая дворянство как класс политически и идейно, особенно с конца XIX века. А Великая Реформа уничтожила его экономически, да еще и породила исключительно русский тип «кающегося дворянина». Лишенное после реформ 1860-х годов своей экономической основы, разбавленное в огромном количестве как социально (жалованным дворянством – вчерашними поповичами, разночинцами и даже крестьянами), так и национально (представителями верхнего класса нерусского происхождения), русское дворянство – этот бывший хозяин России – не выполняло уже в должной мере своего исторического предназначения. Отодвинутые от кормила власти немецкими и польскими дворянами, а от источников экономической силы – буржуазией, в значительной мере еврейской, русские дворяне как класс фактически утратили контроль над страной еще на исходе XIX века. Образно говоря, в своей совокупности русские к моменту роковых решающих событий были народом, лишенным своей дееспособной элиты, были своего рода всадником без головы.

Таким образом, на самом деле накануне крушения монархии вопрос стоял трояко. Вернет ли себе власть в России русская элита? Завладеет ли ею окончательно элита немецкая? Перейдет ли власть к еврейской контрэлите? Этот главный вопрос любой революции – «вопрос о власти» – был решен в ходе трех революций и Гражданской войны в пользу евреев. После

чего речь о возвращении к власти бывших русских или немецких элит уже не шла, по крайней мере до начала Великой Отечественной войны.

Такое решение данного вопроса имело самые серьезные последствия. В том числе, оно позднее аукнется евреям Холокостом в подконтрольных немцам регионах, а также репрессиями, чистками и дискриминацией в неуклонно «русееющем» Советском Союзе. То и другое при желании можно трактовать как историческое возмездие. С одной стороны – за изгнание немецкой аристократии из России и/или полное лишение ее всяких перспектив в нашей стране; а с другой стороны – за систематическое и тотальное уничтожение русских «бывших людей», то есть – всех подряд высших сословий русской России: русских дворян, священников, интеллигенции, промышленников и торговцев, офицерства, зажиточных крестьян, казачества. Сегодня мы понимаем, что это уничтожение было ничем иным, как продолжением русско-еврейской этнической войны, отнюдь не закончившейся с окончанием Гражданской⁷⁰. Но триумф евреев послереволюционного двадцатилетия тоже не поставил точку в этой истории...

Вернемся в свете сказанного к идеям Валерия Соловья. Уж если и говорить историку о слиянии каких-то мессианизмов в Октябрьской революции, то брать в рассмотрение вернее было бы русский и еврейский, а вовсе не социалистический мессианизм, отождествлять себя с которым у русской крестьянской массы не было особых оснований. Эта идея не нова, так что развивать ее я не стану⁷¹.

Вообще, литература, посвященная теме «евреи и революция» весьма обширна, полностью реферировать ее здесь нет возможности. Я лишь отошлю читателя к нескольким источникам. Два из них – книги доктора исторических наук, профессора Высшей школы экономики О. В. Будницкого «Российские евреи между красными и белыми (1917—1920)» (М., 2006), и профессора Принстонского университета Юрия Слезкина «Эра Меркурия. Евреи в современном мире» (М., 2007) – подробно рассмотрены мною в специальном издании⁷². Третий источник – фундаментальное исследование профессора Эрика Хаберера «Евреи и революция в России XIX века» (Кембридж, 1995)⁷³. Наконец, четвертый источник, которому в скором времени исполнится сто лет, играет роль беспристрастного свидетеля, современного событиям Октября и Гражданской войны – это знаменитая, хрестоматийная книга «Россия и евреи»⁷⁴. Именно эти источники наиболее прицельно оппонируют Соловью в главном⁷⁵.

Начну с последнего. Составившие эту книгу авторы – И. М. Бикерман, Г. А. Ландау, И. О. Левин, Д. О. Линский, В. С. Мандель, Д. С. Пасманик – все до единого евреи, не принявшие революцию и исчезнувшие из революционной России вместе с русской белоэмиграцией. И за границей, исходя отчасти из чувства племенного самосохранения, отчасти из простой справедливости, выступившие с обличением зловещей и роковой роли евреев в революции.

С чем же они вышли на публику? Вот несколько цитат.

⁷⁰ См.: Севастьянов А. Н. Ядовитая ягодка революции. – М., Самотека, 2018.

⁷¹ Любителям искать и находить пси-фактор в истории предлагаю свидетельство И. М. Бикермана об иррациональной составляющей еврейской революционности: «Небольшой словесной манипуляции достаточно для еврейского народа. Еврей и сейчас охотно идет за всяким блуждающим огоньком, поднимающимся над революционным болотом; тлетворная, разлагающая словесность о всеобщем братстве и всеобщем благополучии, та самая словесность, которая породила смуту и, следовательно, погромы, еврей и теперь мила; слова отечество, порядок, власть коробят ухо еврея, как реакционные, черносотенные; слова демократия, республика, самоопределение нежат его слух; вопреки всем жестоким урокам еврей продолжает думать, что в начале бе слово, не творческое Слово Божье, а праздное слово красная». Текст создан в 1923 году. Поневоле задумаешься: ведь это как вчера написано!

⁷² Севастьянов А. Н. На русско-еврейской этнической войне. – Вопросы национализма, №28, 2016.

⁷³ Erich Haberer. Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

⁷⁴ Россия и евреи. – Берлин, Основа, 1924; переиздание: М., Азъ, 2007, с предисловием Александра Севастьянова и послесловием Ицхака Шамира.

⁷⁵ Отчасти такое оппонирование автор этих строк осуществлял и ранее: Севастьянов А. Н. Русские: жить или умереть? Размышления над книгой В.Д. и Т. Д. Соловьев «Несостоявшаяся революция» (М., Феория, 2009). – Вопросы национализма, №1, 2010. Но с тех пор мой аргументарий существенно обогатился.

Вначале – о мотивах их выступления:

– Обращение «К евреям всех стран!»: «Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям. Вряд ли в России остался еще такой слой населения, в который не проникла бы эта не знающая границ ненависть к нам. И не только в России. Все, положительно все страны и народы заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу. Никогда еще над головой еврейского народа не скопилось столько грозowych туч»;

– И. М. Бикерман: «Русский человек твердит: „Жиды погубили Россию“. В этих трех словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовный. И стон этот отдается эхом по всему земному миру... Нисколько не преувеличивая, отнюдь не изображая дела так, будто весь мир занят только нами, нельзя все-таки не видеть, что волны юдофобии заливают теперь страны и народы, а близости отлива еще не заметно. Именно юдофобия: страх перед евреем, как перед разрушителем. Вещественным же доказательством, пугающим и ожесточающим, служит плачевная участь России»;

– Д. С. Пасманик: «На нас лежит тяжкая ответственность за судьбы России и русского еврейства. Поэтому мы считаем необходимыми своевременно указать на содеянные ошибки и на правильные пути к спасению. Мы считаем своим нравственным долгом призвать всех наших единомышленников к борьбе с этим злом, которое растлило Россию, вызвало небывалый рост антисемитизма во всем мире и привело к ужасным погромам в России. Только этой борьбой мы спасем еврейство».

Но мотивы – это не главное, это лишь залог честности авторов. Теперь немного о фактической стороне дела, как она виделась в 1923 году, когда писалась книга, живым свидетелям и участникам событий.

И. М. Бикерман: «Не все евреи – большевики и не все большевики – евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно-рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками. Обстоятельно, наоборот, нужно выяснить, как это участие евреев в губительном деле должно отразиться в сознании русского народа. Русский человек никогда прежде не видал еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе красной армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом; он встречает на каждом шагу евреев, не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь всюду, от нее и уйти некуда. А власть эта такова, что, поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной. Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть еврейская и что потому именно она такая осатанелая. Что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, в этом укрепляет его сама власть»;

Он же: «Евреи были не только объектом воздействия во время этой тяжелой смуты. Они также действовали, даже чрезмерно действовали. Еврей вооружал и беспримерной жестокостью удерживал вместе красные полки, огнем и мечем защищавшие „завоевания революции“; по приказу этого же еврея тысячи русских людей, старики, женщины, бросались в тюрьмы, чтобы залогом их жизни заставить русских офицеров стрелять в своих братьев и отдавать честь и жизнь свою за злейших своих врагов. Одним росчерком пера другой еврей истребил целый род, предав казни всех находившихся на месте, в Петрограде, представителей дома Романовых,

отнюдь не различая правых и виноватых, не различая даже причастных к политике и к ней не причастных. Пробираясь тайком с опасностью для жизни по железной дороге на юг, к белой армии, русский офицер мог видеть, как на станциях северо-западных губерний по команде евреев-большевиков вытаскивались из вагонов чаще всего русские люди»;

Он же: «Это только человек с извращенными мозгами, воспитанный на прокламациях, ничего, кроме прокламаций и программ, в мире не видит. Нормальный человек думает и чувствует иначе. Он видит, что поднявшаяся смута слепо, без разбора уничтожает все, что ему дорого, от Державы Российской до его родного гнезда, от царской семьи до самых близких ему по крови людей: отца, сына, родного брата. Среди действительных добровольцев белой армии вряд ли было много таких, у которых революция не отняла самого ценного, самого дорогого. Он видит дальше, что в этой смуте евреи принимают деятельнейшее участие в качестве большевиков, в качестве меньшевиков, в качестве автономистов, во всех качествах, а все еврейство в целом, поскольку оно революции не делает, на нее уповает и настолько себя с ней отождествляет, что еврея-противника революции всегда готово объявить врагом народа. И этот нормальный и жестоко от революции страдающий человек делает свои выводы»;

Г. А. Ландау: «Когда грозный бунт в эпоху непосильных военных напряжений потряс страну и сбросил всю государственную иерархию – к власти подошли единственные организованные силы, оказавшиеся созвучными тенденциям развала, именно идеологии и партии революционные, социалистические. В них – как выше указано – огромное место занимали евреи; тем самым евреи приблизились к власти и заняли различные государственные „высоты“ – пропорционально не их значению в России, а их участию в социалистических организациях. Но далее, заняв эти места, естественно, что – как и всякий общественный слой – они уже чисто бытовым образом потащили за собой своих родных, знакомых, друзей детства, подруг молодости... Совершенно естественный процесс предоставления должностей людям, которых знаешь, которым доверяешь, которым покровительствуешь, наконец, которые надоедают и обступают, пользуясь знакомством, родством и связями, необычайно умножил число евреев в советском аппарате»;

Он же: «Поразило нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде – жестокость, садизм, насильничество, казалось, чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов».

Никакие цитаты, впрочем, не заменят впечатления от книги в целом, которую я и рекомендую вниманию вдумчивого читателя.

Авторы, конечно, не знали и сотой части того, что сегодня знаем мы об участии евреев в революции, об их роли в создании советского правительства, всей советской администрации и, что чрезвычайно существенно, советской репрессивной системы⁷⁶. Особенную важность я склонен придавать национальному происхождению самых значительных и зловещих фигурантов дела: Ленина и Дзержинского. Ни в одном из них не было ни капли русской крови. Зато еврейская кровь – была в обоих. При советской власти этот факт не обсуждался, точнее: замалчивался. Он служил Большим Государственным Секретом.

Но для своей эпохи слово авторов берлинского «крика души» было честным. А что самое важное – они, отдадим должное, не остановились и перед главным выводом, выписанным рукой Пасманика: «Ответственно ли еврейство за Троцких? Несомненно. Как раз национальные евреи не отказываются не только от Эйнштейнов и Эрлихов, но и от крещеных Берне и Гейне. Но в таком случае они не имеют права отречься от Троцкого и Зиновьева». «Отрица-

⁷⁶ Литература на сей счет обширна. В частности, автору этих строк принадлежит малотиражная книга «Ядовитая ягодка революции» о Генрихе Ягоде (Енохе Иегуде), фактически возглавившем после смерти Дзержинского весь репрессивный аппарат. Осмелюсь рекомендовать ее читателям (ссылку см. выше в примечаниях).

ние ответственности с еврейской стороны в значительной мере основано на недоразумении», – вторил ему, обращаясь к своим соплеменникам, И. О. Левин.

Книга «Россия и евреи» – не научное исследование. Его, пожалуй, кое-кто упрекнет в субъективности. Но это живое свидетельство, и настолько честное, животрепещущее и убедительное, что вполне заслуживает быть отправной точкой для ученого, служить для него верным камертоном. Особая важность данного свидетельства в том, что оно исходит именно от евреев, что не позволяет взять под сомнение его непредвзятость и научную ценность.

Мнения, выраженные в цитированной выше книге, полностью подтверждаются, однако, фактами и такими сугубо научными источниками, как исследования Будницкого и Слезкина, проанализированные мною предварительно в отдельной работе. Ценность этих исследований также во многом определяется тем, что оба автора – евреи, вряд ли заинтересованные в возведении напраслины на свой народ. Тем не менее, анализируя их книги, размышляя над прочитанным, можно прийти к следующим выводам.

1. Из этих книг непреложно следует (хотя сами авторы избегают оперировать подобной гипотезой), что к концу XIX – началу XX века в России уже вовсю шла необъявленная и даже всячески маскируемая образованными слоями общества, но тем не менее реальная русско-еврейская этническая война⁷⁷. Со стороны евреев это выражалось в стремлении к полновластию в России, экономическому и политическому, которое достигалось двумя взаимоисключающими способами: экономического превосходства и экспансии, с одной стороны, и социалистической революции, сопровождающейся всеобъемлющим перехватом управления страной, – с другой.

2. Начавшаяся Первая мировая война весьма обострила указанную этническую войну за счет трех факторов. Во-первых, из-за массового централизованного переселения едва ли не во все губернии России евреев из Черты оседлости, оказавшейся в прифронтовой полосе (правительство не доверяло евреям, подозревало их в подрывной деятельности и шпионаже в пользу немцев и отселяло куда подальше), что повсеместно привело к резкому ухудшению отношений между евреями-переселенцами и коренным населением, подвергшимся неожиданному и массивному нашествию ярко выраженных инородцев, иноплеменных. Во-вторых – из-за быстрого роста жестокого антагонизма между евреями, оставшимися в Черте оседлости и вообще в прифронтовой полосе, с одной стороны, и российской армией и нееврейским населением в обстановке войны – с другой. В-третьих, проведя массовую мобилизацию, царская власть направила в действующую армию не менее 500 тысяч евреев, что привело к смычке крестьянской войны, тлевшей, не затухая, в России с 1902 года, с еврейской революцией. Вооруженные русские крестьяне и рабочие в солдатских шинелях и матросских бушлатах получили себе еврейских вожakov и пропагандистов, пропитанных идеями социал-демократии и социал-революционерства.

3. Большевистский переворот и последовавшая за ним Гражданская война стали для своего времени (1917—1920 гг.) наиболее яркими проявлениями русско-еврейской этнической войны, носившей ожесточенный общенародный характер с обеих сторон. Ответственность за Октябрьский переворот и за слом всего русского образа жизни, последовавший за переворотом, в определяющей степени лежит на евреях. Со своей стороны, антисемитами были и евреев громили все русские войска, что красные, что белые, что зеленые – ибо по-другому и быть не могло на этнической русско-еврейской войне. В ходе этой войны евреи как народ, первоначально действовавший порой по обе стороны фронта красных и белых, скоро и окончательно

⁷⁷ Насколько мне известно, первым в постсоветское время тему «поистине странной» русско-еврейской войны заявил известный историк и публицист С. Н. Семанов в книге «Русско-еврейские разборки» (М., Алгоритм, 2003), одна из глав которой так и называется «Русско-еврейская война. Краткий курс».

определились в пользу красных, вливаясь в ряды Красной Армии и ЧК не только в личном порядке, но даже в составе национальных воинских формирований.

4. Судьба России решалась не только на фронтах Гражданской войны, но и на относительно мирных территориях, где происходил стремительный передел власти в пользу евреев, занимавших места в ЧК, партийном и государственном аппарате и других властных структурах, повсеместно вытесняя саботировавшую русскую интеллигенцию, заменяя собой русскую полицейскую силу. В дальнейшем это скажется на всем характере Советской России, особенно первых двух десятилетий ее существования.

Что остается добавить к сказанному по теме якобы «русской» революции, совершившейся в Октябре 1917 года?

Я не утверждаю, что все еврей-большевики в руководстве коммунистической партии и Советской страны были проводниками только еврейских национальных интересов (хотя и такое имело место быть во многом, особенно в кадровой политике), что они именно с этой целью шли во власть, а не были более или менее искренними интернационалистами. Для такого утверждения нужны дополнительные глубокие исследования. Но можно решительно утверждать, что евреи во власти не были проводниками русских национальных интересов, что они пренебрегали этими интересами, даже когда можно было этого и не делать. И что часто, слишком часто они действовали вопреки, наперекор этим интересам, разрушая основы жизни русского народа. В первую очередь – целенаправленно уничтожая его элиту, его веру, культуру, язык, национальный строй и образ жизни.

Антирусский характер Советского Союза, созданного под еврейским руководством, сегодня – уже почти общепризнанный факт, и этому факту, заметим, посвящены лучшие страницы, вышедшие из-под пера Валерия Соловья. А поскольку вся государственная пропагандистская машина была поначалу в еврейских руках, не приходится удивляться, что, как пишет Валерий Соловей, «в советском пропагандистском языке большевистская революция поначалу называлась именно “ (Великой) Русской революцией», вызывая неизбежные коннотации с русской этничностью. Это тем более примечательно, что коммунистическая политика, мягко говоря, не благоволила к народу, давшему имя революции»⁷⁸.

Вообще без маски, без дерзкого, оглушающего обмана на Руси не мог пройти, не мог иметь успеха никогда никакой бунт, никакая смута: Гришка Отрепьев должен был прикрыться именем царевича Димитрия, Пугачев – царя Петра Третьего. Народ никогда не поддержал бы антигосударственного выступления такого масштаба, не предполагая его высшей легитимности⁷⁹. Кстати, если бы Николай не отрекся малодушно от престола и от своего долга перед народом, вряд ли большевикам удалось бы все то, что они сотворили. Но именно публичное падение традиционной легитимности открыло ворота для легитимности новой, экспериментальной. И тут были задействованы те же самые архетипы... только на сей раз за дело взялись не русские, а еврейские авантюристы, которые маскировались, прикрывались чужим именем ровно по той же причине!

Национально чуждые русскому народу, еврейские революционеры выдавали себя за социально, классово близких. Больше того, им приходилось маскироваться сугубо, поскольку отчуждение – «культурное, экзистенциальное и этническое» – между русскими и евреями было уж никак не меньшим, чем между русскими простолюдинами и русскими дворянами. О чем свидетельствует ожесточенный и повсеместный характер русско-еврейской войны, протекавшей по обе стороны фронта в русле войны Гражданской. Так что бронштейны вовсе не зря именовались троцкими, апфельбаумы зиновьевыми, розенфельды каменевыми,

⁷⁸ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 128—129.

⁷⁹ Не случайно народ бросил шутовскую личину на труп разоблаченного Самозванца, выставленный на обозрение, промаркировав таким манером самую сущность лицедея.

и Ленин не зря представлялся народу как русский, Дзержинский как поляк, а вся революция в целом – как «русская». Мимикрия оказалась для них спасением. Только потому-то большевики и удержали власть.

Понять эту логику нетрудно, но невозможно догадаться, почему и зачем данную маскировочную версию, некогда созданную с вполне определенной целью, поддерживают и развивают сегодня авторы, причисляющие себя к лагерю русских националистов.

По ложному следу

Все сказанное убеждает: тот след, по которому Валерий Соловей пустил свою мысль в поиске причин и виновников Октябрьской революции, оказался ложным. Оценка этого всемирно-исторического события Соловьем как «Великой русской революции» выглядит до смешного неадекватной в свете его же излюбленного, хоть и спорного тезиса: «Парадокс в том, что русские выступали против собственного детища, исторического плода своих вековых усилий... Старую империю обрушил не взрыв периферийных национализмов, сепаратизм и отпадение окраин, а бунт народа, который был ее историческим творцом, составлял ее главную опору и движущую силу»⁸⁰.

Что же это за «русская революция», да еще «национально-освободительная», коли она уничтожила русское государство и русскую элиту, многократно (до крайности!) усугубила старые русские беды и проблемы, да к тому же добавила к ним новые? Закабалила русских хуже прежнего? Где логика? Словечком «парадокс» тут не отделаться, не прикрыться. Если это и парадокс, он должен быть разъяснен до последнего предела. Тогда, вполне возможно, выяснится, что никакого парадокса нет и в помине, просто объяснение произошедшего требует иных акцентов, иных подходов, иной логики, иного понимания.

На мой взгляд, именно так и обстоит дело.

Бунты (народные восстания, в терминологии апологетов) – не новость для нашей Родины, как и анархическое начало в душе русского человека, дремлющее бок-о-бок с началом иерархическим. Необъятная Россия, располагающая несчетным количеством недоступных, потаенных уголков, где можно укрыться от властей, – это не какой-нибудь островок типа Англии или Японии, откуда так просто не сбежишь и где приходится либо смиряться с действительностью и культивировать слепую супероляльность, либо искать компромиссные пути разрешения проблем, либо вести жестокие войны на взаимное истребление, либо кончать жизнь самоубийством. Российские просторы всегда призывали нас к ничем не ограниченной волюшке.

Итак, бунты у нас не новость. Как не новость и то, что российская власть всегда умела с ними справляться, почему эпитет «бессмысленные» так прочно приклеился к ним с легкой руки Пушкина. И справлялась, в общем, именно потому, что никакой бунт никогда не был поддержан всем русским народом в целом, он всегда оставался проявлением определенной маргинальности. В том числе этнической, мало затрагивая коренное русское население исконно русского ареала, а вспыхивая на окраинах с этнически пестрым контингентом, зачастую ими и ограничиваясь. Должно быть (возвращу тут Соловью его аргумент), именно потому, что психологически большинство русского народа воспринимало российское государство именно как свое детище, которое можно подчас наказать, но не стоит убивать.

Единственный в русской истории бунт, который был доведен до победного конца и убийства-таки исторической России, – Октябрьская революция. Ее коренное отличие от всех предыдущих восстаний в том, что она управлялась нерусским элементом: на теле русского народного бунта сидела еврейская голова, свободная от указанных психологических комплексов и барьеров. Для которой в разрушении всей страны России «до основанья», до смерти – хоть физической, хоть метафизической⁸¹ – не виделось и видеться не могло ни малейшей национальной проблемы. Отрицать это невозможно в свете всех данных, накопленных историей. Да и сам Соловей этого не отрицает.

⁸⁰ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 137; Соловей В. Д., Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция... – С. 170.

⁸¹ Много красноречивых подробностей на тему вполне осмысленного, целенаправленного убивания большевиками исторической России начиная с Октября 1917 года см. в кн. А. И. Вдовина «Подлинная история русских. XX век».

Никуда не деться также и от того факта, что указанная бинациональная природа роковых перемен (евреи – руководители, то есть заказчики и организаторы, а русские – исполнители) надолго закрепилась в политических результатах Октября, в решительности коренной переделки прошлого и настоящего России. Советская власть – и в Советской России 1917—1922 гг., и в первые пятнадцать лет СССР – была химерой, если пользоваться удачным термином Льва Гумилева: еврейская голова на русском (а в СССР – многонациональном) теле. Этого тоже никак нельзя опровергнуть. Но такая химера не возникла ниоткуда: она сложилась задолго до революции. Ее прообразом было все революционное движение, начиная с народников, но больше всего – партия большевиков. Невозможно игнорировать этот исторический факт.

Что следует из сказанного? Никуда не спрятать племенной еврейский фактор в истории Октябрьской революции, становления Советской власти и возникновения СССР. Надо иметь гражданское и научное мужество, чтобы не затушевывать его, называть вещи своими именами и говорить о них в полный голос. Не хочешь «пачкаться»? Боишься? Тогда не стоит идти в истории. Перед этой дилеммой рано или поздно оказывается каждый честный русский ученый, работающий над щекотливой, но неизбежно важной для нас темой. Это испытание выдерживают далеко не все; Соловей и Сергеев, вот, не выдержали.

Итак, перед нами именно то объяснение причин и результатов Октябрьской революции, альтернативу которому столь увлеченно искал и как бы «нашел» Валерий Соловей. Ретроспективная альтернатива выглядит так и никак иначе: либо «русский бунт», обращенный под руководством евреев в сугубо и последовательно антирусское деяние, – либо «русская революция». Третьего концепта не дано.

* * *

Инерция русского бунта, будучи обращена его еврейскими руководителями против самих основ русской жизни, дала тот до сих пор еще не исчерпавший себя губительный эффект и традицию, который мы привычно именуем Октябрем. Важный элемент этого эффекта, этой традиции – отрицание, охаивание дореволюционного русского уклада жизни, попытки свести счеты с исторической Россией, отголосок чего мы имеем и в книгах Соловья и Сергеева. Сознательная антирусский характер Октября и большевистского СССР, кое-кто, однако, оправдывает их тем, что такие перемены были, якобы, востребованы русским народом, угнетаемым чужеродным верхним классом, дворянством прежде всего.

Получается, в итоге, что старую Россию – не жалко. А чего там жалеть, любить? Все ведь, шедшее в ней «сверху» (а «сверху» -то шло буквально все или почти все), было нерусское, а то и антирусское, угнетательское, да еще и инородное. И в первую очередь незачем жалеть уничтоженных пресловутых угнетателей, которые к моменту революции стали этнически «чужими» для русского народа. Избавились от вредных антирусских чужаков – и хорошо!

Неудивительно, что ни в царской, ни в императорской России ничего не жалко лакерам, ливенам и хоскигам. Им и не должно, и не может там ничего быть жалко, это не их страна, не их история, не их судьба. Неудивительно также, что они пытаются транслировать эту нежальность нам, русским; в этом тоже есть своя недобрая логика. Но удивительно, что среди русских ученых их позиция кому-то кажется убедительной и привлекательной.

Между тем, жальче всего на самом-то деле именно русскую элиту. Все остальные утраты, конечно, тоже жалко: ведь добро копилось тысячу лет – и искусство, и драгоценности, и традиции, и духовный строй, и многое иное. Но это, при очень большом желании, можно нажать заново. А вот убитых, изведенных и изгнанных людей не вернуть. Гены не возратить. Заново такую элиту не воссоздать. Генофонд не поправить. Бесценное биологическое и культурное достояние русского народа, тысячелетиями рощенное... Но, по Сергееву и Соловью (и «прикнувшему к ним» Хомякову), вот именно элиту-то и жальче меньше всего! Она ведь «нерусская» была, а то и «антируская»!

Удивляет, прежде всего, позиция Соловья: сам же понимает и убедительно обосновывает⁸², что в истории этноса кровь (в самом материалистическом смысле слова) – это все! А тут, оказывается, и лучшей элитной крови, лучшей генетики – не жалко. Хотя именно это – самое главное обвинение революции, самый главный ущерб от нее, самое главное ее преступление, куда страшнее еврейского Холокоста.

Понятно, что для такого «нового прочтения» русской истории «по Соловью» оправдание Октября и большевиков, с одной стороны, и обвинение в нерусскости и/или антирусскости хотя бы только русского дворянства (коль скоро к русской элите в целом оно не липнет), с другой стороны, – есть насущная потребность и первейшая необходимость, условие *sine qua non*.

«Новое прочтение», увы, не получилось верным. Именно чувство ответственности за верное развитие русского национализма, а значит кровная заинтересованность в здоровой, правильной интерпретации истории русского народа не позволяют мне пройти мимо подобного перекоса.

⁸² Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. – М., 2008.

ОБВИНЯЕТСЯ ДВОРЯНСТВО

Итак, перейдем теперь к полемике по существу основного вопроса.

В предыдущей главе «Русский бунт и еврейская революция» я обильно цитировал высказывания Валерия Соловья, которого считаю идеологически ведущим в тандеме Соловей—Сергеев, относительно «культурной, экзистенциальной и этнической» чужести дореволюционной элиты России русскому народу. Эта мысль является основополагающей для обоих авторов, она – общий краеугольный камень, позволяющий им говорить как о «русской» революции, так и о дворянстве как виновнике срыва русского нацистроительства. Да и как о конечном виновнике революции, создавшем повышенное социальное напряжение, обернувшееся разрывом ткани российской государственности, – тоже. И пр.

Первая идея подробно рассмотрена выше, вторая обозначена Сергеевым так:

«Главный тезис предлагаемой ниже статьи⁸³ заявлен уже в заглавии. Он состоит в том, что роль дворянства в русском дореволюционном нацистроительстве была глубоко двойственна: с одной стороны, именно представители этого сословия создали русский националистический дискурс, с другой – сословно-классовый эгоизм дворянства стал одной из главных причин провала русского нацистроительства»;

«Именно дворянство явилось главным тормозом отмены крепостного права, без чего никакое создание единой нации было невозможно»⁸⁴.

Подробный критический анализ этой теории Сергеева в целом я приберегу для эпилога, а пока обращаю внимание читателя на некоторые очень важные ее детали.

Сергеев, не обинуясь, прямо указывает на Соловья как на основоположника их единой, в главном, концепции: «Соловей дает краткий очерк русской истории... Главной причиной кризиса 1917 года явилось культурное и этническое отчуждение элиты от народа, начавшееся с петровских реформ. Большевики сумели использовать в своих интересах „национально-освободительную борьбу русского народа“ и оседлали „качели русской истории“, „культивируя на стадии прихода к власти анархические настроения масс... в фазисе удержания и упрочения власти они обратились к не менее мощному государственноческому началу русского народа“»⁸⁵.

Надуманность и ложность тезиса Соловья бросается в глаза. Допустим, часть правящего слоя была нерусской (немцы, поляки). Но можно ли видеть в этом «главную причину кризиса 1917 года»? А как же тогда Английская революция? А Великая Французская революция? О каком этническом отчуждении может идти речь в этих случаях? Отчуждения никакого не было, а «кризисы» были, да еще какие!

Сергеев, однако, разделяет позицию Соловья, вдохновляется ею. Он лишь слегка дистанцируется от основоположника, поправляя его: «Октябрьская революция в этом смысле была *народно-освободительной* революцией, здесь я не вполне согласен с В. Д. Соловьем, назвавшим ее национально-освободительной. А гражданская война стала войной нации и народа»⁸⁶ (sic!). Но это разногласие на деле есть лишь терминологическая микровойнушка двух историков, обусловленная крайне своеобразным пониманием нации Сергеевым⁸⁷, о чем будет ска-

⁸³ Речь идет о: Сергей Сергеев. Дворянство как идеолог и могильщик русского нацистроительства. – Вопросы национализма, №1, 2010.

⁸⁴ Из возражений Сергеева на мою критику. Были обнародованы на сайте АПН в 2010 г.

⁸⁵ Сергеев С. М. Пришествие нации?... – С. 150.

⁸⁶ Там же, с. 200. Формулировка о войне нации и народа настолько невразумительна, что я не в силах ее комментировать, оставляя на совести автора. Единственная трактовка напрашивается: война еврейского народа против русской нации, но это явно не по Сергееву.

⁸⁷ Он, например, считает, что «национальное единство невозможно без социальной и юридической однородности

зано в эпилоге. В действительности речь идет об одном и том же: российское дворянство, раскалывая нацию, послужило-де едва ли не главным фактором революции, спровоцировало ее. В свете чего большевики, возглавившие борьбу народа за «справедливость» и уравнившие все население в социальном и юридическом смысле, предстают как истинные «нациестроители», а значит – как выразители самой идеи русской нации.

Сергеев договорил и акцентировал в своих работах то, что в несколько более черновом варианте было заявлено Соловьем. Обвинение дворянства – тема, ставшая у Сергеева главной, основной. В чем же обвиняют дворянство наши историки-дворяноборцы? Таких обвинений ровно пять:

1. Культурный разрыв с народом и культурная дискриминация крестьян;
2. Социальная дискриминация и эксплуатация крестьян (сюда входят тезисы: была-де крестьянофобия, социальный расизм, «русским было хуже, чем всем прочим», «недостаточность социальных лифтов, образовательные барьеры»);
3. Нерусское происхождение большинства дворян, в том числе наличие даже дворян-евреев и представителей других национальностей и конфессий, владевших русскими крепостными;
4. Дворяне спровоцировали революцию;
5. Дворяне сами сделали революцию.

Все это собрание обвинительных пунктов я обнаруживаю в развернутом виде у Сергея Сергеева. Поэтому и полемизировать мне придется в основном с ним, разбивая тезис за тезисом. При этом ни на минуту не забывая, что отталкивался-то он от концепции Соловья, являясь «духовным сыном» последнего.

В этой концепции, на мой взгляд, все – неправда. Отчуждение дворян от народа сильно преувеличено. Этнический характер конфликту приписан недобросовестно, облыжно. О главной причине Октября можно спорить; бесспорно только, что она заключалась отнюдь не в этом, якобы, этническом отчуждении.

Всемирная история представляет немало примеров, противоречащих такой предвзятой трактовке. Взять хоть Англию. Культурное и этническое отчуждение норманнов от англо-саксов, а тех – от римлян и кельтов, несколько не помешало созданию английской нации, которая прекрасно себе цвела в викторианскую эпоху. Хотя всякому, кто читал «Оливера Твиста» Диккенса или «Люди бездны» Джека Лондона, не говоря уж о «Положении рабочего класса в Англии» Фридриха Энгельса, ясно, как божий день, что ни о каком культурном сближении элиты с народом в Великобритании и речи не могло быть: классовое отчуждение было максимальным, чудовищным (вплоть до возникновения социолектов денди и кокни в английском языке), а классовая эксплуатация мало чем отличалась от той, что процветала в многочисленных колониях Британии. То же самое можно сказать о франках и галлах во Франции (хотя такие демагоги, как аббат Сийес, призывали во время революции 1789 года порабожденных галлов восстать против поработителей-франков, но этот призыв так и остался в истории примером именно демагогического красноречия). А взять близкую к Древней Руси страну Хазарию? Разве экзистенциальное, культурное, религиозное и этническое отчуждение евреев от хазар помешало созданию химеры – хазарского каганата, разве это отчуждение его разрушило? Яркий пример от обратного дает нам Индия, где господствующие три варны (брахманы, кшатрии и вайшья) относятся к индо-ариям, а варна служащих им шудр, а также неприкасаемые – к дравидам, но это отличие читается даже на расовом уровне, чего, разумеется, не было в России и в помине.

нации» (Сергей Сергеев. Восстановление свободы... – С. 104): мнение, ни на чем, увы, не основанное. На этом ложном понимании нации выстроена, однако, вся концепция книги Сергеева «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия» (М., Центрполиграф, 2018).

Так что вряд ли подобный взгляд на революции и падение царств в принципе можно назвать историческим. Да и восходит он, кстати, вовсе не к Соловью, а к тому же Джеффри Хоскингу и подобным ему зарубежным «знатокам» русского вопроса.

Но культура полемики требует от меня не ограничиваться подобными общими соображениями, а подробно разобрать взгляды оппонента, вытащив за ушко да на солнышко всех дьяволов, обильно гнездящихся в деталях. Апология дворянства стала главной моей задачей в том числе потому, что Сергеев, основываясь на тезисах Соловья, своим усиленным обвинением дворянства, в свою очередь, капитально фундирует концепцию Валерия Дмитриевича. Вынуть этот краеугольный камень – и рассыпется весь воздушный замок, в котором почивают на лаврах победившие «антирусских русских дворян» евреи, радетели, представьте себе, русского народа, и вообще большевики – «создатели русской нации».

Завершая это вступление, процитирую Сергея Сергеева, который совершенно справедливо пишет о полюбившихся ему декабристах: «Проблема декабристского национализма имеет не только научное, но и общественное значение. В современном российском массовом сознании (прежде всего, в его „право-патриотическом“ секторе) распространена „черная легенда“ о декабристах, как врагах России, агентах „мирового масонства“ и проч. Этот вздор, конечно, характеризует лишь прискорбный уровень исторического невежества самих его пропагандистов и потребителей»⁸⁸.

Но ведь в точности то же самое можно сказать и о русском дворянстве в целом, оно тоже оболгано, тоже стало жертвой «черной легенды». На сей раз по вине, в том числе, самого Сергеева.

Постараюсь по мере сил раскрыть это обстоятельство.

В союзники себе я мог бы взять немалое число авторов, благо количество работ, посвященных русскому дворянству, велико. Но я остановился на двоих.

Во-первых, это Михаил Осипович Меньшиков, известный русский предреволюционный публицист, первый настоящий идеолог чистого русского национализма, наш подлинный, несравненный и беспримесный (во всех смыслах слова) идейный предшественник и авторитет. Его невероятная эрудиция, включая осведомленность в современных ему проблемах политического закулисья, острота и блеск мысли, глубокое проникновение в суть вещей, бескомпромиссная последовательность и верность интересам русской нации заставляют периодически сверяться с ним, как с компасом. И поверять собственные знания и соображения, а равно сочинения коллег по Русскому движению, выкладками Меньшикова. Исходя в том числе из того простого и очевидного обстоятельства, что ему было виднее все, что происходило с русским народом в начале XX века. Ведь он был не только мудрым, добросовестным и информированным автором, но и очевидцем событий. Поэтому ряд главок я насыщаю значительными фрагментами из работ моего предтечи на заданную тему. Ничто не ново под луной: Меньшикова нередко заботили те же вопросы и проблемы, что сегодня терзают нас. Он искал и находил на них ответы, всегда абсолютно адекватные и актуальные для нашего времени. Его свидетельства помогают русскому националисту протянуть через столетие нетленную нить истинной традиции.

Во-вторых, это исследовательница и писатель О. И. Елисеева, создавшая замечательную книгу «Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины»⁸⁹. Будучи профессиональным историком, Елисеева добросовестно и практически исчерпывающе изучила и привела для нас в систему источники: все сколько-нибудь значимые свидетельства как рус-

⁸⁸ Сергей Сергеев. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов. – Вопросы национализма. №2. 2010. – С. 79.

⁸⁹ Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. – М., Молодая гвардия, 2008. Автор – кандидат исторических наук (окончила Московский историко-архивный институт и аспирантуру Института российской истории РАН).

ских, так и иностранных авторов об этом самом цветущем периоде русской дворянской империи, а также наиболее серьезные труды, характеризующие эпоху в целом с важных для нас сторон. Что позволило ей приблизиться к объективному пониманию «екатерининского века» в его реальном бытии, а не в умозрительных схемах ангажированных профессионалов. Эти свидетельства, как *pro*, так и *contra*, оказываются подчас совершенно необходимы, чтобы не только понять разумом, но и почувствовать сердцем, как текла в то время жизнь русской нации, столь жестоко раскритикованная вначале и столь горько оплаканная впоследствии потомками⁹⁰. Я благодарен Елисеевой за проделанный огромный труд, который весьма облегчил мне полемическую задачу, и пользуюсь ее работами, оформляя их надлежащими ссылками.

Если в Меньшикове я ищу и нахожу идейную опору, то Елисеева позволяет мне широко опираться на доброкачественную фактуру живых свидетельств мемуаристов и точных данных ученых исследователей.

«КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ С НАРОДОМ» И «КУЛЬТУРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КРЕСТЬЯН»

Обоснование «чужести» дворянства всему остальному народу проще всего начинать с того, что лежит на поверхности: с культурного дифферента.

Тон задает Валерий Соловей:

«Социокультурный раскол приобрел характер (квази) этнического отчуждения и вражды, а поскольку он еще и во многом (хотя не полностью) совпадал с социальным делением русского общества, то элита и народ фактически превратились в этноклассы»⁹¹.

На мой взгляд, это чистой воды абсурд: нация (в данном случае русская) как сумма этнокласса господ и этнокласса рабов. Перед нами – неудачная попытка экстраполировать удачную находку Теодора Шанина (обнаружившего, например, в Сингапуре этнокласс китайского купечества) на другую почву и в другие условия. Но китайцы в Сингапуре – это реально «иной» этнос, чего не скажешь ни о дворянах, ни о крестьянах в России. Соответственно, не годится и такое заемное словоупотребление, призванное искусственно этнизировать классовый разрыв в России. Ошибочная трактовка шанинского концепта «этнокласса» может привести к тому, что любой народ, в том числе древний, можно будет поделить на «этноклассы», например – египтян-рабов и египтян-рабовладельцев. Но это уж будет такой очевидный абсурд... Ведь суть концепта именно в том, что в том или ином согражданстве вычленяется именно по этническому признаку некий класс, сохраняющий свою отдельность благодаря «этническому фаворитизму» (Т. Ванханен).

Чтобы легализовать термин «этнокласс» на нашей крови и почве, Соловей всячески пытается отделить от русской нации ее верхние классы, но это невозможно по определению и не соответствует истории. Я бы понял Соловья, если бы он взялся описывать еврейских предпринимателей России (составивших, по данным переписи, около 70% предпринимателей вообще) как этнокласс, но – русских дворян?!

Что оставалось ему в такой ситуации? В частности, предельно преувеличить культурный разрыв:

«Главным было не это (непропорционально высокое представительство нерусских на ключевых административных позициях. – А.С.), а драматический культурный разрыв между простонародьем и образованными классами, пусть даже в значительной мере укомплектован-

⁹⁰ Этот парадокс хорошо иллюстрируют две цитаты из Пушкина: одна – из его заметок 1822 года по русской литературе XVIII века («развратная государыня развратила свое государство») другая из стихотворного наброска незадолго до смерти («Россия, бедная держава, / Твоя раздавленная слава / С Екатериной умерла!»). Для полной переоценки значения этой удивительной женщины гению не понадобилось и пятнадцать лет.

⁹¹ Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 127—128.

ными выходцами из народа. Русская масса воспринимала образованные классы как враждебных „чужаков“, что со всей кровавой очевидностью проявилось в революции 1917 г.»⁹².

Тут на всякий случай излишне драматизируется все.

Во-первых, представительство нерусских на ключевых постах представляло собой проблему не для русских народных масс, которым традиционно все равно, кто их угнетает, чужие или свои (эта в корне ошибочная позиция пережила, однако, все революции и сейчас снова поднимает голову, грозя в очередной раз заблокировать строительство нации), а именно и только для русского сектора российской элиты, вынужденно оказавшегося отчасти в положении контрэлиты. Вполне очевидно: не народ, а именно русские дворяне конкурировали с немцами (и др.) во властных сферах. Не для народа, а для русских дворян нерусская фракция российского дворянства была нетерпима. Отождествлял ли при этом простой народ русских дворян и русскую интеллигенцию с иноплеменными? На этот вопрос никакого фундированного ответа наши авторы не дают, а лишь делятся своими домыслами и предположениями, а это – плохой аргумент. Возможно, иногда местами такое и происходило, но наверняка не всегда и не везде. Даже в ходе Гражданской войны красная пропаганда попрекала барона Врангеля социальным, но не национальным происхождением!

Во-вторых, разрыв между простонародьем и образованным классом есть вещь вечная, повсеместная и, как сказал бы сам Соловей, экзистенциальная во все времена и у разных народов. Этот разрыв никуда не делся в России и при Советской власти, даже в ее поздний период, а сегодня вновь усугубился и достиг критических величин. При этом именно русская высокая культура, которую официоз всегда преподносил миру как собственно русскую национальную культуру, оказалась настолько неприемлема и враждебна для широких русских масс, что они всегда стойко предпочитали и предпочитают ей не только народно-самодеятельную или полублатную (в диапазоне от частушек и Владимира Высоцкого до Аркадия Северного и Михаила Круга), или весьма специфичную молодежную субкультуру, но даже американскую попсу, негритянский джаз или каких-нибудь мерзейших битлов. Русский певец в подземном переходе в надежде на подавание скорее станет гнусить «Йестеди» («Yesterday»), чем споет арию из Глинки или Чайковского или романс Гурилева, Даргомыжского или хотя бы Фомина. Не «Белинского и Гоголя», а «Блюхера и милорда глупого», не репродукцию Венцианова или Поленова, а лубок веками как нес, так и несет русский простолюдин с базара. А феномен Владимира Сорокина, выстроившего свой пиар на перверсировании русской классики, народную ненависть к которой он успешно эксплуатирует, заслуживает характеристики «великий истинно пролетарский писатель» (в отличие от Горького, писавшего для интеллигенции). Я и немногие мои коллеги ощущаем этот разрыв всю свою жизнь, но... свидетельствую: за это не убивают. И даже особой трагедии из этого не делают. А если убивают, то не за это.

Тезис о культурном разрыве как причине якобы «этнического» отчуждения верхов и низов русского общества зиждится у Соловья и Сергеева на трех китах:

- франкофония, галломания, англomanия, германофилия и т. п. дворянства, воздвигавшие якобы непроходимый барьер с крестьянством;
- параллельно тому – сознательный отрыв дворянства от русской народной культуры, русского быта и русского языка (Сергеев сюда приписывает еще и отрыв от религии);
- целенаправленная культурная дискриминация крестьянства, задвигание его в нишу безнадежной архаики.

Все это, по Соловью и Сергееву, вело к роковым последствиям:

«Глубинную психологическую подоплеку смуты начала XX в. очень точно уловили евразийцы, назвавшие ее „подсознательным мятежом русских масс против доминирования

⁹² Соловей В. Д. Кровь и почва... – С. 125.

европеизированного верхнего класса ренегатов⁹³. Отсюда не так уж далеко до оценки революции как национально-освободительного восстания русского народа»⁹⁴.

На самом деле к этой оценке ведут нас только сами авторы. Ведь перед нами типичная ложная посылка и, соответственно, ложный вывод. Невозможно понять и принять, как это класс русского дворянства, который был, с одной стороны, главным заказчиком, а с другой – главным создателем и апробатором классической русской культуры, той самой культуры, которой мы заслуженно гордимся, которую предъявляем всему миру в качестве национальной визитной карточки и по которой все нас идентифицируют как русских, – как этот класс оказался вдруг записан евразийцами, а вслед за ними Соловьев и Сергеевым в «класс ренегатов»?! Уму непостижимый выверт мысли! Уберите из истории русской литературы, музыки и изобразительного искусства этот класс – чем гордиться будем?

Я уж не говорю о необозримом скорбном и величественном мартирологе «класса ренегатов», сложивших за тысячу лет свои головы за Отечество и свой народ, за освобождение от инородческого ига, за отражение нашествий иноплеменных... Любой, даже захудалый дворянский русский род изобилует именами павших на поле брани за Русь. Уж как ни мерзок нам образ Малюты Скуратова – а ведь и тот погиб от стрелы в бою на Ливонской войне. Если в рекруты попадала мизерная часть крестьянства (всего один рекрут от ста дворов), то рискнуть своей жизнью на войне должен был быть готов *каждый* дворянин. Не крестьянство, вопреки расхожему мнению, а именно дворянство было «пушечным мясом» русской нации.

Наконец, непонятно, что же это за национально-освободительная борьба такая, в результате победы которой русский народ в качестве приза получил неслыханную и именно национальную кабалу! Именно уничтожение его природной биосоциальной элиты («класса ренегатов», по Трубецкому) и превратило русских, если угодно, в бесправный этнокласс-донор, каковым он до этого не был. То есть, логика истории строго обратна логике Соловья и Сергеева.

Перед нами явный логический кульбит дворянофобов. Для того, чтобы в этом убедиться окончательно и детально, пройдемся критическим взором по основным аргументам коллег. По всем «трем китам».

Но прежде – небольшая историческая зарисовочка.

Все познается в сравнении. Если хоть на мгновение заглянуть в русский XVII век, тезис Соловья и Сергеева о том, что культурные барьеры между крестьянами и дворянами сознательно возводились господствующим классом как высшая санкция эксплуатации, не выдержит никакой критики, разлетится в прах. Критерии прекрасного в этом веке еще были едины у верхов и низов русского общества, разве что качество артефактов было у художников, допустим, Оружейной палаты повыше, чем у деревенских богомазов.

Но дело не столько в общих критериях в искусстве, сколько в том, что эта культурная общность отнюдь не препятствовала доминации верхов и эксплуатации низов. Сохранилось, к примеру, сыскное дело 1669 года «про князь Микифора да про сына ево про князь Ивана Белосельских». Сыщик, стольник Михаил Еропкин, установил, что эти два князя четыре года безвинно держали в своем поместье в сельце Якушеве солдата Ивана Перелета «скована на двух чепях, в железях, руки скованы же назад, и давали есть по двенадцать сухарей в сутки да ведро в месяц воды и пытали и огнем жгли четырежи и иных людей своих и крестьян мучили и до смерти поморили. И за то их мучительство велено их посадить в тюрьму и учинить им то же, что они чинили над солдатом, а давать им в сутки по сорок сухарей»⁹⁵. Можно поручиться, что в культурном отношении никаких отличий у князей Белосельских и мучимых ими людей не было и в помине. То была эпоха, когда самый простой человек мог в годы

⁹³ Соловей цитирует высказывание лингвиста Н. С. Трубецкого, внесшего немало путаницы в этнологию.

⁹⁴ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 128—129.

⁹⁵ Пересветов Р. Т. По следам находок и утрат. – М., Советская Россия, 1961. – С. 124.

Смуты выдать себя за царского сына и все этому верили именно потому, что радикальное социокультурное расслоение общества еще не произошло. Между тем, так называемая «Черная книга» («Книга переписная Приказу тайных дел всяким делам, черная», то есть черновая сводная опись дел, составленная подьячими этого приказа) рисует и другие выразительные картины жуткого произвола и самоуправства помещиков. И хотя это считалось противозаконным и при случае преследовалось правительством, но резонансными такие дела, в отличие от дела той же Салтычихи, в те времена отнюдь не были, ибо не считались чем-то из ряда вон выходящим.

Как видим, полное отсутствие культурных барьеров между классами несколько не сдерживало самых крайних форм отношений господства-подчинения в допетровской Руси. Думать иначе, искать в культурных барьерах некий катализатор и/или санкцию эксплуатации – довольно наивно. Скорее наоборот, европейское просвещение дворянства влекло за собой смягчение нравов, формировало общественное порицание классовой бесчеловечности, порождало сомнения в правомерности угнетения человека человеком, создавало, образно говоря, радищевых и фонвизиных, новиковых и декабристов, герценов и огаревых, а вовсе не белосельских и салтычих. Именно по громкому делу Салтычихи это видно довольно хорошо.

Вот что можно сказать в отношении самой идеи наших авторов как таковой.

Теперь, поставив здесь большую смысловую точку, можно развлечься приятными историческими деталями и поговорить о пресловутых культурных барьерах. Так ли были они высоки и непроходимы, так ли разрушали единство нации и подрывали нациестроительство, как это представляют себе и нам Соловей и Сергеев?

О «тотальной франкофонии» дворян

Соловей и Сергеев убедили себя, что у русских дворян были в массе очень серьезные проблемы с родным русским языком. Оба так упирают на это предположение, что только диву даешься: как русские дворяне вообще жили среди русского народа, будто «немцы» какие (в изначальном смысле – немотствующие, т.е. неспособные понимать и говорить по-русски).

Соловей даже приводит Россию в невыгодное для нее сравнение с Англией, подразумевая и другие развитые страны: «В тех европейских государствах, где аристократия также включала значительные иноэтничные группы, культурная (не социальная) дистанция между нобилитетом и простым народом уменьшалась (в Англии уже в XIV в. французский язык был в значительной мере вытеснен английским). В России же она драматически увеличивалась, и это различие культивировалось»⁹⁶.

На это, конечно, можно было бы возразить, что как раз в Англии XIX века собственно английский язык претерпел резкое социальное расслоение на т.н. социолекты: на язык аристократов и денди и язык лондонских кокни (низших слоев населения). Эти категории английской нации буквально не понимали друг друга в продолжение всего столетия⁹⁷. (При этом одновременно бурно нарастали культурные различия сословий и по другим векторам и критериям.) В России же никаких социолектов не было никогда, русский язык был для всех одним, что для крестьянина, что для дворянина, который впитывал его непосредственно на улицах и не только от родных, но и от собственных дворовых.

Но суть не в этом. Если иметь в виду непосредственно язык иноэтничного нобилитета, то на Британских островах эта прививка была к тому времени уже слабой и очень давней. Франкофония, существуя когда-то лишь в верхнем правящем слое, постепенно уступала культурному давлению нижних слоев, за многие столетия произошла нивелировка. Хотя мощный и уродливый след галлицизма до сих пор остается в английской письменности, да и на работу в Вестминстерский дворец, для обслуживания королевской фамилии, до сих пор не принимают без знания французского языка. Русские не прошли и малой части этого срока, если считать от французской революции, наводнившей Россию иммигрантами, как Вильгельм Англию нормандцами. Понятно, что и позднее французская прививка еще жила в русском обществе, хотя уже через сто лет по-французски разговаривали разве что в высшем свете, а в русской письменности от нее практически не осталось и следа (опыт Толстого в «Войне и мире» уже никому не приходило в голову повторить).

Но можно ли сказать, что культурная дистанция в нашей стране увеличивалась? Ни в коем случае. Весь «Золотой» и «Серебряный» век нашей культуры – это тотальное господство и триумф русского языка! Покажите-ка мне успешного франкоязычного или англоязычного писателя среди русских! Какие произведения русских авторов, написанные не по-русски, пользовались успехом?! Или хотя бы могли им пользоваться⁹⁸? Категорически, это было совершенно невозможно! Все русские авторы соревновались друг с другом именно в русском языке, стремясь перещеголять один другого тончайшим его знанием, виртуознейшим использованием!

Этим интересом, этим стремлением, этой жаждой, кстати, были вызваны к жизни и басни Крылова, и «Словарь живого великорусского языка» Владимира Даля, работу над которым он начал еще в 1819 г., а первое издание начало выходить в 1861. Но словарь Даля предшество-

⁹⁶ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение... – С. 127.

⁹⁷ Да и раньше тоже. Именно английскому лорду Честерфильду (XVIII в.) принадлежит замечательная мысль о том, что несмотря на анатомическое подобие, джентльмен отличается от своего кучера не меньше, чем сам кучер от своей лошади.

⁹⁸ Кроме «Философического письма» Чаадаева ничего даже в голову не приходит, и то было опубликовано «Телеграфом» Надеждина в переводе на русский язык.

вало создание шеститомного академического словаря русского языка (1789—1794) и учебника русской грамматики (1802), а еще раньше, в 1757 году, вышла из печати «Русская грамматика» Михаила Ломоносова. Ради совершенного познания родной речи сам Пушкин, по его признанию, ходил «учиться языку» к московским просвирням (своеобразное ремесленное сословие изготовителей церковных просфор). Рассказывая своим читателям-дворянам о том, что «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», он удовлетворял их массовому запросу на сугубую русскость, их стремлению быть русскими вполне⁹⁹. Той же задаче служило и создание Карамзиным на русском языке «Истории Государства Российского» (первое издание 1816 г.). И т.д., и т.п.

Соловей явно преувеличил, причем настолько хватил через край, что извратил всю картину в угоду оригинальной концепции «нового прочтения». Это преувеличение счел нужным подхватить и даже еще усугубить Сергей Сергеев. Он, в частности, пишет:

«О культурной отгороженности дворянства от „народа“, как об опасном для национального бытия расколе, нуждающемся в срочном преодолении, много писалось с начала XIX века, но в XVIII столетии в этом не видели трагедии. „Юности честное зерцало“, напротив, поучало, что „младые шляхетские отроки должны всегда между собой говорить иностранными языками, дабы можно было их от других незнающих болванов распознать, дабы можно было им говорить так, чтобы слуги их не понимали“. „Шляхетские отроки“ это наставление подхватили с таким энтузиазмом, что даже накануне войны 1812 года „высшее общество... говорило по-русски более самоучкою и знало его понаслышке“ (Н. Ф. Дубровин), за исключением наиболее экспрессивной части „великого и могучего“, которая использовалась для общения с *подлым народом*. А. М. Тургенев, по его словам, „знал толпу князей Трубецких, Долгоруких, Голицыных, Оболенских, Несвицких, Щербатовых, Хованских, Волконских, Мещерских, – да всех не упомнишь и не сочтешь, – которые не могли написать на русском языке двух строчек, но все умели красноречиво говорить по-русски“ непечатные слова»¹⁰⁰.

«Толпа князей» – это, конечно, сильно сказано. Но в целом разговорчики о том, что-де русское дворянство не знало русского языка, а все сплошь говорило по-иностранному – это один из расхожих мифов, а по-русски сказать, обычное вранье.

Стремление знать языки, встать на один уровень с образованной Европой было очень велико у русских людей после Петра. Но разве только у дворян? Языки, не только древние, изучались детьми священников в семинариях, а в Московской духовной академии в обязательном порядке – аж четыре основных европейских! Что же до Переводческой семинарии (открыта в 1779), так там обучались почти исключительно разночинцы, как и в Харьковском коллегииуме, как и в Академии наук (СПб), где было главное «гнездо» русских переводчиков.

Автору этих строк принадлежит статья «Формирование русской интеллигенции в XVIII веке», с которой Сергеев, как видно, не знаком. Из нее можно узнать, в том числе, что к концу XVIII века общее количество дворян, получивших среднее и высшее образование, в том числе в пансионах и за границей, исчислялось цифрой не более 15 тысяч. Всего! Это довольно тонкая пленочка на дворянском сословии в целом, примерно 10—12%. Проблема была настолько остра, что одним из первых своих указов Александр I распорядился неграмотных дворян брать только рядовыми в гвардию и армию, а в офицеры не ставить¹⁰¹. Известный конфликт дворянской интеллигенции с собственным сословием во многом обусловлен данной статистикой.

⁹⁹ Современник Пушкина писатель-романтик Александр Марлинский недаром высмеивал произведения, в которых «есть и Русский квас, и Русский хмель... есть и лубочные картинки нашего быта, раскрашенные матушкой-грязью; есть все в них кроме Русского духа, все кроме Русского народа». Для романтизма вообще характерно обращение к национальным корням, и русский романтизм не исключение.

¹⁰⁰ Сергей Сергеев. Дворянство как идеолог и могильщик русского нациостроительства. – Вопросы национализма, №1, 2010.

¹⁰¹ Как за сто лет до того царь запрещал жениться дворянским недорослям, не знающим грамоты.

Не- и малограмотные дворяне, коих было подавляющее большинство, конечно же, изъяснялись народным русским языком, вовсе не только непечатным, само собой разумеется. Кстати, как совершенно Пушкин владел простым русским матом! В том числе в стихах, да и в письмах, которые во множестве писал своим друзьям. Но и стихи, и письма притом были писаны по-русски, хотя французским поэт также владел в совершенстве.

По-русски изъяснялись и высокообразованные дворяне в своем большинстве. Замечу, что производство основной массы дворянской интеллигенции шло посредством государственных вузов – кадетских корпусов: Сухопутного, Морского, Артиллерийского и инженерного, Пажеского корпуса, Института благородных девиц. Языки там изучались, но основное преподавание шло на русском. То же и в частных и государственных пансионах. Вспомните лучший из них – Царскосельский лицей: там даже уроки русского стихосложения были! Как и в Московском университетском благородном пансионе. Многие провинциальные дворяне не гнушались получать начатки знаний в четырехклассных Главных народных училищах, как, например, известный поэт-гвардеец С. Марин. И т. д.

Знание иностранных языков, которым блистало высокообразованное дворянство (относительно немногочисленное, напомним), однако, вовсе не вело к забвению русского, как можно бы понять из текста Сергеева. Достаточно сказать, что к концу XVIII века основной корпус русских литераторов состоял именно из дворян¹⁰². И это не десяток-другой всем известных писателей, а около 700 человек – 65,7% всего количества пишущей братии. Собственно, они-то и создали русскую литературу как феномен, унаследованный XIX веком; корни Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого – здесь. Мне смешно, когда я слышу очередной миф о Пушкине как о создателе, якобы, современного русского языка. Русский язык создавали именно эти сотни русских дворянских авторов, которые писали для своего круга и на творчестве которых выросли сверстники Пушкина, он сам и новые сотни дворянских же авторов его времени. Мы прочно забыли их, но они были, эти сотни¹⁰³, и их-то рабочие кабинеты и стали подлинной лабораторией русской литературы. Но создавать русский язык, не зная его, они бы никак не могли.

Именно к многочисленной пишущей братии¹⁰⁴, в том числе дворянской, был обращен призыв Карамзина писать так, как мы говорим. Это было сказано русским дворянином, для русских и по-русски.

Но не только дворянское сословие чувствовало необходимость откорректировать ситуацию в языке. Как верно заметила О. И. Елисеева: «Правительство Екатерины II понимало создавшуюся угрозу потери лингвистической идентичности. Об этом свидетельствует инициатива императрицы по созданию Академии русского языка для печатания „Словаря“, который помог бы ввести в речевой оборот максимально большее число русских слов и научить правильно пользоваться ими»¹⁰⁵. Любовное отношение к родной речи культивировалось на самом верху, в том числе благодаря литературным и научным трудам самой императрицы.

Следует помнить, что в Российской империи все делопроизводство, внутренняя официальная переписка, государственные акты и законодательство велись исключительно на русском языке. Отдельные документы, предназначенные для внутреннего и внешнего употребления, как, например, знаменитый екатерининский Наказ Уложенной комиссии, публиковались

¹⁰² Севастьянов А. Н. Сословное разделение русского общества XVIII века и литературно-общественный процесс (1762—1800). – Вестник МГУ. Сер. 8. История. №2, 1984.

¹⁰³ Пользуясь случаем, смею рекомендовать читателям трехтомный «Словарь русских писателей XVIII века» (выпущен Институтом русской литературы), в подготовке которого посильное участие принял и автор этих строк.

¹⁰⁴ Всего в XVIII веке хотя бы однажды опубликовалось на русском языке свыше 1200 литераторов.

¹⁰⁵ Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. – М., Молодая гвардия, 2008. – С. 531. Мнение Сергеева о том, что русские в XVIII веке «не видели трагедии» в засилии иностранщины в языке, следует откорректировать: видели, но не трагедию, а вызов и угрозу.

на русском и других языках, но это довольно редкий случай. Все это говорит о том, что как минимум все чиновничество и офицерство должно было знать русский. К тому надо добавить, что испокон веку даже жалобы и просьбы все сословия подавали только на русском языке.

Напомню также, что создание шеститомного «Словаря русского языка» (1789—1794) проходило вообще под водительством русских дворян во главе с графиней Е. Р. Воронцовой (княгиней Дашковой). Заказу правительства соответствовало также создание учебников русской грамматики (1757, 1802), один из которых был изготовлен Ломоносовым.

Сохранилось характерное свидетельство о друге и покровителе Ломоносова, последнем фаворите императрицы Елизаветы Петровны, И. И. Шувалове: «В разговорах и рассказах он имел речь светлую, быструю, без всяких приголосков. Русский язык его, с красивою отделкою в тонкостях и тонах. Французский он употреблял, где его вводили, и когда по предмету хотел что-то сильное выразить»¹⁰⁶.

Удивительно ли, что сам Михаил Васильевич писал в своем труде: «Карл V, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским – с друзьями, немецким – с приятелями, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Эти слова знала наизусть вся образованная Россия. И кем как не высокого круга дворянами было организовано общество «Беседа любителей русского слова», возглавлявшееся адмиралом А. С. Шишковым! Правительственные усилия по русификации образованных кругов опирались на дворянскую поддержку.

Но и позже, в эпоху Отечественной войны 1812 года, и далее весьма долгое время (едва ли не до самой революции) дворянство оставалось бесспорным лидером в духовном производстве, в литературе, в частности. Оно не могло бы играть такую роль, не лидируя и во владении русским языком. Не так ли?

Пример дворянского сына Ивана Крылова – живого носителя отборнейшего, лучшего народного языка – высоко взнесенного именно в дворянской литературной среде, поставленного современниками в один ряд с Пушкиным и Грибоедовым, убеждает в этом вполне наглядно. За что же рафинированное общество Петербурга чтит и лелеяло своего любимца Ивана Андреича? А вот именно за то, что благодаря ему все великолепие «живого великорусского языка» (Владимир Даль, который, кстати, был дворянского звания), с самого раннего детства входило в обиход дворянских девочек и мальчиков, учившихся читать по крыловским басням, как в прежние века – по Псалтири. Однако Крылов как литератор сложился-то еще в XVIII веке, и первыми его воспитанниками, для которых он и начал баснотворствовать, были княжеские дети! Факт знаменательный.

А где, у кого брал язык Крылов? У тех же просвирен, в Гостином дворе, на Сенном рынке, в родной Твери? Не только.

Обратим внимание на такую деталь быта, как ямщик, к услугам которого часто прибегали все без исключения представители правящего класса. Мало кто из русских писателей и поэтов обошел вниманием этот феномен: «разливается песнь ямщика», это поистине всепроникающий образ; начнешь цитировать – не остановишься. Ямщик с его птицей-тройкой и особенным пением («что-то слышится родное в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска») был близок и дорог любой русской душе, и душе русского дворянина не менее того. Но ведь не по-французски же он пел!

¹⁰⁶ Тимковский И. Ф. Мое определение в службу // Русский Архив, 1874, №6, с. 1458.

Вообще, уже было верно отмечено: «В довершение ко всему простонародье постоянно пело. На этот феномен особо обращают внимание многие путешественники. Крестьяне и мастеровые привыкли сопровождать пением работу, в основе этой традиции лежали языческие заговоры, с которыми славяне отправлялись в лес за грибами, на охоту или на рыбную ловлю, ткали холсты или рубили избы, пахали поле, сеяли и собирали урожай. Давно утратив первоначальный смысл, обрядовые слова сохранялись в народной традиции как привычные речитативы и приговоры, произносившиеся нараспев. „Вечером на гумне пели жены лакеев и конюхов, – писала домой Марта [Вильмот]. – Это был настоящий концерт: женщины поочередно вступали в хор – по четыре, пять и шесть человек, их пение на разные голоса было превосходным... Иногда во время обеда слуги услаждают наш слух музыкой. Поют все, а большинство играют на каком-нибудь музыкальном инструменте. Горничные, конечно, поют тоже, танцы их необычайно своеобразны – разные па сопровождаются короткими песенками, задорными или сентиментальными, и всегда исполнение отличается врожденным изяществом, что, как мне кажется, вообще свойственно русским“» (Елисеева, 511).

Русские мамки, няньки и дядьки из дворовых были у всех повсеместно за исключением, может быть, самых рафинированных аристократов. Не у всех были такие воспитатели, как Крылов, или такие нянюшки, как Арина Родионовна. Но уж ямщики были знакомы каждому, и вообще русская языковая среда, насквозь пропитанная фольклором, окружала дворянских детей с рождения, и в деревне, как Петрушу Гринева, и в городе, как его литературного родителя (Пушкин: «Теперь мила мне балалайка И пьяный топот трепака Перед порогом кабака»; ср. Лермонтов: «И в праздник вечером росистым Смотреть до полночи готов На пляску с топаньем и свистом Под говор пьяных мужичков»).

Впрочем, конечно же, русская нянька – фактор, который нельзя недооценивать. «Няньки, приставленные к детям, порой оказывали на них большее влияние, чем родители, особенно в раннем возрасте, когда ребенок всецело находился на руках кормилицы. От них барчата перенимали не только простонародную манеру поведения, которая впоследствии изглаживалась. Куда хуже было то, что вместе с фольклорным пластом культуры усваивались страхи и суеверия, избавиться от которых не удавалось всю жизнь» (Елисеева, 344). Как пишет Ю. М. Лотман в «Комментариях» в пушкинском роману в стихах, «Филиппьевна (няня Татьяны) и Арина Родионовна не были исключениями. Ср., например: „Авдотья Назаровна была крепостная девушка моей бабушки Есиповой, товарищ детства моей матери, которой она была дана в приданое. <...> Нянька моя была женщина очень неглупая, но, прежде всего, добрая и любящая, честная и совершенно бескорыстная. Она ходила за мной шесть лет, а потом нянчила еще брата и четырех сестер“¹⁰⁷. Понятно, что дворянчики, выросшие в таких руках, не могли не знать, не чувствовать живой русский язык во всех нюансах.

А вот еще интересный пример. В начале XIX века в Россию по приглашению известного меломана, богатого помещика и генерал-майора Г. И. Бибикова из Франции прибыл балетмейстер Йогель, именуемый у нас Петром Андреевичем (1768—1855). Устроив своему пригласителю балет в усадьбе, он затем купил дом в Москве и открыл школу танцев для дворянских детей. (Кстати, именно на бале у Йогеля Пушкин впервые встретил и полюбил Наталью Гончарову.) Вот что пишет о нем в своих воспоминаниях балетмейстер императорских театров Адам Глушковский: «К достойным особенного внимания старинным учителям бальных танцев в Москве принадлежит Йогель, который в своей молодости получил отличное воспитание: он изучил русский, французский языки и музыку как нельзя лучше, о бальных танцах нечего и говорить; кто в Москве не знает об его таланте? Сквозь его руки прошли три поколения! С искусством Йогель соединяет неоценимые достоинства общежития. Он находчив,

¹⁰⁷ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л., Просвещение, 1980. – С. 217.

остер, всегда весел и любезен»¹⁰⁸. Прошу обратить внимание: эти свои достоинства Йогель проявлял на русском языке, который специально затем и выучил «как нельзя лучше». А для чего? Конечно, для того, чтобы нормально общаться с учениками и их родителями. Но разве мало было для этого знать французский, если засилие оно было так ужасно, как это вообразили для нас Соловей и Сергеев? Видимо, мало, коли танцмейстер, лицо, зависимое от расположения клиентов, дал себе такой нелегкий труд, как изучение русского языка.

Или взять того же поляка Фаддея Булгарина: что бы ему не писать по-французски для образованной-то публики, тем более, что сам был некогда капитаном наполеоновской армии и кавалером Почетного легиона? Нет, пришлось учить русский.

Наконец, не для простого же народа, «гордого внука славян», в основном тогда неграмотного, писал и сам Пушкин, потомок шестисотлетнего дворянского рода! И каким русским языком!

Оставим же в покое «поврежденный класс полувропейцев», сиречь высший свет. По этому верхушечному явлению о русском дворянстве судить никак нельзя. (Кстати, историк Сергеева, историк Н. Ф. Дубровин, работавший во 2-й пол. XIX века, сам свидетельствовать о высшем свете никак не мог за своей туда невступностью, а просто повторил чье-то расхожее мнение.) Что же касается дворянских масс, то их «языковая испорченность» была, конечно, минимальной и выражалась в самом худшем случае в «смеси французского с нижегородским» (Грибоедов). Как это выглядело? «Пуркуа ву туше? Я не могу дормир в потемках», – лепечет такой дворянчик, с испугу путаясь в словах (Пушкин, «Дубровский»). В нормальных условиях он, конечно же, говорил на отличном народном русском языке. Нижегородский доминировал.

О дворянстве вообще нельзя судить поверхностно, по отрывочным свидетельствам о космополитическом придворном круге эпохи Александра или Николая Первого и позднейших времен. Это не показатель.

Кстати, о Николае Первом: уж его-то никак нельзя обвинять в космополитизме. Император прекрасно владел русским и, между прочим, виртуозно использовал нецензурную брань; он не злоупотреблял иностранными языками и требовал того же от подданных. Ведь недаром считалось: «Говорить должно на том языке, на котором заговорят высочайшие особы»¹⁰⁹. Воспоминания Полины Анненковой, жены декабриста, дают яркий тому пример: когда на допросе у царя член Северного общества Никита Муравьев обратился к нему по-французски, молодой император вспылал: «Когда ваш государь говорит с вами по-русски, вы не должны сметь говорить на другом языке».

Столь принципиальное отношение к родной речи передавалось в обществе сверху вниз: к графу А. И. Остерману-Толстому однажды явился «по службе молодой офицер. Граф спросил его о чем-то по-русски. Тот отвечал на французском языке. Граф вспылал и начал выговаривать ему довольно жестко, как смеет забываться он перед старшим и отвечать ему по-французски, когда начальник обращается к нему с русскою речью. Запуганный юноша смущается, извиняется, но не преклоняет графа на милость»¹¹⁰.

Возражая мне на некоторые критические замечания (нашу полемику опубликовал в 2010 г. сайт АПН), Сергеев написал: «Незнание русского языка „образованным обществом“ – одна из самых обсуждаемых тем в русской публицистике конца 18 – первой половины 19 в. Уж коли вспоминать Грибоедова, то вспомним и это: „Воскреснем ли когда от чужевластья мод? / Чтоб умный, бодрый наш народ / Хотя по языку нас не считал за немцев“. Для меня большая проблема работать с эпистолярными источниками этой эпохи – слишком много фран-

¹⁰⁸ Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. – М.; Краснодар: СПб., 2010. – С. 418.

¹⁰⁹ Жизнь в свете, дома и при дворе. – СПб., 1890. – с. 134

¹¹⁰ Вяземский П. А. ПСС в 12 тт. – СПб., 1883. – Т. 8, с. 301.

цузского, которого я „не понимаю“, иногда целые эпистолярные комплексы написаны на нем. Это говорит о том, что французский воспринимался как язык образованных людей, а русский как „низкий“, простонародный».

Что по данному поводу выразить, помимо сочувствия историку? (Надеюсь, не эти личные трудности настроили его против былой дворянской франкофонии.) Можно, конечно, и Толстого вспомнить, в романах которого огромные фрагменты писаны по-французски. Но ведь это не от незнания Толстым русского языка или нелюбви к нему! Более того: у нас были писатели и поэты с той или иной долей нерусской крови (Дельвиг, Кюхельбекер и др.). Но русский язык, на котором они писали, был создан не ими. Его создал русский народ. Вот потому-то, в силу причастности своей к этому творению русского народа, и писатели эти называются русскими, и вся наша литература – русской.

Если бы русские образованные люди писали только по-французски, аргумент Сергеева можно было бы принять. Но и Пушкин, и Вяземский, Катенин, Языков, Баратынский и множество людей их круга постоянно вели переписку по-русски, пользуясь другими языками при необходимости. Это было щегольство своего рода, гимнастика для ума, вполне понятные и объяснимые: знание 4—5 языков у столичной и московской дворянской молодежи обоего пола уже во времена Екатерины Второй не было редкостью, в отличие от нашего времени¹¹¹. Об этом приходится напоминать.

Возьмем в соображение и такой аргумент в отношении русской дворянской франкофонии. В ходе обретения суверенитета Чехией, Венгрией, Финляндией, Украиной и т. д. национальные элиты играли в этом первостепенную роль, были подлинным локомотивом процесса. Обеспечивали его политически, юридически и культурно. Национальный суверенитет был высокой целью их жизни и деятельности. Однако при этом всем им приходилось переучиваться и переходить с латыни и немецкого – на венгерский и чешский, со шведского – на финский, с русского – на украинский и т. д., потому что в составе империй они были вынуждены говорить на официальном имперском языке. Можем ли мы за это бросить названным национальным элитам упрек в былой денационализации, в отрыве от своих наций, предательстве или забвении национальных интересов? Конечно, нет. Нелепо и предположить такое.

А вот русские были суверенны и не входили в состав каких-либо мировых империй, кроме своей собственной (и уж во всяком случае – во Французскую, и революцией униженную, и нами битую). Никто и никогда не ставил перед ними задачу языковой эмансипации как часть более важной задачи – эмансипации политической. Мы не зависели в своем суверенитете от каких-либо европейских наций, ни одна из них не имела власти принудить нас говорить на ее языке. Изучение языков для нас, русских, было не вынужденным, а добровольным и диктовалось не политической, а исключительно культурной необходимостью.

Это позволяет высоко оценить избрание русскими дворянами именно французского языка в качестве путеводителя по мировой культуре своего времени. Это был верный выбор, чтобы не остаться на обочине культурного мира. Ибо Франция – это бесспорно – со времен Людовика XIV по заслугам была признанным культурным лидером всей европеоидной ойкумены, и петровская традиция культурной солидарности с белым миром требовала от русских – хотя бы в лице передового класса дворян – быть на этой высоте.

¹¹¹ Ср.: «В Петербурге можно встретить девушек, с равной легкостью изъясняющихся по-французски, по-немецки, по-английски и по-русски, и я мог бы назвать и таких, которые пишут на этих четырех языках слогом редкой верности и изящества» (Ансело Ф. Шесть месяцев в России. – М., 2001. – С. 48—49). Бывали, впрочем, обратные примеры вовсе ретроградного «патриотизма», граничащего с дикостью: «Прадед не допускал и мысли о воспитании детей, – писала Сабанеева об А. И. Прончищеве. – В те времена чада должны были удерживаться в черном теле в доме родителей, и он за порок считал, чтоб русские дворянки, его дочери, учились иностранным языкам. „Мои дочери не пойдут в гувернантки, – говорил Алексей Ионович. – Они не бесприданницы; придет время, повезу их в Москву, найдутся женихи для них“» (Елисеева О. И., 349).

Таково еще одно проявление сознательно взятой дворянами на себя роли культурного локомотива всей страны, за что им бы спасибо сказать не мешало. Возможно, лучше было бы учить французский язык всем народом, но будем реалистами...

При этом сам тот факт, что увлечение германизмами (с Петра) и галлицизмами (с Елизаветы) постоянно служило излюбленной мишенью всех русских дворянских (!) сатириков, больших и малых, говорит как раз-таки о том, что русский язык в дворянской среде был отлично себе жив-здоров и мощно сопротивлялся отдельным попыткам его замусорить.

Но оставим в стороне борьбу русских дворян с русской дворянской галломанией. Попробуем, коль скоро мы ведем разговор начистоту, взглянуть на корень самой проблемы.

Да, мы часто встречаем сетования представителей даже высшего света или высоких литературных кругов на пренебрежение русским языком и увлечение всем иностранным, особенно французским. Отмечали эту особенность и иностранцы в России, кто с восхищением (французка художница Виже-Лебрён), кто с досадой (ирландки сестры Вильмот, приживалки Дашковой). Дыма без огня не бывает, проблема такая, конечно, была.

Однако верно пишет по данному поводу О. И. Елисеева: «Россия приступила к модернизации, оставив за спиной особый цивилизационный путь Московского царства, использование культурных кодов которого в новых условиях не давало нужного эффекта. Сокровища старой традиции более чем на век оказались запечатанными и невостребованными... Большинству дворян подчас было трудно выразить чувства и мысли, так гладко звучащие на языке Мольера, языком протопопа Аввакума. Да и сами эти размышления были совсем иного свойства, чем принятые в старой словесности»¹¹².

Верно же указывает и Е. В. Лаврентьева:

«Русское дворянство было не удовлетворено состоянием русского разговорного языка, которому не хватало выразительных средств, чтобы придать разговору легкость и «приятность». Неудовлетворенность эта и явилась одной из причин засилья как в письменном, так и в устном обиходе французского языка. Чем же объяснялась притягательная сила французского языка?»

Ответ на этот вопрос находим в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского: «Толковали о несчастной привычке русского общества говорить по-французски. «Что же тут удивительного? – заметил кто-то. – Какому же артисту не будет приятнее играть на усовершенствованном инструменте, хотя и заграничного привоза, чем на своем домашнем, старого рукоделья?». Французский язык обработан веками для устного и письменного употребления... Недаром французы слынут говорунами: им и дар слова, и книги в руки. Французы преимущественно народ разговорчивый. Язык их преимущественно язык разговорный...»¹¹³.

Хорошо по данному поводу высказалась одна польская графиня в адрес самого Вяземского: «Легкая шутливость, искрящееся остроумие, быстрая смена противоположных предметов в разговоре, – одним словом, французский *esprit* так же свойственен знатным русским, как и французский язык».

Итак, спросим себя по совести: был ли русский язык XVII века, язык даже петровской, аннинской эпохи, язык народный в своей основе, столь же изощрен и готов к выражению всего этого? Едва ли, во всяком случае – еще не вполне. Он сильно утончился при Екатерине, но окончательно обтесался и заострился уже в XIX веке.

Можно допустить поэтому, что на короткое время сосуществование двух языков в одном русском народе сыграло роль социолектов. Но это явление оказалось временным и далеко не всеобщим, и уже к середине XIX века мода на иностранный прошла, а мода на хороший

¹¹² Елисеева О. И. Там же. Рекомендую по теме книгу Ю. Тынянова «Архаисты и новаторы». А пока напомним слова Пушкина из «Евгения Онегина», оправдывающие употребление иностранных слов: «Но панталоны, фрак, жилет – Всех этих слов на русском нет!»; «...Она казалась верный снимок *Du comme il faut* (Шишков, прости – Не знаю, как перевести)».

¹¹³ Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. – М., Молодая гвардия, 2007. – С. 214.

русский – пришла, благодаря великой русской литературе. Созданной, что уже подчеркивалось выше, никем иным, как русскими дворянами.

Кстати, смешение «французского с нижегородским» говорит не только о засилии французского, но и о реванше нижегородского. То есть, русский язык уже к 1830-м годам вполне оправился в дворянской среде и начал контрастование. О чем свидетельствует, к примеру, памятник эпохи:

«Не подражай также сей общей ныне моде, чтобы в одном разговоре мешать два языка. Когда уже, по несчастью, французский вошел у нас в такое употребление, что во многих обществах лучше понимают его, нежели свой отечественный, то говори по-французски только с теми особами, которые удивляются, когда русская говорит по-русски, а там, где ты смело можешь говорить на природном твоём языке, не вмешивай иностранных слов: таким образом все будут понимать тебя, и ты не сделаешься рабою сего смешного обычая»¹¹⁴.

А потому, напомню паки и паки: «что касается русской разговорной речи дворянства, она в целом сохраняла в начале XIX века свою близость к «простонародной» стихии. Приведем свидетельство И. Аксакова, относящееся к началу прошлого столетия: «Одновременно с чистейшим французским жаргоном... из одних и тех же уст можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую речь...»¹¹⁵.

Отметим немаловажную деталь: петербургский высший свет имел свою специфику, не распространявшуюся на прочее дворянство. Елисеева приводит яркий пример, не позволяющий абсолютизировать проблему так, как это делают Соловей и Сергеев. Когда Е. Р. Воронцова-Дашкова, аристократка, выросшая в Петербурге, приехала в Москву, она поначалу не могла общаться с родными мужа: «Я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка. Ее родня... относилась ко мне очень снисходительно; ...но я все-таки чувствовала, что они желали бы видеть во мне москвичку и считали меня почти чужестранкой. Я решила заняться русским языком и вскоре сделала большие успехи, вызвавшие единодушное одобрение»¹¹⁶. Эти успехи привели ее в кресло президента Российской Академии.

Из мемуара Дашковой видно, что ситуация в Петербурге, с одной стороны, и в Москве – с другой (а уж что говорить о прочих российских городах) сильно отличались друг от друга. Елисеева видит причину этого в том, что императрица Елизавета Петровна «любила французский, из-за чего вся знать изъяснялась на галльский манер и даже не заботилась обучить детей родной речи». Но так или иначе, данный пример предостерегает нас от излишнего увлечения темой дворянской галломании. Петербург никогда не был вполне русским городом, и брать его за образец, судить по нему о России в целом по меньшей мере неосторожно.

Подчеркну, что дворянство несло свою службу, военную и административную, повсеместно, а не только в столице среди лиц своего круга. И несло ее как до, так и после Манифеста о вольности дворянской. На каком языке, хотелось бы спросить Соловья и Сергеева, офицеры общались с солдатами, администраторы с чиновниками, городскими и с народом? Уж не по-французски, это точно.

Но есть у проблемы культурного разрыва и другая сторона. Она состоит в том, что народная культура неуклонно повышалась. Образовательные реформы с 1860-х заметно уменьшали культурный разрыв: к 1914 году в технических вузах 56% учащихся составляли бывшие крестьяне, а школьная система охватила примерно треть населения.

Сергеев задает мне вопрос, который считает риторическим: уж не полагаю ли я, «что неграмотные мужики считали Пушкина и Толстого своей национальной культурой»?

¹¹⁴ Память доброй матери, или Последние ее советы дочери своей. Сочинение Г-жи Таньской. – СПб., 1827. – С. 43–44.

¹¹⁵ Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. – М., Молодая гвардия, 2007. – С. 214.

¹¹⁶ Елисеева ссылается на: Дашкова Е. Р. Записки. 1743—1810. – Л., 1985. – С. 10.

Этот вопрос не так прост, как кажется. Это сегодня, в наши дни Толстого и Пушкина не читают как раз вполне грамотные мужики и бабы. А вот до революции, как ни ограничено было число грамотных людей (однако, если треть населения, то значит и мужики), именно Толстого-то и Пушкина они читали, на них воспитывались, считали своей национальной культурой. Хорошо известно, например, о гигантских тиражах просветительского издательства «Посредник» (1884—1935), основанного Львом Толстым и пропагандировавшего, в первую очередь, идеи Толстого. В 1897—1925 издательством руководил И. И. Горбунов-Посадов, издававший во множестве доступную по цене для простого народа художественную и нраво-учительную литературу, особенно детскую, книги по сельскому хозяйству, домоводству, журналы «Маяк», «Свободное воспитание» и др. И таких издательств для народа было немало (взять того же И. Д. Сытина, А. С. Суворина или издательскую деятельность Союза русского народа и подобных организаций), выпускавших разного рода «книжки-копейки». Все они были исполнены истинно русского духа, возвращали его. Сказки Пушкина и Толстого, басни Крылова, стихи Некрасова, выходявшие массовыми тиражами, много тому способствовали. Может быть, до совсем уж глухих углов, до совсем уж безграмотных людей эти издания и не доходили, но то, что они были массовыми и расходились глубоко в толще народной – это факт.

Культурный разрыв между российскими классами со второй половины XIX века вовсе не увеличивался, как уверяют нас Соловей и Сергеев, а наоборот, сокращался. Дворянство, даже успевшее европеизироваться, стремительно и массово обрусевало, чему отчасти способствовало его обнищание и растворение в других сословиях после 1861 года. А народные массы начинали широко приобщаться к культуре, выработанной высшими классами.

Нельзя не заметить в данной связи, что в наши-то дни, увы, самая бешеная англома-ния, никем и ничем не сдерживаемая, действительно очень опасная, губительная для русского языка, исходит как раз от простонародья, которому «впаривают» легче всего те товары, на кото-рых есть фирменные «лейблы», которое предпочитает магазины, конторы и кабаки с «ино-странными» названиями, которое втыкает себе в безмозглые бошки англоязычные плееры и трясется под завывания даже не англичан, а блеющих на пиджин-инглиш ниггеров! И щего-ляет когда надо и не надо иностранными словечками, англицизмами (впрочем, это обезьянни-чанье весьма, увы, свойственно и некоторым лицам нашего круга, даже ученым; только сло-вечки помудренее). От кого же это, по логике Соловья и Сергеева, это простонародье хочет культурно отгородиться? От самого себя? От своих родителей?

Думаю, следует окончательно признать, что увлечение модой на иностранное не имеет классовой привязки. Оно подчас коренится, независимо от социального происхождения, в при-родном инстинкте подражания и украшения, особенно свойственном обезьянам, детям, неискушенным душам и молодым народам.

Был ли религиозный «разрыв»?

Проблемы, связанные с верой, всегда стоят рядом с языковыми проблемами, когда речь заходит о национальной идентичности. Наш случай не стал исключением. Взявшись доказы-вать «инаковость», «чуждость» русского дворянства своему народу, поборникам этого взгляда приходится брать под сомнение даже религиозное единство двух русских якобы «этноклас-сов», вслед за языковым.

Вот какие аргументы использует, к примеру, Сергей Сергеев.

«Российская империя являла собой очевидный антипод национального государства, ибо ни в социальном, ни в политическом, ни в культурном плане она не была гомогенной, напро-тив, демонстрировала потрясающую расколотость во всех этих сферах, которую не могла пре-одолеть официально господствующая религия – Православие. Во-первых, далеко не все рус-ские являлись прихожанами РПЦ; старообрядцев и разного рода сектантов всего, по данным И. И. Каблица, в 1880 году насчитывалось около 13—14 млн (приблизительно четвертая часть

всех русских), а по данным П. Н. Милюкова, к 1917 году – около 25 млн. Во-вторых, сами императоры далеко не всегда показывали образец строгого Православия. Достаточно вспомнить кощунства Петра I, презрение к Церкви Петра III, вольтерьянство Екатерины II, экуменизм Павла I и Александра I. В-третьих, религиозность дворянства была в значительной степени формальной, а то и вовсе никакой; интеллигенция же преимущественно исповедовала атеизм. Наконец, неграмотное крестьянство толком не знало Писания, которое и перевели-то на русский язык полностью лишь в 1876 году, годом позже, чем «Капитал» Карла Маркса. Церковнославянский же крестьяне, судя по внушающему доверие свидетельству Ю. Ф. Самарина в письме И. С. Аксакову от 23 октября 1872 года, практически не понимали: «...по мере того, как я подвигался в толковании литургии крестьянам, меня более и более поражает полное отсутствие всякой сознательности в их отношении к церкви. Духовенство у нас священнодействует и совершает таинства, но оно не поучает... Писание для безграмотного люда не существует; остается богослужение. Но оказывается, что крестьяне... не понимают в нем ни пол-слова; мало того, они так глубоко убеждены, что богослужебный язык им не по силам, что даже не стараются понять его. Из тридцати человек, очень усердных к церкви и вовсе не глупых крестьян, ни один не знал, что значит паки, чаю, вечера, вопиет и т. д. Выходит, что все, что в церкви читается и поется, действует на них, как колокольный звон; но как слово церкви не доходит до них ни с какой стороны, а стоит в душе каждого, как в Афинах неизвестно когда и кем поставленный алтарь неведомому богу... Нечего себя обманывать: для простых людей наш славянский – почти то же, что латинский...»¹¹⁷.

Все замечательно, все так: на первый взгляд – убедительно.

Но, во-первых, никто и никогда еще не доказал, что существование нации обязательно требует ее социальной, культурной и политической гомогенности (да и примеров-то таких нет в природе). Я это не устаю подчеркивать, а в эпилоге объясню подробно.

Во-вторых, не следует преувеличивать религиозное невежество русского народа. Первый полный перевод Библии на русский язык был сделан еще в самом начале XVI века (т.н. «Геннадиевская Библия» – по имени митрополита Геннадия, инициатора перевода). Конечно, абсолютному большинству населения этот источник был недоступен. Но разве религия постигается только вербальным путем? Главным видом искусства вплоть до XVIII столетия на Руси была икона, в ней сосредотчивалась и эстетическая, и религиозная жизнь народа. А икона была для русских людей путеводителем по религии, это была Библия в картинах, в лицах, которую русский человек встречал везде и всюду – в храмах, в домах и даже на улицах. Это значение сохранилось за ней вплоть до XX века.

А в-третьих, все дело-то в том, что точно так же, как в XIX и XX вв., обстояло дело и в XVII веке, и в более ранних веках. И никаким классовым разграничителем русское религиозное невежество никогда не служило. Вот, к примеру, свидетельство Адама Олеария:

«В то время, когда служитя обедня, народ стоит и делает поклоны перед иконами; при этом неоднократно повторяется «Господи, помилуй». Обыкновенно же они, как уже сказано, не произносят проповедей и не объясняют библейских текстов, но довольствуются простым чтением текста и самое большее – проповедями вышеназванного учителя церкви; указывают они при этом на то, что в начале церкви Св. Дух оказывал свое воздействие без особых толкований, и что поэтому он и теперь может совершать то же. Кроме того, многое толкование вызывает только различные мнения, причиняющие лишь смятение и ереси. Два года тому назад «муромский протопоп», по имени Логин, осмелился проповедовать и начал, вместе с некоторыми подчиненными ему попами в Муроме и других городах, произносить открытые проповеди, поучать народ из слова Бытия, увещавать и грозить ему. Их поэтому прозвали казаньцами [от слова «казанье» – проповедь]; народу к ним стекалось очень много. Когда, однако,

¹¹⁷ Сергеев С. М. Пришествие нации?.. – С. 186—187.

патриарху это стало известно, он постарался принять меры против этого, отрешил проповедников от должностей, проклял их с особыми церемониями и сослал на жительство в Сибирь.

Пока у них нет проповедей и бесед по религиозным вопросам (ведь, говоря словами Поссевина, проповедь – «почти единственный путь, которым божественная мудрость пользовалась для распространения света евангельского»), я того мнения, что русские вряд ли приведены будут на правый путь и к правому образу жизни, так как никто не показывает блуждающим истинного пути и не усовещивает их при многих распространенных у них грубых грехах, да и никто их и не укоряет, кроме разве палача, налагающего им на спину светское наказание за содеянные уже преступления»¹¹⁸.

Так было при первом Романове. Создание узкого придворного кружка «ревнителей древнего благочестия», куда входили и Никон, и Аввакум, – это как раз была реакция немногих книжечеев, самодеятельных богословов на тотальную всенародную прострацию в области веры, в коей были уравниены все сословия. Только деятельность этих штучных умников привела в конечном счете не к благу, как им мечталось, а к страшному злу – Расколу, так что лучше бы их не было вовсе.

А вот что писал уже в начале XVIII века наш русский автор Иван Посошков в сочинении «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается», перед тем как угодить за свои писания в Петропавловскую крепость пожизненно: «Я мню, что и на Москве разве сотый человек знает, что то есть христианская вера, или кто Бог, или что воля Его и как Ему молиться. А в поселянах и тысящного человека не обрящешь».

Сильно ли эти наблюдения отличаются от самаринских?

Однако, наличие единой русской нации, культурно гомогенной, при Алексее Михайловиче, кажется, не вызывает особых сомнений у Сергеева. Что же изменилось? Дворянство стало почитать, наконец-то, евангелие, интересоваться вопросами философии и религии, а народ остался при своем поверхностном и примитивном бытовом понимании христианства? Вместо того, чтобы порадоваться, что хоть какая-то часть русского народа продвинулась к свету, Сергеев, кажется, готов ее за это упрекнуть...

Правда, «свет» порой действительно понимался крестьянами и дворянами по-разному: и вольтерьянство имело у нас продвинутые позиции, и масоны умствовали, и Пушкин, было дело, брал «уроки чистого афеизма» у английского лекаря Воронцовых в Одессе, за что (формально) и был сослан в Михайловское. И в католичество перебежали отдельные редкие особи – Лунин, Чаадаев, Печерин. Дворяне не замечены среди старообрядцев (что не в последнюю очередь связано со стопроцентной лояльностью престолу: дворяне присягали в никонианских церквях, присягу принимали никонианские священники). Однако поставить под сомнение статус России в целом как православной державы и русских как православного народа нет, тем не менее, никакой возможности. И в первую очередь это понимали наши государи, поэтому никогда не «kozyряли» на людях Екатерина – вольтерьянством, Павел и Александр – экуменизмом. И в том же XVIII веке набожность Елизаветы Петровны была вполне выдающегося характера, гранича с показной. А начиная с Николая Первого сугубая религиозность, православный официоз были свойственны всем царям без исключения, вплоть до последнего из Романовых.

Возражая на мои возражения, Сергеев написал в интернете: «Я очень сомневаюсь, что православие и церковь объединяли крестьян и дворян. Православие дворянства – вещь очень неоднозначная».

Какая странная аргументация... Позвольте, а православие крестьян – вещь однозначная? Не подвел ли под этим выразительную черту вначале Раскол с его многими толками, а там

¹¹⁸ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. – В кн.: Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, Русич, 2003. – С. 449–450.

и разнообразное сектантство и, наконец, все тот же Октябрь 1917-го? Сам же Сергеев (цитирую повторно) подмечает: «Далеко не все русские являлись прихожанами РПЦ; старообрядцев и разного рода сектантов всего, по данным И. И. Каблица, в 1880 году насчитывалось около 13—14 млн (приблизительно четвертая часть всех русских), а по данным П. Н. Милюкова, к 1917 году – около 25 млн»¹¹⁹. Куда уж неоднозначнее...

Также у крестьян бывали и разнообразные религиозные девиации – от скопчества и хлыстовства до молоканства, духоборства и т. п. Говорить, что этим создавались этнокультурные, а тем более этносоциальные барьеры, было бы явным преувеличением, неправдой, рениксой.

В вере нет и не может быть эталона. Но все же по преимуществу русские крестьяне были никонианцами: главный барьер, таким образом, проходил внутри толщи народа, отменяя предположения об «этноклассах». И барьер суровый: известно, как староверы относились к никонианским иконам, книгам, как обращались с ними (и встречно: никониане – к старообрядческим святыням).

А вот что до славянского языка, то на Руси с самого начала и в течение долгого времени церковный и разговорный языки были максимально близки, бесспорно препятствуя классовому расслоению: церковная служба была равно понятна всем слоям населения, за исключением греческих терминов, которые были непонятны – но также равно всем. Но уже к XVII веку это стало не совсем так, а потом и совсем не так: церковный и разговорный языки разошлись по своим нишам. Особенно после введения Петром алфавита гражданской печати, резко отделившего церковную книгу от светской. Однако вело ли это к возведению «этноклассовых» барьеров? Никак нет, поскольку на церковно-славянском в совершенно равной мере не говорили и не писали уже ни крестьяне, ни дворяне. Так что и этот аргумент не проходит.

И уж совсем нельзя принять такой аргумент Сергеева: «Характерно, что „верхи“ (за исключением нескольких героических женщин, вроде боярыни Морозовой) не встали на сторону защитников старой веры и с удовольствием поддержали „латинофильское“ западничество Алексея Михайловича». Представить никонианство, равнявшееся на мировое православие и константинопольский канон, как ипостась западничества – это черезчур смело. И насчет «латинофилии» Алексея Михайловича – тем более. Достаточно пойти в Оружейную палату и посмотреть, на чем сидел, с чего ел, во что одевался, чем вооружался царь – это все, по большей части, вкусы и труды Востока (Турция, Персия, Индия, Сирия, Египет). Как и вся общая эстетическая ориентация Древней Руси после падения Византии и как минимум до середины XVII века; взглянуть хоть на храм Василия Блаженного – краеугольный камень и вместе с тем рубежный столб истинно русской эстетики, вырвавшейся, наконец, из-под ига византийских канонов.

Конечно, к этому времени Европа производила много курьезного, экзотического, что находило себе спрос при русском дворе. Но разве только там? Разве народ стоял в стороне от этого жадного интереса?

Если вы заявитесь в станицу Старочеркасскую (столицу былого донского казачества, откуда еще Стенька Разин вострил свои струги), вы попадете в храм начала XVIII века, главную церковь казаков того времени (заложен в 1706). И что же? В росписях стен и потолка вы с изумлением узнаете яркие цветные картины, срисованные с черно-белых гравюр знаменитой голландской «Библии Пискаatora» (Амстердам, 1643, 1650, 1674). Что, казаки тоже были «латинофилами» или, еще чего хуже, «криптокатоликами»?

Я был немало изумлен этой находкой. Поскольку одним из моих профессиональных увлечений является история европейской иллюстрации, я знал не только откуда взялась такая «латинская» иконография, но и про то, каким образом она попала на Русь: примерно два десятка экземпляров этой чудесно изукрашенной и прославленной Библии было привезено

¹¹⁹ Сергеев С. М. Пришествие нации? – М., Скимень, 2010. – С. 186.

в Москву голландской делегацией для подарков царю и его ближнему кругу (через мои руки проходил экземпляр, принадлежавший царскому родичу, боярину Стрешневу). Вряд ли хоть один из них доехал до Дона. А это значит, что казаки, хоть и старообрядцы по большей части, сами искали в западном мире вдохновительных идейных и эстетических импульсов, вот и раздобыли неведомым путем такой раритет. И разукрасили свой главный храм по его образу и подобию. Сюжеты из упомянутой Библии Пискаatora мы встречаем в церковных росписях и на Русском Севере.

Старообрядцы упрекали никониан в искажении древних канонов иконописи, в новой эстетике храмового убранства, которую они относили к влиянию «латинства». Это было ошибочное мнение, продиктованное лютой вероисповедной враждой и отчаянием побежденных. Парадоксально, но именно новая эстетика ярославской, костромской иконописи и архитектуры, мастеров Оружейной палаты, московских керамистов, архитекторов Ново-Иерусалимского монастыря, «нарышкинского» барокко и пр. и была как раз выражением русского начала, именно она и составила истинно «золотой век» русского искусства, подлинно русский стиль, уже свободный от византийского диктата и еще свободный от западного. Ей бы, кажется, и оформлять сугубо национальное русское православие, каким являлось старообрядчество! Но – не случилось...

XVII век – время оживленных контактов национального русского государства со всем миром, которые не обходились без определенной культурной диффузии. Но никакой «вины» царей и дворянства в том нет. Вестернизация порой затрагивала и низы общества. Один поразительный пример отыскал в архивных документах допетровской Руси исследователь Д. Н. Альшиц, обнаруживший, что в Ошляпецкой волости Яренского уезда в Сибири проживал посадский человек Кузьма Силыч Щелкалов, купец и ростовщик, выросший из простых крестьян. Немало поездив по Зауралью, он жил в родном Яренске и удивлял сограждан своим «немецким видом»: дорогим коротким камзолом и штанами за 80 копеек, сменными шляпами (три штуки по 20 копеек каждая), рублевой тростью и заграничной зрительной трубой в руках неизменно, а шею повязывал немецкими «хальстухами», коих имел 5 штук по 12 копеек каждый¹²⁰. Что выразилось, в самом деле, в этом феномене: «мужицкая кичливость» и «нелепое чванство», по Буссову, или искренняя тяга к «хорошей, правильно устроенной жизни»? Думаю, есть основания предполагать и то, и другое. Если полистать любое серьезное собрание русского лубка, можно увидеть, что влияние западной моды и бытового инвентаря распространилось и на народные массы.

Сергеев пишет, что дворяне-де «хотели не только социально, но и этнокультурно оторваться от „черни“». И что в этом смысле «Петр I пришел на хорошо унавоженную почву».

Это совершенно не так. Допетровское и петровское дворянство было едва ли не самым необразованным и малокультурным слоем Руси (если не считать очень узкой прослойки высшей знати). Гораздо менее вестернизированным, чем, скажем, купечество. И вообще, резкий культурный отрыв правящего класса дворян от народа произошел лишь при позднем Петре, причем совершенно насильственно, по воле монарха. А подспудно едва ли не главным фактором культурной революции – был новый алфавит, новая азбука, переход с кириллической на гражданскую печать и вытеснение рукописной книги – книгой печатной. Но дворянство до Екатерины Второй не имело к этому отношения. А среди десятков литераторов начала XVIII века наблюдается лишь один дворянин, да и то не русский, а заезжий молдавский князь Антиох Кантемир.

Однако указанная культурная революция в целом не коснулась религии русского народа, которая, пройдя через жестокую реформу веком ранее, оставалась более-менее общей для всех

¹²⁰ Альшиц Д. Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. – СПб., 2009. – С. 433–434.

его классов и сословий как во времена Петра Первого, так и перед Октябрьской революцией, да и сейчас остается.

Русский быт русских дворян

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расчеты, брила лбы,
Ходила в баню по субботам...

Пушкин. Евгений Онегин

Тезис о том, что дворяне культивировали в быту все возможные отличия от народной жизни с целью возведения «этноклассового» барьера, красной нитью проходит через рассуждения Соловья и Сергеева.

Но так ли это было на самом деле?

Обратимся вновь ко второй половине XVIII века – к цветущему периоду «дворянской империи», когда именно дворянство как никогда властно распоряжалось и своей судьбой, и судьбой государства. И беспрепятственно, в полную меру проводило в повседневную жизнь, в быт те нормы морали, эстетики, социальной психологии, которые были ему имманентно присущи. Обратимся к этому времени, потому что впоследствии социальное положение разных классов и страт уже никогда не будет столь контрастным, ярко выраженным, а к концу XIX века быт дворянства уже и вовсе в массе своей будет мало чем отличаться от быта прочих образованных и более-менее обеспеченных, хотя и не богатых слоев городского населения, живущих службой и разными видами умственного труда.

Здесь нам неопределимую услугу окажет вышеупомянутая книга О. И. Елисейевой. Для любознательного читателя я сохраняю в тексте ее ссылки на весьма полно и интересно подобранную литературу, а ссылки на страницы самой книги привожу в скобках в конце цитаты¹²¹.

Итак – быт... Что ели-пили, как развлекались, как одевались, на чем ездили...

* * *

Стол. На картинах художников XIX века, в мемуарах современников и бытовых зарисовках писателей можно найти массу свидетельств того, насколько традиционными были вкусы русских людей всех сословий, всегда предпочитавших именно русскую кухню, русскую народную еду. Даже в дневниковых записях наследника цесаревича Николая (будущего последнего царя), которые он вел, направляясь на пароходе с визитом в Японию, мы встречаем дифирамбы русской кухне как самой здоровой и вкусной! Исключительно русскую кухню предпочитал и его отец, великий государь Александр Третий, определившийся в этом отношении на всю жизнь еще с Русско-турецких войн. Сохранились многочисленные меню дворцовых торжественных званых обедов, где мы встречаем не столько утонченные ухищрения французской кулинарии, а по большей части уху с расстегаями, щи, дичь с моченой брусникой, валованы с икрой, рыбу по-русски, бульон с пирожками, гурьевскую кашу и т. п. На картинах Павла Федотова и других бытописателей мы различаем кулебяки, паюсную икру, семгу, ветчину, грибочки, калачи, а на поминальных трапезах – кутью, блины и кисель... На Пасху разговлялись крашеными яйцами, пасхой, куличами, ветчиной – равно дворяне и недворяне. Вспоминается и поросенок с хреном, со сметаной, любимый Чичиковым, и разварной осетр, втихую подъеденный Собакевичем. В ушах всегда готовы прозвучать и сладко отзываться в мечтах бессмертные державинские строки: «Багряна ветчина, зелены щи с желтком, Румяно-желт

¹²¹ Усиленно рекомендую также раздел «Культура застолья пушкинской поры» из книги Е. В. Лаврентьевой «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет» (М., Молодая гвардия, 2007). Я мог бы почерпнуть оттуда еще массу убедительных примеров, но не стал этого делать, дабы не перегружать текст.

пирог, сыр белый, раки красны, Как смоль-янтарь икра, и с голубым пером Там щука пестрая – прекрасны!». Украинское дворянство любило галушки, вареники, свинину во всех видах, гусей. Чеховский чиновник мечтает о запеченной с яблоками утке, «хватившей первого ледку». А Гиляровский описывает подававшийся в трактире у Тестова блинный пирог, в низу которого, на «первом этаже» начинкой служили телячьи мозги, в верху (на двенадцатом, если правильно помню) – налимы печенки, а уж что располагалось между ними, того всего и упомянуть невозможно! И т. д. и т. п. Начать цитировать – не остановишься.

Конечно, у французских рестораторов можно было попробовать и устриц (особенно полюбил их Потемкин, которому оных, переложенных льдом и водорослями, привозили в бочонках курьеры), и «Страсбурга пирог нетленный» (он же консервированная фуа-гра, согласно Лотману) и т. п. На званных обедах у вельмож уровня Юсупова гости угощались шедеврами французской кухни и иными экзотическими блюдами вплоть до ананасов, выращенных в подмосковной оранжерее. Но основой основ всегда оставался простой (и непростой) русский стол.

Трудно поверить, но за исключением отдельных голодных лет или неурожайных местностей, хороший, разнообразный набор блюд не был диковиной и для крестьян. О полном, удивительном изобилии плодов земных на народном столе писали еще авторы-иностранцы, посетившие Россию в XVII—XVIII вв. Всегда там находилось много места для разной рыбы, грибов, каш, овощей, творогу, мучных изделий. Но в данном случае речь не о крестьянском благополучии (об этом – в разделе «Бесправные, зато сытые»), а о важнейшей в жизни традиции еды, единой, пронизывавшей снизу доверху все сословия России, не обходя и дворянство. То же касается и напитков, среди которых медовуха, сбитень и квас (пусть питье оно и не сопровождалось знаменитым карамзинским «Ай, парень! Что за квас!»), плодово-ягодные взвары, кисели всегда имели место быть, не говоря уж о многообразнейших водках. Недавно И. Е. Забелин, величайший знаток русской старины, подробнейшим образом описывая царскую кухню, кладовые и погреба в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», подчеркивал, что быт у государя был по своему ассортименту в точности такой же, что и у зажиточного мужика, только более обильный и качественный¹²². Как ни странно, с 1790-х гг. все сословия объединила симпатия к пуншу, история проникновения которого в Россию мне не известна и который поначалу считался у нас простонародным напитком, но быстро прижился и у дворян (Пушкин: «...и пунша пламень голубой!»).

Словом, сословный барьер можно искать где угодно, только не за столом русского дворянина!

* * *

Одежда. Здесь мы в XVIII—XIX веках действительно нередко видим резкую грань, которой не было в допетровской Руси. Все дворяне и недворяне, облеченные должностью, должны были носить соответствующий мундир (который, впрочем, в армии Потемкина и Румянцева создавался на особый манер, отличавшийся от западных образцов, но, конечно, и от русского традиционного костюма, в том числе военного). Это не было вопросом свободного выбора: таков был правительственный регламент. Но и во внеслужебное время жившие в городах дворяне уже не возвращались к старому русскому наряду. Хотя случались порой и казусы, когда, к примеру, опальный поэт Сумароков, нацепив орденскую ленту поверх старого заношенного халата, шествовал из дома через площадь в кабак напротив. Но эта демонстрация независимости не привлекала последователей...

¹²² Конечно, деревенская беднота питалась хуже. Но настоящая нужда пришла в крестьянскую избу уже после отмены крепостного права в результате резкого обнищания и запустения русской деревни, особенно в центральных областях. Развитие капитализма, социальное расслоение села, переход хлебной торговли в руки еврейских спекулянтов зерном и т. д. привели к повальной нищете и голоду, о чем повествуют, например, источники: Александр Энгельгардт. Письма из деревни (М., 1872—1887); Д. А. Соколов, В. И. Гребенщиков. «Смертность в России и борьба с ней (М., 1901) и др.

Носили западное платье и вообще многие городские жители, особенно в Петербурге. Хотя далеко не везде и не все. Интересное наблюдение оставил французский посол Луи Сегюр, увидевший русскую столицу в 1785 году: «Петербург представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны – модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона; с другой – купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременные пояса. Эта одежда, шерстяная обувь и род грубого котурна на ногах напоминают скифов, даков, роксолан и готов, некогда грозных для римского мира. Изображения дикарей на барельефах Траяновой колонны в Риме как будто оживают и движутся перед вашими глазами. Кажется, слышишь тот же язык, те же крики, которые раздавались в Балканах и Альпийских горах и перед которыми обращались вспять полчища римских и византийских цезарей» (цит. по: Елисеева, 484).

Между тем, за двадцать лет до Сегюра Санкт-Петербург увидел такой наблюдательный путешественник, как Казанова. И ему, напротив, бросилась в глаза показная европеизированность Северной Пальмиры, отсутствие в ней ярко выраженных национальных черт. «В Петербурге – все иностранцы, – писал он. – Кто знает русских по Петербургу, не знает их вовсе, ибо при дворе они во всем отличны от естественного своего состояния»¹²³. Как видим из сопоставления двух свидетельств, русская стихия наступала даже и на Петербург, неуклонно за полвека после Петра преобразая его в полурусский (полуазиатский!) город.

Отменно комментирует высказывание Казановы Елисеева: «Это замечание весьма тонко. На протяжении всего XVIII века Северная столица оставалась чужим городом как для поселившихся в ней выходцев из Европы – немецкой, французской, английской, итальянской, голландской диаспор, – так и для самих русских. Приезжая из глубины империи на службу, они попадали в непривычный мир, мало напоминавший родные города и села. Перед ними был кусочек Европы, перенесенный на русскую почву и вставший в нее не без труда. Русские занимали в столице места чиновников, офицеров, придворных, русской же была и значительная часть простонародья. Этим людям тоже можно назвать диаспорой. . . Их привилегированное положение обуславливалось тем, что Петербург принадлежал Российской империи. А уязвимость объяснялась проблемами культурной конвертации – необходимостью менять привычный образ жизни и перенимать чужой» (Елисеева, 496). Но перемены были двоякими, и волей-неволей Петрополь обрусевал.

Несколько позже декабристы вполне сознательно приняли установку на подчеркнuto русский простонародный образ жизни и быта, на это обстоятельство не преминул указать и сам Сергеев: «М. Дмитриев-Мамонов публично расхаживал в красной рубахе, полукафтানে, шароварах, носил бороду. В. Кюхельбекер мечтал, но не решался носить „русский костюм“, ограничившись тем, что облачил в кафтан своего слугу. Рылеев хотел явиться на Сенатскую площадь в „русском платье“. Можно вспомнить и о его „русских завтраках“ с водкой и квашеной капустой, по поводу которых Н. Бестужев вспоминал „всегдашнюю наклонность“ поэта – „налагать печать русизма на свою жизнь“. Замечательно признание А. Бестужева на следствии, что „в преобразовании России <...> нас более всего прельщало русское платье и русское название чинов“»¹²⁴.

¹²³ Казанова Д. История моей жизни. – М., 1990. – С. 574.

¹²⁴ «Во многом прокламируемые декабристами идеалы оставались на уровне романтической мифологизации прошлого. Но в ряде случаев они составили органичную ступень в процессе дальнейшего движения общественной мысли по пути укрепления почвеннических тенденций» (Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб., 2004. – С. 262).

Впрочем, вдали от Петербурга, где «естественное состояние» русских проявлялось в ничем не ограниченном виде, открывалась и вовсе иная картина. Еще на подступах к Москве, в Твери, тот же Сегюр записал: «При взгляде на толпу горожанок и крестьянок в их кичках с бусами и в их длинных белых фатах, обшитых галунами, богатых поясах, золотых кольцах и серьгах можно было вообразить себе, что находишься на каком-нибудь древнем азиатском празднестве».

Это отдельная и важная тема: относительно европейский Петербург и всю русскую Москва, не говоря уж о провинции русской. Мы никак не можем и не должны преувеличивать роль Северной столицы. В конце 1760-х годов во всей Санкт-Петербургской губернии проживало всего 303332 человека, в то время как в Москве – в три раза больше: 990882 человека. Легко догадаться, что влияние европейской моды, идущее из Питера, вовсе не было всемогущим, а «культурно-бытовые барьеры» с каждой верстой становились тем ниже и жиже, чем дальше от главного города Империи.

«Своеобразие Москвы захватывало приезжих. Но что они видели или, вернее, как интерпретировали увиденное – особый вопрос. Перед ними открывался иной мир – далекий от понятного Петербурга», – верно констатирует Елисеева (498).

«Вид этого огромного города, обширная равнина, на которой он расположен... тысячи золоченых церковных глав, пестрота колоколен, ослепляющих взор отблеском солнечных лучей, это смешение изб, богатых купеческих домов и великолепных палат многочисленных гордых бар, это кишашее население, представляющее собой самые противоположные нравы... европейские общества и азиатские базары – все поразило нас своей необычностью», – вспоминал Сегюр.

«Наконец я достигла древней и обширной столицы России, – писала Виже-Лебрён. – Мне показалось, будто я попала в Исфаган, рисунки которого когда-то видела, настолько сам вид Москвы отличается от всего, что есть в Европе... впечатление от тысяч позолоченных куполов с огромными золотыми крестами, широкие улицы и роскошные дворцы, отстоящие друг от друга на таком расстоянии, что между ними находятся целые селения».

Важно отметить именно демократический характер московской застройки, где излюбленная Соловьев и Сергеевым идея культурных барьеров отнюдь не находила себе воплощения. «Другая черта планировки Москвы, необычная для европейцев и нехарактерная для Петербурга, – отсутствие четкого деления на кварталы бедноты и знати. В Первопрестольной роскошный особняк мог соседствовать с лачугой, дома стояли вперемежку, чем действительно напоминали азиатские города, например Константинополь. Сегюр говорил о смешении „изб, богатых купеческих домов и великолепных палат многочисленных гордых бар“. Австрийский император Иосиф II, посетивший старую столицу России в 1782 году, в качестве комплимента заметил, что он увидел город, где дворцы не подавляют хижин» (Елисеева, 500).

Но мы отвлеклись от костюмной темы.

Если даже в Москве взору наблюдателя представала картина совсем другого быта и облика русских людей, чем в Петербурге, то что говорить о глухой провинции, а тем более деревне? Приехав в свое поместье, редкий дворянин продолжал выдерживать европейский стиль в одежде, особенно если учесть, что такой род занятий, как охота и прогулки, в том числе конные, по полям и лесам занимали у него немало времени. «Панталоны, фрак, жилет», без которых нельзя было выехать не только в петербургский, но и в провинциальный свет, в деревне, где дворянство проводило немало времени, особенно в юности и в старости, становились вовсе не надобны. Тем более зимой, когда востребовались медвежьи дохи, рысьи шапки, лисьи и волчьи шубы и прочие «заячьи тулупчики», в которых отличить барина от крестьянина было трудно. Разве что барин был в сапогах, а крестьяне в лаптях, но и народ носил сапоги испокон веку, как свидетельствуют о том новгородские раскопки. Зимой же все предпочитали валенки...

Как известно, основным средством передвижения были «тройки с бубенцами», конная тяга во всех видах. Летом – на бричках, телегах, двуколках, шарабанах, кибитках и т.п., зимой на санях ездили все, без различия сословий. В наши дни социальная дистанция между владельцем дорогой иномарки и хозяином «Лады» или пассажиром метро куда больше, чем была у ездоков того времени.

Елисеева приводит выразительный рассказ о детстве барчонка, полностью опровергающий поздние выдумки историков насчет социокультурных барьеров противостоящих русских «этноклассов», снабдив их метким комментарием:

«Попечение о детях тоже не отличалось особой хлопотливостью. Разные мемуаристы приводят примеры своего прямо-таки спартанского воспитания. Простая пища, ранние вставания, отказ от теплой одежды одобрялись. И напротив, изнеженность, слабость, неумение самостоятельно одеться осуждались решительно. Было принято, чтобы в деревне маленький барчук играл и резвился вместе с ватагой крестьянских детей. Л. Н. Энгельгардт, адъютант и дальний родственник Г. А. Потемкина, вспоминал о своем детстве в сельце Зайцево Смоленской губернии: «Физическое мое воспитание сходствовало с системою Руссо, хотя бабка моя не только не читала сего автора, но едва ли знала хорошо российскую грамоту. Зимой иногда я выбегал босиком и в одной рубашке на двор резвиться с ребятишками и, закоченев весь от стужи, приходил в ее комнату отогреться на лежанке; еженедельно меня мыли и парили в бане в самом жарком пару и оттуда в открытых санях возили домой с версту. Кормился я самую грубою пищею и оттого сделался самого крепкого сложения, переносил без вреда моему здоровью жар, холод и всякую пищу; вовсе не учился и, можно сказать, был самый избалованный внучек»¹²⁵.

Зарисовка относится к 70-м годам XVIII века. Примерно в это же время бедные дворяне Яковлевы из Оренбургской губернии воспитывали дочь точь-в-точь в таких же патриархальных нравах. «Меня учили разным рукоделиям и тело мое укрепляли суровой пищею и держали на воздухе, не глядя ни на какую погоду, – вспоминала Лабзина. – Шубы зимой у меня не было; на ногах, кроме нитных чулок и башмаков, ничего не имела: в самые жестокие морозы посылали гулять пешком, а тепло мое все было в байковом капоте. Ежели от снега промокнут ноги, то не приказывали снимать и переменять чулки: на ногах высохнут»¹²⁶.

Сообразно физическому было и нравственное воспитание. Те, кто не мог дать детям хорошее домашнее образование, учили их, по крайней мере, говорить правду, не осуждать окружающих и терпеливо переносить недостатки других людей – качества, считавшиеся необходимыми в «человеческом общежитии». Графиня В. Н. Головина писала о своем детстве, проведенном в обедневшем подмосковном имении Петровское: «Мне было положительно запрещено лгать, злословить, относиться пренебрежительно к бедным или презрительно к нашим соседям. Они были бедны и очень скучны, но хорошие люди. Уже с восьми лет моя мать нарочно оставляла меня одну с ними в гостиной, чтобы занимать их. Она проходила рядом в кабинет с работою и, таким образом, могла все слышать, не стесняя нас. Уходя, она мне говорила: «Поверьте, дорогое дитя, что нельзя быть более любезным, как проявляя снисходительность, и что нельзя поступить умнее, чем применяясь к другим»¹²⁷» (Елисеева, 342—344).

Вот вам и «барьеры», вот вам и «стремление отгородиться от эксплуатируемых масс»...

Спустя сто с лишним лет после событий, описанных Энгельгардтом, великий русский писатель, дворянин, известный впоследствии как «третий Толстой», в беллетризованных мемуарах «Детство Никиты» рассказывает про свое воспитание в деревне, ничем принципиальным не отличающееся от вышеприведенного.

¹²⁵ Энгельгардт Л. Н. Записки // Русские мемуары. XVIII век. – М., 1988. – С. 218.

¹²⁶ Лабзина А. Е. Воспоминания // История жизни благородной женщины. Россия в мемуарах. – М., 1996. – С. 39.

¹²⁷ Головина В. Н. Мемуары. – М., 2005. – С. 15.

Нет, и одежда, внешний вид, как и столование русского дворянина, вовсе не ставили непроходимых барьеров между ним и русским простонародьем. Те же, кто утверждает, будто именно в России, в отличие от более социокультурно гомогенной Европы, одежда представляла собою культурный код, разграничивавший сословия и классы, никогда, как видно, не держали в руках сабо, в которых поголовно ходило все французское крестьянство, – здоровенные, тяжеленные и грубые деревянные колодки, в которых не побегаешь...

Наконец, нельзя не отметить, что чем ближе была роковая черта, за которой русская Россия перестала существовать, тем меньше оставалось различий в одежде городских сословий (отличие одежды крестьянина от одежды горожанина обусловлено характером быта и труда и нигде никогда не воспринимается как социальный барьер). И накануне революции мы видим картину, во многом обратную той, что наблюдалась в XVIII и большей части XIX вв. С одной стороны, русские горожане начинают все одеваться более-менее по-европейски. С другой стороны, высшее общество начинает возвращаться во многом к допетровским образцам и вообще сближаться с русским народом в плане внешнего облика.

Кстати, в логике моих антагонистов естественно было бы предположить, что коль скоро внешний вид европеизированного дворянства вызывал в народе раздражение и отторжение, то после победы Октября население Советской России должно было бы от этого внешнего вида отказаться и массово вернуться к русскому народному костюму. А что мы видим в действительности? Все наоборот: европейский стандарт в одежде уже к Октябрю распространился на простой народ в очень значительной мере, а после революции и вовсе стал общеупотребительным. Спрашивается: «за что боролись»? Явно не за то, что нам пытаются втолковать историки Соловей и Сергеев.

* * *

На этом месте я хочу ознакомить читателя с парой фрагментов из главы «Золотой век русского искусства и Новое время» своей недавно написанной книги «Золотой век русского искусства – от Ивана Грозного до Петра Великого». Из этой главы всем станет кристально ясно одно: начиная с середины XIX века в русской культуре идет не дальнейшее размежевание, расслоение русской нации по классово-сословному признаку, а напротив – интенсивное преодоление этого рокового разрыва, наследия Петра. Культурные приоритеты и вкусы верхних и нижних слоев предреволюционного общества не расходятся, а неуклонно сближаются между собой – и притом именно в русском национальном духе, свойственном допетровской России. Понятно, что этого могут не знать иностранные русологи, многообразные ливены с хоскингами (что с них взять!), но уж русским-то историкам не следует путать святое с грешным и иметь заблуждения по такому важному поводу. Итак...

Навстречу русскому стилю. Апология историзма

...Русское в архитектуре отчасти появляется только в эпоху Николая Первого – как реабилитация русской допетровской истории и как своего рода оммаж по отношению к родоначальникам династии Романовых. Но это не значит, что в течение XVIII и первой четверти XIX века все мотивы русского национального искусства, сотворенные и разработанные в период его Золотого века, были напрочь стерты и исключены из жизни высшего общества.

Нельзя не учитывать, например, что русское правительство, пережив рецидивы прямого засилья иностранщины в эпоху Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны и Петра Федоровича, сознавало важность демонстрации своей причастности к основному народу Российской империи. Тем более, что восшествие на престол как Елизаветы Петровны, так и Екатерины Второй было осуществлено руками русского дворянства, чье национальное сознание было оскорблено и возмущено германофильской политикой обеих Анн и Петра Третьего и требовало компенсации. Отсюда – акцентированные проявления русскости, которые Елизаветой осуществлялись

в виде показной сугубой религиозности, а Екатериной еще и в развлечениях двора, специально рядившегося порой в национальные народные русские костюмы, посещая устроенные императрицей «русские праздники»¹²⁸. Как подчеркивает в данной связи исследовательница Е. И. Кириченко: «Русская одежда, недавно еще изгонявшаяся, ношение которой грозило карами, превращалась в знак особо важных, с точки зрения государственной этики и морали, качеств и употреблялась в исключительных, праздничных случаях. Документы екатерининского времени неоднократно фиксируют: „... дамы съезжались на собрания в русских платьях“. Императрица, отдавая им явное предпочтение, „сама иного праздничного наряда не имела“»¹²⁹.

Вообще, с 1970-х гг. Екатерина Вторая «пристрастилась к стилизованному русскому платью», очень красивому в своей изысканной простоте, которое время от времени надевала¹³⁰. Это был своего рода вызов или, если угодно, ответ на насильственную вестернизацию, проводившуюся некогда Петром Первым, обратный ход в эстетике и историческом сознании, имевший остро политический характер.

Понятно, что пример императрицы имел огромное значение для великосветских кругов. Глядя на императрицу, за ней поспевали вельможи, и мода на русское не выветривалась вовсе из великосветской среды <...>

Отчасти реабилитация русского женского наряда произошла также «во время подъема патриотического движения, захватившего дворянство накануне, в период и после Отечественной войны 1812 года, в связи с повышенным интересом ко всему русскому... В созданные на манер античных туник модные платья вносятся черты русского народного костюма, обнаруживается очевидное подражание его основным составляющим – сарафану и рубахе»¹³¹.

Впоследствии эта тенденция окажется подхвачена Николаем Первым <...> Вскоре император пошел еще дальше: в 1834 году он издал указ «о создании парадного платья дам на русский манер. В нем вновь (со времен Екатерины Второй. – А.С.) строго регламентировались покррой, цвет, ткань и характер украшений... Дополняли наряд фрейлин и придворных дам кокошник с белой вуалью для замужних женщин и повязка, также с вуалью, для девиц. Установленный Николаем I тип парадного костюма в русском духе в общих чертах сохранялся до 1917 года, меняясь в соответствии с особенностями модного силуэта того или иного времени лишь в деталях»¹³².

Николай Первый, не доверявший русским дворянам, что неудивительно, учитывая семейную историю и обстоятельства его восшествия на престол в день декабрьского восстания, всю жизнь осознанно приближал к трону остзейских баронов, вообще немцев, опирался на них. Это вызывало великое раздражение у русских дворян. Подчеркнутая ставка на внешние проявления русскости была поэтому необходима императору для «политического баланса». Но возможно, русофильство царя Николая Первого было отчасти искренним, поскольку именно в его царствование сложилась, отчеканилась нетленная триединая формула российского государственного строя: православие, самодержавие, народность, превратившаяся в подлинную идейную доминанту эпохи. Она ко многому обязывала не только подданных, но и самого монарха. Следовало соответствовать ей не только придворным антуражем, но и вообще всей культурной политикой. Считая увлечение Западом одной из главных причин возникновения феномена декабризма¹³³, Николай полагал необходимым противопоставить этому русское национальное начало, а значит – русскую историю и традиционное русское искусство.

¹²⁸ См.: Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. – М., Молодая гвардия, 2008.

¹²⁹ Кириченко Е. И. Русский стиль. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М., БуксМАрт, 2020. – С. 89.

¹³⁰ Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины... – С. 208.

¹³¹ Кириченко Е. И. Русский стиль... – С. 91.

¹³² Кириченко Е. И. Русский стиль... – С. 91.

¹³³ На самом деле декабристы относятся к наиболее ярким сторонникам русского национализма (недаром Рылеев устраивал у себя «русские вторники», Пестель показательно назвал свой политический шедевр «Русской Правдой», а А. Бестужев

Что же касается русского образованного общества тех лет, то решительный поворот в отношении к Древней Руси связан, как известно, с трудами историка Н. М. Карамзина, «открывшего» соотечественникам их собственную страну, как Колумб Америку (Пушкин). Его «История государства Российского» была выпущена в публику в 1817 году. Это немедленно отразилось в искусстве: вскоре Михаил Глинка ставит оперу «Жизнь за царя» про подвиг Ивана Сусанина, Академия художеств начинает поощрять живописцев, работающих над воплощением сюжетов из русской истории, царь Николай со своей стороны старается подвигнуть их к тому же (так, он советует Александру Иванову написать крещение Руси, а Карл Брюллов пишет для царя огромное полотно на тему мужественной борьбы осажденного Пскова с нашествием Батория), в творчестве Алексея Венецианова обретает полноправие русский национальный костюм и народный типаж, Пушкин создает своего «Бориса Годунова», Загоскин – «Юрия Милославского» (интересно, что Фаддей Булгарин за критику на этот национально-патриотический роман был в 1830 году посажен на гауптвахту по личному распоряжению императора). И т. д.

В одном из писем тех лет Пушкин метко пишет о «контрреволюции» Николая, противопоставляя его реформатору-революционеру и одержимому западнику Петру Первому. Сегодня можно подтвердить эту характеристику, ибо ясно, что именно в годы николаевского правления вчерне совершился и даже юридически оформился переход от европейского классицизма к начальному Русскому Ренессансу. Чтобы это вполне понять, достаточно взять в руки две исторические вехи – два издания: тетради высочайше утвержденных архитектурных образцов для городской застройки (преимущественно церковной). Один комплект вышел в 1824 году и был утвержден еще Александром Первым, второй – в 1844 году, составленный К. А. Тоном, главным проводником русско-византийского стиля, и утвержденный Николаем Первым. Сравнивая эти тетради, мы видим, что век безраздельного торжества русского классицизма (ампира) заканчивается как раз с правлением старшего брата, Александра, а для младшего, Николая, исчерпанность данного направления стала уже очевидной и он «дал отмашку» национальному стилю. (В своих проектах К. А. Тон протезировал некоторым допетровским архитектурным формам, в том числе – ярусным колокольням, закомарам и шатрам, что важно.)

Конечно, в этом сказался и общий переход в русской культуре от принципов классицизма к принципам романтизма (в комплекс которых входит культ родной старины). Голоса политики и эстетики слились в данном случае в стройный дуэт.

Специфика 1840-1850-х годов еще в том, что в данный период зарождается и оформляется движение славянофилов, для которых возрождение русского национального искусства – именно допетровского – осмыслялось как программная цель, охватывающая все отрасли культуры и даже быта. На этой идейной платформе возникала определенная смычка рафинированной дворянской интеллигенции и русского купечества преимущественно старообрядческого извода, также ориентированного на допетровскую Русь, допетровское культурное наследие. Идеология славянофилов приобрела значительную популярность благодаря умной, высококультурной пропаганде в столичных литературных салонах, книгах, журналах и газетах, она завоевывала позиции как в среде интеллигенции, так и в высшем свете. В пореформенное время славянофильство как таковое сходит со сцены, уступая место почвенничеству и русскому национализму, что также создавало в обществе атмосферу, благоприятную для развития русского стиля. В том числе в его фольклорном, крестьянском варианте.

признавался на следствии, что «в преобразовании России <...> нас более всего прельщало русское платье и русское название чинов»). Но торжество русского духа они понимали иначе, чем Николай, и их генетическая связь с французским Просвещением, вольтерьянством, Великой Французской революцией также, разумеется, имела место быть. Подчеркнутое показное русофильство Николая, таким образом, следовало мейнстриму русского общества, устремившегося к своим корням, с одной стороны. А с другой – делало осознанный упор на, как теперь сказали бы, «национализацию элит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.